

Международная
научная конференция
РОССИЙСКИЙ МИТТЕЛЬШПИЛЬ:
экономика, техногенез,
геостратегия

Под редакцией
Ю. М. Осипова,
С. С. Нипа,
Т. С. Сухиной

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова

Экономический факультет

Научный совет

«Центр общественных наук МГУ»

Академия философии хозяйства

Международная научная конференция
РОССИЙСКИЙ МИТТЕЛЬШПИЛЬ:
ЭКОНОМИКА, ТЕХНОГЕНЕЗ,
ГЕОСТРАТЕГИЯ
Сборник тезисов

Под редакцией
Ю. М. Осипова, С. С. Нипа, Т. С. Сухиной

Москва
5–7 декабря 2018

УДК 33; 32; 1
ББК 65в
Р77

Р77 Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия : Сборник тезисов выступлений Международной научной конференции / Под ред. Ю.М. Осипова, С.С. Нипа, Т.С. Сухиной. — М. : Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. — 176 с.

ISBN 978-5-906932-08-2

В сборнике приводятся тезисы выступлений участников Международной научной конференции «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия», состоявшейся 5–7 декабря 2018 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова по инициативе лаборатории философии хозяйства и Научного совета «Центр общественных наук МГУ».

Тезисы сгруппированы в разделы в соответствии с программой конференции.

УДК 33; 32; 1
ББК 65в

ISBN 978-5-906932-08-2

© Экономический факультет МГУ
им. М.В. Ломоносова, 2018

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Российский гамбит с жертвами фигур уже в прошлом. В разгаре миттельшпиль — средняя и самая ответственная часть большой экзистенциальной игры, вынужденно ведущейся Россией на мировой «шахматной доске», правда, игры, с одной стороны, с разнообразным внешним контекстом — за и против, а с другой стороны — игры с самою собою, тоже весьма разнообразной и тоже рискованной. Выбор, выбор и выбор! Напряжение, ни дня передышки, мобилизация. Расставание с Западом, дрейф на Восток, движение к самой себе. За политическим суверенитетом — суверенитет экономический; за технологическим — оборонный; за военным — геостратегический. Надо ли? Если нет, то не надо и России, а ежели Россия есть, то все это надо, ибо без всего этого нет и не может быть никакой России. Россия — не страна, а мир, причем мир особенный, мало того — судьбоносный, неприемлемый, возможно, для отечественной и мировой обыденности, не говоря о всяческом закулирье, но крайне необходимый для метаистории, чающей уже не очередного для себя поспешного выхода, а тотального себя же спасения. Россия, шаг за шагом входящая в новый для себя исторический образ, способна свернуть с пути общемирового гедонистического и суицидного процветания и вступить на путь уже чуть ли не маргинального для человечества и даже самой России спасения. Каковы же они — верные ходы России в незримых теснинах политического, экономического, технологического и геостратегического криптолабиринтов? Большая игра идет по миру, а промахи в ней, даже и малые, не прощаются!

Ю. М. Осипов

Ю. М. Осипов
д.э.н., профессор,
заведующий лабораторией
философии хозяйства,
экономический факультет МГУ
имени М. В. Ломоносова
Россия, Москва

Российский миттельшпиль: большая игра, историческая партия, острое положение

То, что бытие-история в неограниченной мере разнообразная игра, не вызывает сомнения. Что касается планетарного мира и больших стран, то тут и там идет нескончаемая большая игра — как меж разными субъектами-игроками на мировой арене, так и меж так или иначе сконсолидированными по интересам, намерениям и достижениям социальными и политическими силами внутри стран, не исключая и захватывающей игры власти с вверенным или же подвластным ей населением.

Наличие повсюду реальной экзистенциальной игры позволяет образно, при этом, конечно, весьма условно, сравнивать ее с любой фактической игрой — игрой как игрой, но более всего, пожалуй, с шахматной игрой, что позволяет видеть и метафизически обозначать субъектов-игроков, действующие фигуры, предпринимаемые ходы и многоходовки, разворачивающиеся партии, а также части-стадии обозначенных партий: дебюты, миттельшпили, эндшпили, ну и, разумеется, финалы в виде обоюдных ничьих, чьих-то побед и чьих-то поражений, настоящих взлетов и действительных фиаско.

Вот и в нынешнем (переменчивом) турбулентном мире идет большая игра, вершатся партии, возникают ситуации, случаются и кое-какие свершения. Идут большие игры и по странам, интеграционным объединениям, регионам, меж отдельными странами.

Не в стороне от большой мировой игры и Россия, она в ней — активный участник, да не только не из последних, а из самых что ни на есть (Sic!) первых. Не в стороне Россия и от своей собственной, уже не внешней, а внутренней игры — весьма, заметим, не простой, не нейтральной и вовсе не малозначимой, вполне себе и судьбоносной.

Нам интересны самые новейшие игры, в которых либо активно участвует, либо которые прямо ведет Россия в лице Российского государства, верховной власти, правительства, правящей элиты, нации в целом, даже и народа, того же электората.

Отправным рубежным пунктом здесь могут служить как 1985 г. (начало перестройки), 1991 г. (развал СССР, крах соцсистемы, движение России в сторону Запада, объявленная реформа 1990-х), так и 2000 г. (смена лидерства в России и стабилизация пореформенной системы), и тот же 2007 г. (латентное начало «гуманитарной войны»).

Если обратить внимание на факт открытия Россией *собственной партии* в мировой геостратегической игре, то нельзя не поставить отправного акцента на 2007 г., а ежели остановить внимание на внутрироссийской социохозяйственной с политическим окрасом игровой партии, то тут предпочтительнее, конечно, 2000 г. — год кое-какого относительно «славных» 1990-х перелома, — нет, вовсе не великого — во внутристрановом пореформенном жизнеотправлении.

Итак, две сакральные партии: внешняя 2007 г. и внутренняя с 2000 г., там и там — миттельшпили, вовсе уже не дебюты, но еще и не эндшпили.

Что касается внешней партии, начатой Россией ради своего геополитического суверенитета и перехода планетарного мира от однополярного строения к многополярному устройству с рядом иных больших образований, включая и российское, то сия партия идет для России — ее инициатора и главного противозападного игрока, весьма, скажем полегче... неплохо, если не весьма... успешно, пусть для большинства обозревателей по миру это неожиданно и попросту невозможно, хотя сама эта партия трудна, сложна и затратна и крайне рискована.

Игра эта всю идет, партия в разгаре, миттельшпиль в наличие, кое-какие сносные перспективы просматриваются, хотя партия сия, повторяем, более чем серьезное и рискованное деяние-происшествие, крайне и судьбоносное — что для России, что для Запада, Востока, Юга, да и всего мира.

Большая тут партия в очень большой игре!

Не надо думать, что внутренняя для России партия, миттельшпиль которой вершится сейчас, прямо на глазах, не очень большая, не такая серьезная, рискованная и судьбоносная, чем ее внешний аналог, пожалуй, что и наоборот, хотя это уж кому как представляется.

Суть этой внутренней партии в утверждении в стране *пореформенного строя* с некоторым его усовершенствованием при фактическом отказе верховного правления от радикального перехода к *постреформенному устройству страны*, ее социохозяйственной среды, управленческой си-

стемы, культурно-цивилизационного фона, включая и научно-образовательный.

Думается, что мартовские события 2018 г. и последующие деяния верховной власти, подтвердившие сохранение достигнутой «фигуры строя», не способствовали возникшему было в ожиданиях единению власти и нации, скорее, растворив надежды на переустройство модели бытия, способствовали расхождению сторон, что чревато, как показывает та же совсем недавняя российская история, серьезными бытийными осложнениями и совсем не радостными для всех финалами.

А ведь это не что иное, как вернейшее проявление экзистенциально-модельного кризиса, за которым скрывается вполне себе уже собственный концептуальный и функциональный кризис возникшего и удерживаемого на плаву пореформенного строя. Да об этом факте можно и не говорить, закрыв на него глаза, но ведь «нутро»-то страны — это ныне не что-нибудь, а... фронтовой тыл, где сколько-нибудь опасный для страны системный кризис попросту недопустим!

Если уж мобилизация и перестроение, то пусть будет мобилизация и перестроение, лишь бы не было... нет, вовсе не войны, которая уже идет, а... *кризиса!*

Вот таким видится *российский миттельшпиль*, точнее, сразу *два миттельшпиля: внешнепартийский и внутривнутрипартийский*, — и оба видятся очень по-разному, хотя они и тесно взаимосвязаны: один — внешний — «ничего себе!», другой — внутренний — «так себе», и между ними зияющее несоответствие, если не «черная дыра», чего никак не должно допускать в «воюющей стране», а раз так, то никогда не поздно (или пока не поздно) сделать потребные выводы из ситуации и предпринять нужные игровские ходы, чтобы вытащить тыл на уровень фронта, а фронт не свести к уровню тыла.

Да будет!

Раздел I

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

У. Ж. Алиев
д.э.н., профессор,
вице-президент Образовательной корпорации «Туран»
Казахстан, Астана

Российский миттельшпиль с сомнительным дебютом и ...обнадеживающим эндшпилем

«Миттельшпиль» — в шахматно-шашечной теории срединная, наиболее ответственная часть партии. Но, в свою очередь, общее положение миттельшпиля в определенной мере зависит и от «дебюта» — первых шагов в начале партии. Ведь, как говорили мудрецы разных эпох, «путь в десять тысяч ли начинается с первого шага» (китайская мудрость), «*Достоинство человека определяется его подходом (намерением, началом. — У. А.) к делу, а не тем, как он его завершил*» (Абай Кунанбаев) [1, с. 74]. И, памятуя об этом, Ю. М. Осипов образно описывает «дебют» постсоветской России в виде «российского гамбита с жертвами фигур», причем, как известно, жертвами «тяжелых» фигур в социально-экономической жизни страны вкуче с «пешечным строем» — народом. К слову, такая же картина сложилась и в «дебютной части» нынешнего суверенного Казахстана с соответствующим «миттельшпилем».

«Расставание с Западом»: не географически, а мировоззренчески, ценностно, ментально, т.е. в собственно *культурно-историческом* смысле и отношении. «Дрейф на Восток, движение к самой себе»: опять-таки не географически, а именно в вышеуказанном смысле. Другими словами, видимо, начинает срабатывать формула «*Восток—Запад—Восток*», синтезирующая в новейшее время разрозненные ранее формулы: «*Восток—Запад*», «*Запад—Восток*» [2].

«Россия — не страна, а мир, причем мир особенный, мало того — судьбоносный». В чем ее особенность? Конечно, не в чисто цивилизационных характеристиках, а в уникальной *национально-культурной* самобытности России, характеризующейся собственными онтологическими, аксиологи-

ческими (ценностными), духовно-нравственными основаниями. А в чем ее судьбоносность? В том, что Россия, главным образом, своей богатейшей культурно-исторической и, вдобавок, государственно-цивилизаторской миссией вполне способна противостоять вездесущему субъективному *глобализму*, исходящему, прежде всего, от США и их союзников (в последнее время — и от Китая), результатом чего и является «апокалиптически содрогающаяся метаистория» современности. Кроме того, она способна смягчить и негативные «ударные волны» объективного процесса *глобализации* путем ведения суверенной государственной политики в области национальной экономики и выстраивая подлинную миротворческую геостратегию в международных отношениях, отчасти входя в макрорегиональные (межрегиональные) интеграционные объединения (союзы) и налаживая механизм их эффективного функционирования. Очевидно, этими обстоятельствами и продиктована выражение-максима: «Большая игра идет по миру, а промахи в ней, даже и малые, не прощаются!»

Что же касается «большой игры по миру и промахов в ней...» — это уже из области *«российского эндшпиля»*, завершающей части шахматной (шашечной) теории и партии. И каков характер российского эндшпиля или каковы результаты сегодняшнего «российского миттельшпиля», все это зависит от того, «каковы же верные ходы России в незримых теснинах политического, экономического, технологического, геостратегического криптолабиринтов?». Я бы дополнил этот список собственнo человеческим, экологическим, организационным, информационным, правовым, управленческим и собственническим компонентами инвариантно-интегральной структуры хозяйственной (экономической) системы общества [3]. И, как говорится, «надежда умирает последней», а предполагаемые «верные ходы России», исходящие, как правило, от «мыслящего меньшинства» и поддерживаемые истинными патриотами своего отечества, завершатся *обнадеживающим эндшпилем*. Да будет так!

Напоследок, перефразируя известное выражение К. Маркса, хочу сказать: социально-экономическая «анатомия и физиология» современной российской реальности с ее вышеуказанными дебютом и миттельшпилем (и возможным эндшпилем) — «ключ к анатомии и физиологии» современного (постсоветского) Казахстана, которые в принципиальных позициях в полной мере соответствуют друг другу. И в этом отношении тематика данной, как и прошлогодней, конференции на руку нашим отечественным исследователям в деле анализа, диагностики и принятия необходимых концептуальных мер по оздоровлению и развитию казахстанского общества.

Литература

1. *Абай Кунанбаев*. Слова назиданий. Алма-ата, 1970.
2. *Алиев У.Ж.* Концепция модернизации в контексте трех типов общества: традиционного, гражданского, гуманистического. Сб. «Модернизация: мировой опыт и современный Казахстан». Алматы, 1995.

- Ч. 1; *Он же*. Какая модернизация нужна для России сегодня? (Некоторые теоретические размышления). Ренессанс философии хозяйства / под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2011.
3. *Алиев У. Ж.* Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель. Алматы: НИЦ «Ғылым», 2001. Гл. II.
 4. Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия / под ред. Ю. М. Осипова, И. Р. Бугаяна, Е. С. Зотовой. По итогам международной научной конференции (6–8 декабря 2017 г., экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова). М.: Креативная экономика, 2018.

О. В. Андреева

к.э.н., доцент,

Ростовский государственный университет

путей сообщения

Россия, Ростов-на-Дону

Адаптивность российской экономики в мировом контексте: источники и исходы

Развитие российской хозяйственной системы, происходящее под давлением разнообразных стрессоров (уровней от нано- до мега, формируемых в контурах гибридизации и гиперсетевых эффектов), результируется в весьма противоречивых эффектах для российской экономики. Это выражается в том, что экономическая динамика как демонстрирует очевидные успехи, так и обнажает беспрецедентные по своей силе и масштабу деструкции. Сложность разработки и реализации экономической политики в России обусловлена множеством факторов, наиболее существенные из которых так и не включены в число объективных и используются аналитиками в рамках «экспертных оценок». Геополитические стрессоры в сочетании с дальнейшим распространением отрицательных сетевых эффектов, накопленных за время становления российской модели управления, формируют специфическую систему внерыночных механизмов, которые встраиваются (а иногда — и просто маскируются) в рыночные алгоритмы, изменяя их природу и формируя уже не просто «надстройку» над хозяйственной системой, а целый набор встроенных «голограмм», существующих одновременно и в реальной, и в виртуальной экономиках и функционирующих по своим собственным законам. Активизация экономического роста, изыскание новых форм и механизмов стимулирования экономической динамики, формирование новых «точек роста» российской экономики существует одновременно с низкой производительностью труда, нарастанием «нетранспарентной транс-

парентности» [1], квазиэффективностью государственного управления и ростом уровня дифференциации доходов. Эти вопросы стоят на повестке дня российского экспертного сообщества, дискуссии которого все чаще приобретают характер конкуренции в SMM за аудиторию, рискуя превратиться в популизм.

Вместе с тем, исследование стрессоров как гиперсистемных характеристик условий хозяйствования в российской экономике позволяет сделать вывод о том, что их широкая дифференциация создает благоприятную среду для формирования свойства адаптивности как эссенциального элемента в условиях неопределенности исхода глобальной конкуренции за «новую модель мироустройства» или даже, по мнению профессора Ю. М. Осипова, концептуального характера «...разгорающейся войны мировых пирамид». [2]

Прогнозирование доминантного набора исходов развития глобальной хозяйственной системы не представляется сколько-нибудь достоверным, поскольку даже искусственные нейронные сети, ранее рассматриваемые как технология, позволяющая противостоять стремительно нарастающему объему метаданных, показали свою дисфункциональность в случаях, когда в пул обрабатываемых данных попадали сведения, являющиеся результатом фальсификаций и информационных «вбросов»: искусственные нейронные сети не просто не способны работать в рамках «голограмм» хозяйственной системы, они сами начинают создавать подобные голограммы, тем самым обеспечивая нарастание «нетранспарентной транспарентности».

В этих условиях ключевым фактором формирования адаптивности как главного свойства хозяйствующих акторов, вне зависимости от типа «новой модели экономического роста», становится не привычный уже «человеческий капитал», а новая формация человека — человека мыслящего, изобретательного, мудрого и, при этом, способного эффективно коммуницировать с «античеловеками», способного управлять не только в реальном секторе, но и в условиях тиражирования «голограмм» и «симулякров», умеющего находить компромисс между целями глобального финансового капитала и базовыми ценностями социально-экономических систем. Именно такой тип управленцев способен сформировать адаптивные структуры и алгоритмы хозяйствования, так необходимые российской экономике в условиях непрекращающихся преобразований и нарастающих геополитических стрессоров.

Развитие описанной выше адаптивности базисных элементов российской хозяйственной системы действительно может обеспечить не только контекстуальность реакций на внешние геополитические и внутренние организационно-финансовые стрессоры, но и долгосрочную жизнеспособность всего евроазиатского пространства за счет включения механизма трансляции сетевых эффектов. Введение адаптивности в число важнейших свойств хозяйственных подсистем обеспечит кастомизацию этого свойства по всем уровням гиперсистемы, что значительно повысит способность российской экономики к гибким реакциям и устойчивому развитию.

Литература

1. *Андреева О. В.* Концептуальные основы новой промышленной политики: проблемы и противоречия // *Философия хозяйства*. 2015. № 3 (99). С. 105–112.
2. *Осинов Ю. М.* Бремя тектонических перемен, или Мистериальный танец мировых пирамид // *Философия хозяйства*. 2018. № 4. С. 11–23.

Д. Ю. Афанасьев
аспирант департамента мировой экономики
и мировых финансов, Финансовый университет
при правительстве РФ
Россия, Москва

Финансовый капитал в глобальной экономике: перспективы институциональной трансформации

Исследование финансового капитала с научной точки зрения — тема не новая. Свое развитие оно получило в начале XX в.; с тех пор научная мысль не раз предпринимала попытки подвергнуть ревизии данный вопрос.

Наше понимание общественного организма является синтезом натуралистического подхода Николо Макиавелли и марксистской трактовки политической власти. Наше видение рассматриваемого вопроса заключается в следующем. Социальная природа власти, по Н. Макиавелли, сводится к борьбе «знати» и «простонародья», а основными инструментами власти являются право («хорошие законы») и сила («хорошее войско»). Следует добавить, что на современном этапе развития мирохозяйственных отношений понятия власти политической, экономической, а что еще важнее — идеологической и культурной с трудом отделимы друг от друга. В этом смысле, модифицируя марксистскую формулу, можно утверждать, что господствующая социальная группа доминирует или стремится доминировать во всех сферах человеческих отношений. Финансовый капитал в данном понимании является лишь экономическим проявлением власти «знати», которой обладают отдельные социальные группы, как на национальном, так и наднациональном уровне.

Финансовый капитал — институциональная форма общественных отношений в экономико-финансовой сфере, выступающая как инструмент реализации общественной структуры власти-подчинения в рамках мировой экономики.

Финансовый капитал, в нашем понимании, как феномен экономической действительности, лишен политической и идеологической окраски; для каждого субъекта управления форма финансового капитала индивидуальна (зависит от этнической принадлежности элиты — «души расы», по Гюставу Лебону). Однако, в целом, финансовому капиталу присущи общие черты.

Самая главная черта — стремление к приращению. Сегодня указанная характеристика стоит перед вызовом ввиду глобальных дисбалансов мировой экономики.

Так, сомнению подвергается сама возможность размещения инвестиций выгодным и безопасным способом. Глобальный вопрос сохранения сбережений усугубляется наличием огромного количества ликвидности центральных банков. Количественные смягчения размывли ценообразование на финансовых рынках, что создало прецедент стимулирования инвестирования в отрыве от фундаментальных основ стоимости (пример — действия Государственного Пенсионного Фонда Японии и Национального Банка Швейцарии).

Финансовый капитал существует в рамках отрасли управления активами, которая претерпевает изменения.

Институциональная структура современной мировой финансовой системы сформирована финансовым капиталом и оказывает влияние на него, способствуя развитию двух характеристик: обезличенности и абсолютной мобильности.

Абсолютная мобильность подразумевает возможность находить точки приложения, невзирая на национальные границы и природу финансового инструмента. Трансграничные инвестиции в недвижимость, акции, облигации, деривативы, криптоактивы становятся равновозможны.

Обезличенность проявляется в форме существования финансового капитала: возникли инвестиционные фонды различной природы, скрывающие конечных владельцев, что в академической литературе известно как понятие «собственности институтов». Помимо коммерческих организаций, явно нацеленных на получение прибыли, к таким инвестиционным фондам мы относим также благотворительные и трастовые фонды. Среди коммерческих организаций рассматриваемые фонды различаются по классу активов, отношению к конъюнктуре рынка, региональной направленности инвестиций etc.

Особенный тип инвестиционных единиц в современных условиях представляют фонды абсолютной доходности, иначе хедж-фонды. В мире наблюдается тенденция повышения интереса к ним.

Россия отстает от тренда. Российская отрасль хедж-фондов оценивается в размере 4–5 млрд долл., по сравнению с 3 трлн долл. в мире. В этом сегменте Россия, существуя в капиталистической конфигурации экономики, может и должна конкурировать, извлекая выгоды из международного движения капитала.

Литература

1. *Смирнов Ф. А.* Влияние хедж-фондов на трансформацию мирохозяйственных связей: Дисс. ... канд. экон. наук. М.: Финансовый университет, 2015. 205 с.

2. Влияние глобализации на формирование российского финансового рынка: монография / коллектив авторов; по ред. Е. А. Звоновой. М.: КНОРУС, 2018. 250 с.
3. Дас С. Трейдеры, Пушки и Деньги: известные и неизвестные в сверкающем мире деривативов / С. Дас. М.: ВолтерсКлувер, 2008. 440 с.
4. Грэхэм Б., Цвейг Дж. Разумный инвестор / пер. с англ. М.: ИД «Вильямс», 2009. 672 с.
5. Миркин Я. М. Финансовый конструктивизм / Я. М. Миркин. М.: Лингва-Ф, 2014. 360 с.
6. Талей Н. Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса / пер. с англ. Н. Караева. М., 2014. 762 с.
7. Энгдаль У. Боги денег: Уолл-Стрит и смерть Американского века / У. Энгдаль. СПб., 2011. 452 с.
8. Johnson Ch. Blowback: the Costs and Consequences of American Empire. L.: Time Warner, 2002
9. Pension Markets in Focus. OECD. 2016.

Т. Б. Бердникова
к.э.н., доцент, аудитор,
СРО ААС
Россия, Белгород

Новые смыслы эмерджентных мезоэкономических эффектов фондового рынка

Национальный фондовый рынок представляет собой сложный конгломерат соотношения спроса и предложения различных ценных бумаг, кодифицированных в цифровом виде в специализированных реестрах в электронных регистрах, как титулы собственности, имущественные права, долевыe и долговые финансовые отношения. Национальный рынок ценных бумаг на мезоэкономическом уровне, как совокупность локальных рынков ценных бумаг административно-территориальных образований и корпораций, одновременно является частью мировой экономики, составным элементом финансовых рынков, а также составляющим социально-экономического пространства страны и объединением рынков ценных бумаг региональных эмитентов. Этот рынок в целом характеризуется наличием особых общих системных свойств или эмерджентных эффектов, не присущих локальным фондовым рынкам регионов, рынкам отдельных ценных бумаг корпораций, региональных эмитентов и инвестиционных фондов.

Успешность работы фондового рынка в общественном воспроизводстве определяется ростом привлечения отечественных и зарубеж-

ных инвестиций в национальную экономику, степенью «связывания» сбережений и накоплений юридических и физических лиц и размером капитализации эмитентов, инвесторов и профессиональных участников.

Своеобразие рынков ценных бумаг регионов проявляется в объеме и качестве нормативно-правового и инфраструктурно-технического обеспечения, особенностях национального и субфедерального регулирования и самоорганизации, специализированном или универсальном характере развития и результативных количественных и качественных характеристиках.

Системный характер фондового рынка региона определяется единством социально-экономических, функциональных, организационных связей, объединяющих разнообразные взаимоотношения его участников в процессе выпуска, владения, распоряжения, управления, покупки, продажи, залога, новации, погашения ценных бумаг эмитентов и иных фондовых операций на внутреннем, межрегиональном и глобальном уровнях.

Эмерджентные мезоэкономические эффекты рынка ценных бумаг имеют противоречивый характер. Например, эмерджентные эффекты фондового рынка региона могут быть положительными или отрицательными. К положительным эмерджентным эффектам фондового рынка региона, позитивно влияющим на развитие регионального общественного воспроизводства, относятся сбалансированность, пропорциональность, комплексность. Отрицательными эмерджентными эффектами регионального рынка ценных бумаг можно считать разбалансированность, диспропорциональность и узкую специализацию.

Парный альтернативный характер эмерджентных свойств относится к числу отличительных особенностей регионального рынка ценных бумаг. Эти свойства присущи только фондовому рынку региона в целом и не характерны для отдельных его частей, а также не образуются как совокупность свойств внутри региональных рынков ценных бумаг и специализированных фондов коллективных инвестиций.

С развитием цифровизации мировой экономики эмерджентные мезоэкономические эффекты национального фондового рынка приобретают новые смыслы, сущность которых проявляется в суперскоростном виртуальном перемещении не только финансовых потоков в виде фондов ценных бумаг, в молниеносной смене владельцев прав, удостоверяемых ценными бумагами; но и значительном усилении экзистенциальных начал мировой экономики. Новые смыслы эмерджентных мезоэкономических эффектов должны, по мнению автора, оцениваться, диагностироваться и моделироваться.

Сравнительный анализ и прогноз различных моделей взаимодействия Центра и регионов с позиций идеального и реального отражения ими состояния и возможных перспектив развития национального фондового рынка в составе мировой экономики, по нашему мнению, возможен

на основе комплексного изучения текущего состояния рынка ценных бумаг, динамики роли и значения его отдельных сегментов и их взаимосвязи с результатами развития видов экономической деятельности, диагностики конкретной финансовой практики отдельных рынков ценных бумаг, которые характеризуются целым рядом специфических особенностей, определяющих границы и возможности развития, включая эмерджентные эффекты.

Моделирование условий и вариаций эмерджентных мезоэкономических эффектов с позиций системного анализа может стать базой общегосударственного регулирования развития фондового рынка и быть основой реального, с учетом конкретных условий и целей развития региональной экономики, определения оптимальной степени концентрации (плотности) спроса и предложения на те или иные ценные бумаги, а значит — уровней специализации, комплексности и диверсификации фондового рынка региона, задаваемых как динамические переменные, зависящие от уровня капитализации как результата деловой активности и финансово-хозяйственной деятельности региона.

Е. Н. Братищева

аспирант,

Московский Государственный Технологический университет

им. Н. Э. Баумана,

кафедра «Инженерный бизнес и менеджмент»

Россия, Москва

Вероятностные подходы к оптимизации в экономике: текущие проблемы¹

В настоящий исторический момент наметилась тенденция по замедлению, вплоть до нулевого значения, экономического роста в мире [5]. Такое состояние для экономики является крайне неустойчивым. Смена знака экономического роста вызывает перестроение обратных связей, которое может менять весь хозяйственный механизм. В этих условиях базовыми ориентирами для экономических агентов, наряду с методами моделирования процессов саморазвития хозяйственных систем [3], должно стать рейтинговое мышление. Гармонизация двух федеральных законов с учетом требований антимонопольного законодательства следует, что за достоверность величины рейтинга должно нести ответственность соответствующее рейтинговое агентство. Что же касается ответственности

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Теоретико-методологические основы формирования стратегии инклюзивного развития экономики России» № 17-02-00040 «а».

за погрешность рейтинга, то ее должен нести независимый орган, лучше государственный. А это, в свою очередь, предусматривает неизбежное ранжирование таких агентств по уровню допускаемой ими погрешности в оценке рейтингов на практике [6]. Подобное ранжирование агентств должно проводиться при их аккредитации с периодическим подтверждением либо пересмотром. И, конечно, в таком случае необходимо разработать национальную же шкалу погрешностей для рейтингов.

Цель функционирования рейтингономики — минимизация хозяйственных, в том числе финансовых, рисков для субъектов бизнеса. Задачи же, решаемые рейтингономикой с этой целью, — построение прогнозных моделей развития бизнес-структур и рынков на основе корреляционных подходов, т.е. оценки рисков с помощью построения статистических рядов, расчета дисперсий по выбранным и повторяющимся, в основном, событиям в экономике. Но на сегодня риски в экономике уже особенные — чаще всего статистические данные отсутствуют, сами процессы нелинейные, в них отсутствуют какие-либо константы и законы подобия во временных рядах, а доходность финансовых активов имеет бесконечную дисперсию [1]. В этой ситуации процесс моделирования экономических процессов вынужден опираться на парадигму, которая позволяет вместо неизвестных на сегодня (но реально существующих) вероятностных зависимостей использовать для расчетов вероятности субъективные. Тогда постановку задачи с неопределенностью можно вполне корректно заменить постановкой с риском [2]. И на это есть все основания, так как любой источник неопределенности у людей подсознательно ассоциируется с вероятностью. Формально у такого подхода вроде бы тоже субъективный фактор встраивается в логику объективного развития. Однако это не совсем, а точнее — совсем не так. Внесение субъективного фактора в реальные процессы в форме моделирования несуществующей в реальности (точнее — бесконечной) дисперсии совсем не означает подмену либо аннулирование существующих связей между объективными явлениями. А коль скоро такие связи остаются в процессе анализа, значит, сущность самого явления не теряется при этом. В данном случае двойственность субъективного фактора проявляется в том, что он как бы и присутствует при анализе объективных процессов, но суть и направленность их при этом не меняет. Это один из примеров, как достаточно гибко может сочетаться субъективность с объективностью в научном анализе.

Проблема перехода от задачи с неопределенностью к задаче с риском связана с отсутствием методологии такого перехода. В частности, использование нелинейной постановки в рамках формализации Марковица в первую очередь нуждается в оценке рисков с практически бесконечной дисперсией [4].

Литература

1. *Андрюшин С., Бурлачков В.* Денежно-кредитная политика и глобальный финансовый кризис: вопросы методологии и уроки для России // Вопросы экономики. 2008. № 11. С. 38–50.
2. *Гильбоа И., Постлуэйт Э., Шмайдлер Д.* Вероятность и неопределенность в экономическом моделировании // Вопросы экономики. 2009. № 10. С. 46–61.
3. *Иванова В. Н.* Динамическая модель инновационного развития // Экономическая теория в XXI веке — 8(15): Экономика модернизации: монография / под ред. Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой. М.; Ростов н/Д: Вузовская книга, 2011. 496 С. С. 186–192.
4. *Иванова Е.* Неоднородный нелинейный портфель // Экономические исследования молодых ученых. 2005. № 1. МГУ им. М. В. Ломоносова. С. 18–26.
5. *Капелюшников Р.* Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 104–133.
6. *Колтуновский К. И.* Федеральный закон о рейтинговых агентствах в свете федерального закона о единстве измерений // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2016. ISBN 978-5-317-05237-9. Секция «Экономика», подсекция «Риски и методы воздействия на риск».

И. Р. Бугаян

д.э.н., профессор,

кафедра Экономической теории и предпринимательства,

Ростовский институт — филиал

Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при президенте РФ

Ростов-на-Дону, Россия

Три условия успеха российского миттельшпиля

1. Адекватность уровня экономики РФ вызовом общественному сектору ее хозяйства со стороны внешних «партнеров» (информационные войны, санкции, развязываемая новая гонка вооружений).
2. Успешное противостояние ныне применяемому против РФ принципу Дария I (522 г. до н.э.): «Армян нельзя победить; их можно разделить». Против вторгшихся в его провинцию Ассирию победоносных войск армян он направил еще одну армию под командованием верного ему армянина Дадаршиша. После семи месяцев борьбы в ходе пяти сражений Дадаршиш эту проблему Дария I

разрешил. Общее число убитых армян составило 5097 человек. Аналогичные усилия спустя более 2500 лет предпринимаются в отношении России со стороны «партнеров» — прошлые военные действия Грузии и нынешние — Украины, в которых уже погибли тысячи людей, дополнились организованным расколом РПЦ. Все это — наглядное тому подтверждение.

3. Решительный перевод государственного предпринимательства России на принципы неопредпринимательства, предполагающие при развертывании совокупного цикла «исследование—производство» (и-п) плановые методы взаимодействия с частными предпринимателями не только внутри своей страны, но и в масштабах мирового хозяйства. Речь, разумеется, идет о современном предпринимательстве — предпринимательстве, основывающемся на новых и информационных технологиях.

В отличие от наших партнеров, содержательная роль в хозяйстве России принадлежит не экономическому, а общественному сектору, который объективно более восприимчив к плану, чем к рынку. Поскольку стадии предпроизводственной сферы циклов (и-п) преимущественно располагаются в общественном секторе хозяйства, то и планирование здесь не только уместно, но и неизбежно. Что касается двух остальных сфер циклов и-п: внедрения в производство и применения новой техники и технологий, — то достаточно вспомнить прошлое; эти две сферы создали для СССР так и неразрешенную проблему внедрения новой техники, возникшую из-за отсутствия внутри страны полноценного рыночного механизма и частного предпринимательства. Другими словами, последние две названные стадии могут быть успешно реализованы лишь при постоянном и непрерывном взаимодействии государственного и частного предпринимательства в формах государственно-частного или частно- государственного партнерств.

Е. Н. Грибина

к.э.н., доцент,

кафедра государственного управления

и публичной политики

РАНХиГС при Президенте РФ

Россия, Москва

Интеграция российской национальной инновационной системы в мировую экономику

С 2005 г. переход к инновационной экономике объявлен в нашей стране стратегической задачей. В «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», разработанной Минэкономразвития России в 2010 г., к 2020 г. были определены следующие ключевые задачи:

увеличить валовую добавленную стоимость инновационного сектора в ВВП до 17–18% против 12,7% 2009 г.; долю предприятий промышленного производства, осуществляющих технологические инновации, — с 9,3% (2010 г.) до 40–50%; удельный вес экспорта российской высокотехнологичной продукции в общемировом объеме — до 2% (0,35%); удельный вес инновационной продукции в общем объеме промышленной — до 25–30% (4,9%); а также внутренние затраты на исследования и разработки как долю от ВВП (в том числе доля частного сектора) — до 2,5–3% (1,3%) [2].

Однако спустя 13 лет результаты весьма скромны: в 2017 г. доля инновационной продукции в ВВП составила не больше 5%; наукоемкость ВВП достигла 1,187% (1,13% в 2010 г.); уровень инновационной активности организаций, осуществляющих технологические, организационные и маркетинговые инновации, составил 10,5% (против 10,8% в 2010 г. и достигнутого за последние десять лет максимума в 2011–2012 гг. 11,1%); доля организаций, осуществляющих технологические инновации в промышленности, выросла всего до 10,5%. [1]. В Германии их доля — 72,8%, в Великобритании — 44,4, в Китае — 71, Швеции, Японии и Израиле — 75–77%. Совокупный уровень инновационной активности отечественной промышленности в 4–6 раз отстает от промышленно развитых стран (Швейцария — 60,2, Бельгия — 59,7; Германия — 58,9; Австрия — 52,5, Финляндия — 52; Великобритания — 45,7%) и в 2–3 раза — от большинства государств Центральной и Восточной Европы. Доля инновационной продукции в суммарном объеме промышленного производства РФ составляет 3–3,5%, что, по мнению экспертов, недостаточно для обеспечения конкурентоспособности, для устойчивого развития значение данного показателя должно быть не ниже 15%.

Концепция НИС, основанная на предпосылках шведского ученого Б. Лундвалья о продуктивном взаимодействии, взаимосвязи и взаимозависимости отдельных субъектов НИС, институциональных структур и государственных институтов как единой знаниевой системы, в рамках инновационного процесса используется международными экстерриториальными организациями и правительственными структурами многих стран как методическая основа анализа инновационной деятельности. Однако НИС каждой страны формируется в зависимости от экономико-правовых особенностей становления, развития и функционирования национальной экономики.

Российская НИС ориентирована на отрасли промышленности и науки, традиционно работающие в высокотехнологичной сфере. Отечественные механизмы НИС заключаются в консолидации инновационных ресурсов национальной экономики путем объединения потенциала практически всех областей экономики, хозяйствующих субъектов, институциональных структур.

Технологические уклады, существующие в РФ, ориентированы на развитие сырьевых (третий уклад) и оборонных отраслей (четвертый и пятый уклады); создание искусственного интеллекта и разработка технологи-

ческих процессов на основе биоинженерии соответствуют шестому технологическому укладу. Такое диспропорциональное развитие негативно сказывается на конкурентоспособности нашей наукоемкой продукции.

Автор считает, что процесс динамичной интеграции и инновационного развития должен базироваться на следующих принципах:

- инновационная экономика — это не только сфера предпринимательства, это стык всех сфер деятельности в рамках и государства, и макроэкономических процессов глобализации;
- приоритет создания знаний, позволяющих сместить «центр тяжести» национальной экономики с сырьевой специализации;
- дефицит инвестиционных ресурсов (прежде всего финансовых) стимулирует поиск и внедрение новых функциональных решений;
- сложившаяся ситуация в стране требует поиска новых ресурсо-, энерго-, топливосберегающих технологий, позволяющих предприятию выжить;
- инновационные решения не предоставляются бизнесу, а являются объектом поиска, финансирования и внедрения.

Литература

1. Индикаторы инновационной деятельности 2018: статистический сборник / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2018. 344 С. [Электронный ресурс] <https://issek.hse.ru/news/217541858.html> (дата обращения: 04.09.2018).
2. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение от 08.12.2011 № 2227-р. [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/docs/9282/> (дата обращения: 17.08.2018).

Е. В. Зайцева

к.э.н., доцент,

*Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
Россия, Москва*

П. С. Толкачев

к.э.н., доцент,

*Государственный университет управления
Россия, Москва*

Смысл и цели российской цивилизации

Как известно, наиболее важным результатом окончания Второй мировой войны стало создание Организации Объединенных Наций — многонациональной системы мирового сообщества. ООН стала центром, свя-

завшим все национальные государства в единое всемирное целое. При этом она не упразднила их специфические национальные и цивилизационные особенности, но стремилась гармонизировать данные отношения [1]. Однако проблема цивилизационных (и межнациональных) противоречий не исчезла. Напротив, со временем она стала приобретать все большую остроту. Не случайно, что именно ей посвятил свою знаменитую работу американский политолог Сэмюэль Хантингтон. Он ее так и назвал — «Столкновение цивилизаций» (1996) [3].

Важным моментом в понимании цивилизационного противостояния играют духовно-нравственные факторы. «Вглядываясь в посткоммунистический мир, — пишет российский историк и политолог А. И. Уткин, — Запад видит, что такие цивилизации, как восточноевропейская, латиноамериканская, индуистская, хотя и проходят определенную фазу самоутверждения, не проявляют очевидной враждебности по отношению к нему и не пытаются демонстрировать своего превосходства над западной культурой. Но азиатские цивилизации — китайская, японская, буддийская и движущийся в этом смысле параллельно с Азией мир ислама — занимают все более жесткую позицию в отношении Запада. Как азиаты, так и мусульмане ныне открыто утверждают свое нравственное превосходство над западной цивилизацией» [2].

В разрешении нынешнего цивилизационного противостояния важную роль может сыграть российская цивилизация. Она и является предметом нашего исследования.

На всем протяжении российской истории (включая советский период) все общественные отношения строились (и получали юридическое закрепление) на духовно-нравственной основе. С самого начала российской государственности ее содержанием было понятие «русской правды». Последняя стала мировоззренческим стержнем российского общества (к тому же носившим ярко выраженный миссионерский характер).

В докоммунистическую эпоху духовной миссией нашего общества было стремление распространить «русскую правду» на соседние страны и народы. В советский период родилась новая — коммунистическая — правда (исторически «вторая русская правда»). У тогдашнего российского общества появилось желание распространить ее на весь мир — построить всемирную коммунистическую цивилизацию. И только после распада СССР (в 1991 г.) Россия как бы утратила свой цивилизационный и миссионерский вектор. Действительно, за прошедшие почти 30 лет наша страна так и не стяжала новую национальную идею («третью русскую правду»), без которой успешное развитие (в том числе социально-экономическое) невозможно.

Нахождение сегодняшних смысла и целей развития России играет решающее значение не только для нашей страны, но для всего нынеш-

него человечества. Ибо только Россия способна предложить мировому сообществу нравственную основу всех межгосударственных, мирохозяйственных, цивилизационных и межнациональных отношений.

Литература

1. *Толкачев П. С.* Цели экономики и задачи инновационного развития России: Монография. М.: ГУУ, 2011.
2. *Уткин А. И.* Россия и Запад: история цивилизаций: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2000. Глава 16: Новая ось мирового противостояния.
3. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003.

С. Н. Ивашковский
к.э.н., доцент, профессор
кафедры экономической теории,
Московский государственный институт
(университет) международных отношений
МИД России
Россия, Москва

Российская экономика в контексте культуры

Целью данных тезисов является акцентирование внимания на выявлении зависимости экономического развития от культурных ценностей и институтов данного общества. Автор исходит из предпосылки о том, что экономическое поведение людей и результаты их хозяйственной деятельности в решающей степени определяются культурными «детерминантами» — трудовой этикой, рациональностью, честностью, гражданским доверием, ответственностью, которые разделяются большинством членов данного общества. В долгосрочной перспективе именно от этих неформальных правил, ставших нормой поведения людей, зависят в конечном счете структура и содержание формальных институтов, а следовательно, уровень и динамика социально-экономического и политического развития. В связи с этим автор ставит под сомнение тотальную математизацию экономической теории, стремление все большего числа ученых-экономистов использовать в своих исследованиях эконометрические инструменты, имеющие мало общего с повседневной деятельностью человека и жизнью народов, в результате чего экономическая наука теряет свою антропологическую природу и моральный статус.

Пренебрежение культурой как инструментом научного анализа нельзя оправдывать соображениями политкорректности, апелляцией

к юридическому равенству людей и правам человека. Проявляя уважение к культурному достоянию разных народов, было бы серьезной ошибкой делать вывод о несопоставимости и равноценности всех существующих культур в духе культурного релятивизма — антиэволюционистского направления в этнографии. Урок истории состоит в том, что экономические успехи одних стран и провалы в развитии других имеют вполне определенный культурный контекст, поскольку разные народы не в одинаковой степени наделены теми культурными качествами, которые необходимы для поступательного развития общества. Есть немало обществ, сформировавших продуктивные культуры, позволяющие совершенствовать институциональную структуру экономики и открывающие простор для массового творчества, технологических, управленческих, финансовых и прочих инноваций. Вместе с тем, встречаются «злокачественные» культуры, которые выступают причинной силой экономического застоя, а нередко и регресса, поскольку сопротивляются переменам, держатся за прошлое и в результате загоняют народы в «ловушку бедности», из которой не существует легких и быстрых путей выхода.

Именно культурными корнями, «состоянием умов», ярко выраженным консервативным уклоном в государственной идеологии объясняется и крайняя медлительность происходящих в России перемен. Нынешняя российская действительность показывает, что в стране все больше начинают культивироваться традиционалистские взгляды, «оборонное» сознание, самобытные «скрепы», цель которых — противодействовать назревшим демократическим преобразованиям, структурным и институциональным реформам, способным запустить механизм циркуляции элит, инвестиционного экономического роста и социально-политического прогресса.

В условиях тотальной пропаганды и заметного повышения благосостояния населения в нулевые годы на волне выгодной внешнеэкономической конъюнктуры массовое сознание отказывается воспринимать тот факт, что российская культура переживает тяжелый кризис, поскольку, как отмечают некоторые культурологи, «критически утратила свою эффективность и оказалась неспособной воспроизводить себя в конкурентной среде других культур» [1]. Однако нельзя не видеть, что Россия на наших глазах реально теряет темп и качество экономического роста, все больше отстает в социальном развитии от передовых стран, рискует оказаться в числе «периферийных экономик» современного мирового хозяйства. И вина в этом всецело ложится на общественное сознание, которое в последние годы было подвергнуто государственными масс-медиа чудовишной «перенастройке», «перекодированию» на ориентиры, имеющие мало общего с окружающей действительностью. Представление людей о стране, ее истории, экономическом

состоянии — это тот мир, который изображает телевизор. Экранные сюжеты овладели мыслями и чувствами людей, и они уже не способны задуматься над тем, что основные ценности сложившейся в России политико-экономической системы не соответствуют требованиям времени.

Российское общество, включая правящий класс, экономическую и интеллектуальную элиту, еще не осознало, что любые серьезные преобразования в экономике, придание ей устойчивости и динамизма — суть процесс «созидательного разрушения», в том числе в массовом сознании и поведенческих нормах. Культуры могут и должны меняться, хотя это трудный процесс. Но без трансформации ущербных нравов и установок, отказа от многих стереотипов, в том числе антизападных настроений, формирования новых убеждений и исторических ориентиров, у страны не может быть достойного социально-экономического будущего.

Очевидно, что фундаментальные изменения в ценностных представлениях народа возможны только посредством политических решений. Как гласит главная истина либерализма, «только политика может изменить культуру, спасая ее от самой себя» [2]. Именно государственной власти надлежит сыграть роль инициатора культурных преобразований, формирования адекватного времени мировоззрения и поведения людей, используя все имеющиеся в ее распоряжении средства. Не будем также забывать, что культурные перемены — это и результат воздействия других культур на сознание и образ жизни данного народа, заимствования культурных правил, выработанных другими цивилизациями. «Цивилизация, — писал английский этнолог и культуролог Э. Тайлор, — есть растение, которое чаще бывает распространяемо, чем развивается само» [3]. А это значит, что Россия нуждается в самом тесном и доверительном сотрудничестве с внешним миром, в первую очередь с высокоразвитыми государствами, где концентрируются не только самые передовые научные знания и технологии, но и «инклюзивные» экономические и политические институты, вовлекающие в процесс общественных преобразований самые широкие народные массы.

Литература

1. Яковенко И. Г. Что делать? // Новая газета. 2012. 26 марта.
2. Харрисон Л. Культура и экономическое развитие // Финансы и религия. 2009. 6 апреля.
3. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Изд-во политической литературы, 1989. С. 4.

С. В. Кайманаков
к.э. н, доцент,
экономический факультет МГУ
Россия, Москва

Открытость экономики и национальная экономическая безопасность России

В теоретическом плане национальная экономика конкретной страны в системе мирового хозяйства может функционировать в режиме наибольшего благоприятствования либо испытывать определенные затруднения, связанные с периодом институционального приспособления к общим условиям международного экономического порядка, либо, наконец, быть объектом недружественного воздействия других стран, включая санкции, экономическую блокаду или эмбарго.

Поэтому не существует, на наш взгляд, отдельной проблемы открытости или закрытости национальной экономики. Есть проблема степени ее открытости, наиболее соответствующей необходимому уровню национальной экономической безопасности с учетом геополитических интересов страны.

О степени открытости экономики можно судить по экспортной квоте (отношении экспорта к ВВП) и импортной зависимости (отношении импорта к ВВП). Для России экспортная квота составляла в 1995 г. 19,7%, в 2000 г.— 38,2, в 2005 г.— 31,4, в 2010 г.— 26,4, в 2015 г.— 25%. По мере встраивания российской рыночной экономики в мировую происходил неуклонный рост ее степени открытости. Однако в условиях введения в отношении нашей страны экономических санкций коллективного Запада уровень открытости экономики уменьшился до 22%. Считается, что если экспортная квота меньше 10%, то это страна с относительно закрытой экономикой (например, США, Япония), если экспортная квота более 35%, то это страна с относительно открытой экономикой (Бельгия, Нидерланды, Люксембург). РФ относится к странам со средним уровнем открытости экономики.

Импортная квота составляет в настоящее время примерно 15%. В 1995 г. она была 11,8%, в 2000 г.— 16,2, в 2005 г.— 16,2, в 2010 г.— 16,5, в 2015 г.— 14,1%. Увеличение производства товаров и услуг в стране и, соответственно, рост доходов населения до определенного момента способствовали усилению импортной зависимости, а с началом проведения политики импортозамещения эта зависимость начала уменьшаться.

При прочих равных условиях неограниченные поставки товаров из-за границы оказывают сдерживающее воздействие на национальное производство, а в отдельных случаях могут привести к закрытию отечественных предприятий и росту безработицы. Зарубежные компании импортируют

в нашу страну, в том числе, и низкокачественные товары для потребителей с низкими доходами, избавляя тем самым свои страны от такого рода товаров. Кроме того, на закупки иностранных товаров наша страна тратит валютные ресурсы, которые необходимы для коренной модернизации реального сектора экономики. Вступление во Всемирную торговую организацию на невыгодных для Российской Федерации условиях оказывает тормозящее воздействие на развитие национальной хозяйственной системы и, соответственно, снижение уровня ее защищенности. На неэффективность ВТО указывают и США, заявляя о возможности выйти из этой международной структуры.

Тем не менее, политика импортозамещения уже дала свои плоды. Доля импортных потребительских товаров в товарных ресурсах розничной торговли в России уменьшилась с 42 (2014 г.) до 34% (II квартал 2018 г.), а доля импортного продовольствия — с 34 (2014 г.) до 22% (II квартал 2018 г.). Напомним, что квота продовольственной независимости составляет 20% и ниже.

По нашему мнению, к проблеме либерализации внешнеэкономических связей, открытости экономики необходимо подходить с позиции укрепления национальной экономической безопасности. Для этого требуется, в первую очередь, повышение технологического уровня, качества управления и экономической эффективности производства в стране. Если же принципы добросовестной конкуренции нарушаются зарубежными компаниями, странами и их группировками, то необходимо применять тот набор защитных мер, который наиболее целесообразен в сложившихся условиях.

В. В. Кашицын
*к.э.н., профессор кафедры
экономической теории и мировой экономики,
Государственный морской университет
им. адм. Ф. Ф. Ушакова
Россия, Новороссийск*

Россия в эпицентре современной мирохозяйственной бифуркационной камеры и инварианты ее преодоления в поиске экзистенциального выхода

Непрерывно усложняющаяся и обостряющаяся по всему спектру мирохозяйственных производительных сил и производственных отношений обстановка все более и более свидетельствует об определенном попадании мировой экономики в динамическую бифуркационную развилку (камеру). В самом первом приближении, очевидно, это

связано с наложением-сочетанием двух самих по себе эпохально переходно-трансформационных эффектов: эффекта перехода развитых стран в части производительных сил к новому шестому технологическому укладу и эффекта утраты доминантного мирохозяйственного уклада, имеющего миссию поддержания благоприятного климата в среде производственных отношений этой способности.

В функциональном плане подобное эпохальное положение в силу предельного сжатия в кулаке всех возможных и невозможных финансовых капитальных авуаров выливается в сочетании интенсивных и экстенсивных, своих и чужих возможностей захвата и выжимания всех реальных и гипотетических рынков с целью обеспечить переход к новому инвестиционному интенсивному очередному (сегодня шестому) технологическому укладу. Причем заплатить за это, как правило, должно тотальное и экстенсивное выпотрашивание всех традиционных рынков, функционирующих в разном сочетании предыдущих технологических укладов.

Постольку поскольку два оставшихся асимметрично гигантских рынка (российский и китайский) все более очевидно становятся способными защитить свои богатства (мы — пространственно-природные, китайцы — системно-производственные), они оказываются в эпицентре бифуркационного напряжения других развитых стран в их тотальном целеполагании сохранения и приумножения в новых мирохозяйственных условиях своих лидерско-господских возможностей. Причем несмотря на свою скромную 1,5%-ную долю в мировом ВВП, именно Россия в силу наилучшего сочетания семи современных факторов производства объективно способна первой преодолеть все перипетии перехода на новый инновационный виток спирали развития, что она и продемонстрировала, заявив в этом году о выходе на принципиально новый уровень гиперзвуковых технологий, никому пока не доступных в ВПК. И способствовали этому, во многом, обстоятельства наименьшего физического и морального омертвления общественного капитала, вложенного в предприятия предыдущих пяти укладов.

Поэтому у России ввиду ее объективного мирохозяйственного статуса заложника этого положения просто нет другого выхода, кроме как реализовать исключительно предпочтительное сочетание факторов выхода в стратегическую опережающую лидерскую позицию или же окончательно и навсегда исчезнуть

И в этом контексте, как нам представляется, оргкомитет конференции в своем анонсе темы «Российский миттельшпиль: экономика, технология, геостратегия» предложил довольно изящную, адекватную и точную характеристику описания и оценки бытийной ориентации современной России в этом непростом и невероятно ответственном положении во всей ее ориентационной двойственности и противоречивости.

Иначе говоря, с одной стороны, во внешнеэкономическом и геостратегическом форматах Россия вынуждена все более объемно генерировать и защищать свои интересы, с другой стороны, становятся все более очевидными противоречивость, непоследовательность и боязливость, сопряженные со все более заметным непрофессионализмом в генерации и реализации внутренней управленческой-экономической политики фактически во всех макроэкономических сегментах, начиная с кредитно-денежной и промышленной политики и заканчивая политикой комплексного системного развития и целостного управления обществом и экономикой, что является скорее уже основным фактором стимулирования усиления внешнего давления.

А. Д. Киселева
бакалавр экономики, магистр 1 курса ИСАУ,
студент Университета «Дубна»,
Россия, г. Дубна

Анализ инновационного потенциала макроэкономического объекта (на примере России)

Изучение основных теоретических аспектов инновационной деятельности России, основные методы налогового стимулирования инновационной активности в государстве, определение и анализ текущего значения инновационного потенциала, вносимого каждым из пространств, подсчет совокупного значения тройственного взаимодействия.

Выбор и различные способы подсчета большого диапазона данных, выявление наиболее соответствующего ситуации отбора показателей.

Теоретические аспекты государственного финансирования инновационной деятельности РФ, нормативно-правовое регулирование и стимулирование инновационной деятельности в РФ, построение основных функциональных зависимостей между результирующими и факторными показателями, организационно-экономическая характеристика и оценка направлений затрат государственного сектора.

Алгоритм исследования; наполнение пространств характеристиками; понятие градиента; математическое преобразование функции градиента в уравнение для определения инновационного потенциала объекта; приведение новых, отобранных данных и результатов их анализа; определение наилучшего способа отбора объясняющих зависимостей, условия возможного исключения в ряде случаев из этого правила.

Теоретические аспекты оценки инновационного потенциала макроэкономического объекта, анализ нормативно-правовой базы финансирования инновационной деятельности государством, разбор наиболее

распространенных и часто применяемых методов налогового стимулирования инновационной деятельности, анализ инновационного потенциала макроэкономического объекта (на примере России), произведено собственное исследование лучшего варианта определения функциональных зависимостей для расчета инновационного потенциала государства на основе разного набора показателей и диапазона данных.

Ключевые слова: инновации, инновационный потенциал, инновационная деятельность, совокупный уровень инновационной активности.

Обеспечение инновационного развития всех отраслей экономики, принятие грамотных и обоснованных управленческих решений, анализ и оценка целесообразности предполагаемых к осуществлению мероприятий.

Возможность произведения оценки мероприятий, связанных с инновационной деятельностью, качественная оценка финансовой эффективности финансирования ряда мероприятий инновационной деятельности, разумное расходование ограниченных ресурсов.

Тройственное взаимодействие институтов науки и образования, бизнеса, государства (Университет–Производство–Государство); анализ и оценка инновационного потенциала России.

Освоение уже разработанного инструментария, использование элементов векторного анализа и теории поля, анализ влияния инноваций на развитие макроэкономического объекта, определение инновационного потенциала России.

Построение функциональных зависимостей, анализ значимости и полноты регрессионных зависимостей, временные диапазоны с различным набором показателей, три способа отбора регрессионных зависимостей для анализа инновационного потенциала.

Литература

1. Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: ФЗ от 29.07.2017 № 216-ФЗ // СПС «Консультант +». М., 2018.
2. Налоговый Кодекс Российской Федерации. Часть II: официальный текст: по состоянию на 5 августа 2000 г. № 177–ФЗ // СПС «Консультант +». М., 2018.
3. *Истомина С. В.* Методика определения инновационного потенциала социально-экономических объектов различных иерархических уровней с использованием элементов векторного анализа и теории поля [Текст] / Т. А. Лычагина, Е. А. Пахомова, А. В. Пахомов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, № 1. С. 97–120. <https://doi.org/10.24891/ni.14.1.97>

4. *Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии [Текст] / пер. с англ. под ред. А. Ф. Уварова. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010. С. 238.
5. *Левин М. И.* Эконометрика: Учебное пособие [Текст] / М. И. Левин, Е. А. Пахомова. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2000. С. 72.
6. *Васильева Н. В.* Эконометрика: Практикум. [Текст] / М. И. Левин, Е. А. Пахомова. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2001. С. 44.
7. Экономический словарь понятий и терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economicportal.ru/terms.html> (дата обращения: 01.04.2018).
8. Официальный сайт Росстата РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 01.12.2017–01.05.18).

М. Е. Косов
к.э.н., доцент,
департамент общественных финансов,
Финансовый университет при правительстве РФ
Россия, Москва

Проблема бегства капитала и пути ее решения

В условиях международной экономической интеграции и глобализации мировой экономики особую значимость приобретают вопросы повышения транспарентности движения денежных средств и привлечения иностранных инвестиций в Российскую Федерацию. При этом существуют факторы, препятствующие этому процессу.

Процесс глобализации подталкивает компании к активизации международной деятельности. В первую очередь это вызвано необходимостью снизить транспортные и коммуникационные издержки, стимулирующие повышение мобильности инвестиций предпринимателей в трансграничной среде. В то же время происходят рост финансовых инноваций и либерализация финансовых рынков, что стимулирует уклонение от более высоких налоговых ставок в мировом масштабе. Наблюдается ситуация, в которой организация перенаправляет доход в налоговое убежище, другие страны благоприятными условиями налогообложения. Результатом подобного рода действия является наличие проблемы бегства капитала [4, 21].

Офшорными государствами являются те, что предоставляют льготные условия для бизнеса для компаний нерезидентов. Другими словами, они

привлекают иностранный капитал с использованием особых условий налогообложения, которые являются наиболее выгодными для конкретной компании [3, 20]. За годы своего существования офшорные финансовые центры стали излюбленным инструментом управления денежными средствами компаний, стремящихся обезопасить себя от рейдерских захватов, высоких налоговых платежей, а также желающих получить масштабные инвестиции.

Не секрет, что офшоры используются и не в положительном ключе, а часто скрывают конечного получателя денежных средств. К сожалению, сложно сделать приток средств в офшоры прозрачным, прежде всего из-за законодательных различий в разных странах, а унификация законодательства в отношении офшоров стала бы вестником потери государственного суверенитета офшорных и офшоропроводящих стран.

Процесс офшоризации, учитывая современные масштабы его распространения, прервать и обратить вспять уже невозможно. Но если государство желает сократить бегство своего капитала в офшоры, оно в силах это сделать, установив более благоприятные условия для ведения бизнеса в своей стране, совершенствуя законодательство в лучших традициях законодательств стран с развитыми финансовыми рынками. Что касается России, положительной стала бы практика развития особых экономических зон, законодательно гарантируемая безопасность ведения бизнеса, развитие новых источников финансирования, упрощение доступа на рынок капитала. Проблема офшоров актуальна не только в России, но и в других странах, и чем более гибким будет законодательство этих стран, тем успешнее будут и их экономика, и финансовый менеджмент. Среди прочих решений процессов деофшоризации в России можно предложить следующие решения.

Первое — совершенствование правового обеспечения банковской деятельности, направленного на борьбу с уходом доходов в офшоры. Банки являются проводниками между российской экономикой и мировыми финансами. Автоматический контроль за банковскими операциями позволил бы отследить средства, уходящие в офшорные зоны.

Второе — создание офшорных зон на территории РФ. Как известно, данная инициатива положительно влияет на экономику как многих развитых стран, так и микросоциальных. Последним это позволяет обеспечивать достойный жизненный уровень. Можно повысить престижность резидентства в данных зонах путем предложения гибких налоговых условий, в особенности для стран ЕАЭС и для российских компаний [2, 87].

Третье — устранение административных барьеров для процесса деофшоризации на всех уровнях власти. Случается, что некоторые законодательные положения препятствуют развитию других инициатив. Таких ситуаций, в особенности при деофшоризации, допустить нельзя.

Четвертое — введение процедуры автоматического обмена налоговой информацией со странами-партнерами.

Пятое — создание благоприятных условий для ведения бизнеса. Чтобы капитал не покидал страну, достаточно предложить гибкие условия налогообложения резидентов или даже альтернативу налогообложению.

Установление системы стабильного притока иностранных инвестиций, сокращение их оттока, проведение амнистии выданного капитала, а также процесс деофшоризации международных транзакций, решение о регулировании движения капитальных потоков в настоящее время практически невозможно без улучшения инвестиционного климата нашей страны [1, 27]. Улучшение инвестиционного климата и более гибкое налогообложение внутри страны — два взаимосвязанных фактора, которые могут помочь в усилении привлекательности России для зарубежных вложений.

Литература

1. *Ареци Р., Рота-Грациози Г., Сенбет Л. У.* Риск бегства капитала // *Финансы и развитие*. 2013. № 3. С. 26–29.
2. *Горлова Е. Н.* Противодействие недобросовестной налоговой конкуренции: рекомендации ОЭСР и опыт России // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 11. С. 85–94.
3. *Манаков А. В.* Офшорные финансовые центры: признаки и определение офшорного статуса // *Экономика и управление в XXI веке*. 2015. № 23. С. 17–22.
4. *Солтаханов А. У.* Деофшоризация экономики России // *Экономика. Transport business in Russia*. 2016. № 4. С. 20–28.

А. В. Кузнецов

*д.э.н., с.н.с., профессор Департамента
мировой экономики и мировых финансов,
Финансовый университет при Правительстве РФ
Россия, Москва*

Россия на мировой «шахматной доске»

До 1991 г. все ходы на мировой «шахматной доске» контролировались двумя полюсами силы во главе с США, с одной стороны, и Россией (СССР), с другой стороны. Европа была расколота на множество проамериканских государств-сателлитов.

В 2018 г. объединенная Европа балансирует на грани распада, но и в США внутривнутриполитическая обстановка также накаляется с приходом в Белый дом Д. Трампа. В условиях нарастающей международной

напряженности России выпадает уникальный шанс выступить в качестве стабилизатора мирового порядка, сплотив вокруг себя максимальное количество стран и народов.

Под силу ли России, измотанной десятилетиями шизофренических квазикапиталистических экспериментов, выступить в роли глобального миротворителя и носителя здравого смысла? Но ведь именно в этом и заключалась уникальная роль России на протяжении всей истории мирового развития. И для подтверждения этого факта не нужны никакие рейтинги, потому что на этом поле у России нет конкурентов, поскольку одна только Россия во всем мире сохраняет иммунитет против расчеловечивания, записанный в ее цивилизационном коде.

Какие шаги должна предпринять Россия, чтобы в современных условиях реализовать свой человекоцентричный потенциал? Учитывая свою инаковость и универсальную способность пропускать через себя любые культурно-исторические типы обществ, Россия должна представить миру альтерсистему альтерсистем. Политически такая альтерсистема должна быть оформлена в виде империи, основанной на идеологемах правды, соборности и справедливости. Экономически альтерсистема ставит во главу принципы нестяжательства и служения в условиях ограничений частной собственности на средства системно значимых производств. Военная альтерсистема предусматривает создание таких сверхвысоких технологий, которые позволяют нейтрализовать одни только намерения ведения войн в планетарных масштабах. В информационной альтерсистеме достигается такое положение вещей, при котором цифра полностью трансформируется в инструмент развития человеческих способностей и не стимулирует дальнейшую деградацию общества в рамках «клипового мышления» и технологий «одного клика».

Россия — это сильное, богатое, героическое и гуманное государство-цивилизация. России под силу устанавливать собственные правила игры и не прогибаться под кризисогенной, дисбалансирующей мировое развитие англосаксонской моделью неэквивалентного обмена, которая работает главным образом на пользу компрадорских элит ядра западной цивилизации.

Россия сама должна стать ядром новой (иной) пусть пока не глобальной, но региональной социально-экономической системы с использованием самых современных информационно-коммуникационных технологий.

Для этого нужно активно интегрироваться не только с Западом, но и с Востоком, позиционировать себя не только как европейское, но и как азиатское государство, поскольку Россия обладает огромной азиатской территорией. Заключать с Азией соглашения о создании зон свободной торговли, пробивать вопрос участия в мегарегиональных проектах (ВРЭП, ТТП). Открывать новые кафедры по изучению Азии с целью повышения уровня взаимного доверия и взаимного понимания с Востоком.

России необходимо создавать собственную высокотехнологическую элиту, которая будет гордиться жизнью в своей стране, а не думать о том, как после получения диплома о высшем образовании сразу уехать на Запад. Для этого нужно за счет возвращенных из офшоров капиталов обеспечивать достойный уровень жизни преподавателям, ученым, изобретателям, программистам.

Необходимо вести самую жесткую борьбу с коррупцией, хотя бы по примеру того, как это делается в Китае (если собственного исторического опыта недостаточно). Требуется пресекать нецелевое использование финансовых ресурсов (в том числе на грантоедство, «скопусизацию» и «вебофсайнцину»).

Дальнейшее втягивание России в воронку мировых финансов может обернуться для нашей страны такой катастрофой, последствия которой способны превысить совокупные потери, понесенные Россией за последние сто лет. Поэтому в целях асимметричного ответа на политику людоедского «Вашингтонского консенсуса» необходимо создавать свой собственный Евразийский финансовый кластер.

Россия выстоит, должна выстоять. Иного пути просто не существует. Но выстоять Россия сможет только с собственной элитой, способной сформировать такие научные школы, сотворить такие высокие технологии, которые не будут больше уничтожать Россию и человечество. Только с такой элитой Россия сможет сохранить себя и оказать противодействие распаду современного мира.

Нет времени больше топтаться на месте и раскачиваться на весах неопределенности. Нужно продемонстрировать силу духа России, мощь русского таланта и способность создания в планетарных масштабах общества, достойного жизни человека на Земле.

В. М. Кульков

*д.э.н., профессор экономического факультета,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Россия, Москва*

России нужна стратегия прорыва

Миттельшпиль, в котором находится современная российская экономика (да и вся Россия), отличается целым рядом особенностей.

Во-первых, он несет на себе печать весьма своеобразно разыгранного в 90-е гг. гамбита, который характеризовался бессистемностью переходных преобразований, хаотичностью экономической политики, значительными, и во многом неоправданными, жертвами (социальны-

ми, экономическими, технологическими, геополитическими), слабым соответствием условиям и статусу России.

Во-вторых, маневрирование, характерное для миттельшпиля, не приобрело в современной российской экономике форму системного пере-строения и, скорее, представляет собой позиционное лавирование в целях сохранения стабильности (финансовой, социально-политической и др.), нежели курс на неуклонное наращивание экономического потенциала страны и динамичное развитие национальной экономики. В российской экономике сложилась своеобразная квазисистема, слабо адекватная национально специфическим условиям, жизненно необходимым целям развития, национальным интересам и статусу страны. В этих условиях нужен такой прорыв, который сможет перевести «игру» в выгодный эндшпиль и которого не достичь при заикливании на узких стабилизационных задачах, формирующих адекватную для них определенную экономическую политику. В ней задачи достижения финансовой стабилизации и финансовые приоритеты стали самодовлеющими в ущерб задачам развития.

В-третьих, консервирование сложившегося в условиях российского миттельшпиля состояния способно породить цугцванг в экономике, когда каждое следующее решение может вести к ухудшению ее положения, поскольку не создаются в должной степени необходимые предпосылки и направления выхода из этого состояния. К тому же все жестче ощущается цейтнот — причем не в эндшпиле, что характерно для шахматных баталий, а уже в миттельшпиле.

В этих условиях необходима стратегия прорыва, в основу которой должно быть положено формирование в России такой экономической системы, которая бы адекватно отражала всю совокупность факторов и целей национального развития и сочеталась бы, с одной стороны, с передовыми технологическими трендами, а с другой стороны, с обеспечением реального суверенитета и национальных интересов страны. Необходим акцент на создание и наращивание передовой материально-технической базы, которая позволила бы обрести надежный фундамент суверенного развития России и обеспечить конкурентоспособный характер национальной экономики. Ее стержнем могла бы стать новая индустриализация, сочетающаяся с расширением передовых технологических укладов и интенсификацией процессов воспроизводства человеческого потенциала. Прорыв (как в экономике, так и в других сферах) невозможен без накопления потенциала и активных действий по его реализации. Это предполагает системное видение современной ситуации, сложившейся в России, и системную экономическую политику, основанную на стратегии прорыва. Только тогда появится надежда, что миттельшпиль сформирует весомые предпосылки для перехода в выигрышный эндшпиль.

О. И. Маликова

*д.э.н., профессор кафедры экономики природопользования
экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, Москва*

Изменение конкурентных позиций России на мировом рынке сырьевых материалов: возможности и риски для российской экономики

Природный фактор играет исключительно высокую роль в социально-экономическом развитии России. Протяженность территории, климатические условия, богатый ресурсный потенциал оказали значительное влияние на формирование менталитета населения и складывавшиеся культурные традиции [1]. Не менее значимой является роль природных факторов в современном экономическом развитии России. В текущем десятилетии доля минеральных продуктов (нефть, природный газ, продукты нефтепереработки) в структуре экспорта составляла более 60%. Всего же доля природных ресурсов и их продуктов первичной переработки приближается в структуре российского экспорта к 80% отметке. В первом полугодии текущего года в структуре доходов Федерального бюджета 46% составляли нефтегазовые доходы — налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и экспортные пошлины. Таким образом, возможности пополнения государственного бюджета, решения комплекса социальных задач, финансирования крупных национальных проектов оказываются тесно связаны с эффективностью использования природно-ресурсного потенциала и конъюнктурой внешних рынков сырьевых материалов.

Последнее десятилетие ситуация на мировых рынках сырьевых материалов существенно осложнилась. Наиболее заметные изменения произошли на мировом нефтегазовом рынке. Можно утверждать, что сегодня происходит трансформация мирового нефтегазового рынка в направлении перехода от рынка продавца к рынку покупателя. Заметен также стремительный процесс глобализации мирового газового рынка. Эти изменения носят объективный характер и спровоцированы рядом событий, произошедших на мировом рынке в последнее десятилетие:

- сланцевая революция. Именно сланцевая революция стала одной из главных причин формирования на мировом газовом рынке избытка углеводородов и существенно осложнила конкурентные позиции России. Одновременно сланцевая революция, как никакое другое событие, подчеркнула значимость влияния передовых технологий на успешность развития добывающих отраслей;
- стремительное развитие рынка сжиженного природного газа (СПГ). Рост конкурентоспособности поставок СПГ привел к уско-

рению процессов глобализации на мировом газовом рынке. Резко возросла гибкость поставок, механизмы долгосрочных газовых контрактов, на основе которых более трех десятилетий функционировал мировой рынок газа, стали вытесняться биржевым ценообразованием;

- развитие рынка возобновляемой энергетики. В ряде стран Евросоюза доля возобновляемой электрогенерации возросла до 30–35% общих объемов производства электроэнергии;
- открытие серии крупных месторождений углеводородов. В число стран, обладающих крупнейшими доказанными запасами нефти, вернулась Венесуэла. После открытия месторождений газа в Марыйском области одной из стран, обладающих колоссальными запасами природного газа, стал Туркменистан, занявший лидирующие позиции в экспорте газа на территорию Китайской Народной Республики;
- изменения в транспортном секторе. Развитие каршеринга, электромобилей, перевод грузового автотранспорта на газ стали серьезными предпосылками для достижения рядом стран ЕС, США и Японией пика потребления нефти [2].

Не менее сложная ситуация складывается и на других рынках сырьевых материалов. В конце 80-х гг. XX в. Российская Федерация занимала прочные позиции на мировом рынке редкоземельных металлов, так называемых металлов будущего. Без редкоземельных металлов невозможно производство современной высокотехнологичной продукции: медицинской техники, компьютеров, смартфонов, оборудования для солнечной и ветровой энергетики, электромобилей, высококачественных оптических стекол, а также специальных сталей и сплавов. Сегодня более чем на 95% РФ зависит от импорта редкоземельного сырья из КНР.

В рамках исследования рассматриваются основные изменения, происходящие на мировом рынке сырьевых материалов, показывается взаимосвязь между эффективностью использования природно-ресурсного потенциала, макроэкономической устойчивостью и возможностью обеспечения «зеленого» роста.

В рамках исследования делается вывод о необходимости поддержки высокотехнологичных производств и расширении государственного финансирования фундаментальной науки. Описываются некоторые направления промышленной политики, позволяющие повысить конкурентоспособность российского добывающего сектора и эффективность использования природно-ресурсного потенциала.

Исследование осуществляется при поддержке гранта РФФИ «Разработка методологии и инструментария оценки динамики перехода Российской Федерации к «зеленой» экономике» № 16-02-00299-ОГН.

Литература

1. Олейников Ю. В. Природный фактор бытия российского социума. М.: Институт философии РАН, 2003.
2. Эволюция системы ценообразования на мировом энергетическом рынке: экономические последствия для России / под ред. О. И. Маликовой, К. С. Орловой. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. 432 с.

Е. М. Найденова
к.э.н., доцент,
доцент Департамента экономической теории
Финансового университета
при Правительстве РФ
Россия, Москва

Креативное государство — условие выживания России в «осыпающемся мире»

Метафора «осыпающегося мира», использованная авторами доклада Международного дискуссионного клуба Валдай-2018, адекватным образом характеризует состояние современного мира: «Конструкция мирового здания стоит, но на глазах осыпается, превращаясь в деформирующийся каркас, остов некогда прочного строения» [2, 4]. «Осыпание» конструкции мирового порядка в докладе справедливо связывается с нарастанием противоречий между неолиберальной глобалистской парадигмой, казалось, окончательно утвердившейся после распада СССР, и нарастанием доминирования национальных интересов во многих странах. Особая пикантность процесса «осыпания» состоит в том, что его возглавило государство, инициировавшее глобализацию, — США [2, 6].

В России раньше, чем в США, осознали пагубность глобализации для национальных интересов. Рубежным событием явился кризис 1998 г., когда стало ясно, что уготованное в этом проекте России место сырьевого придатка, чему истово содействовали российские элиты на протяжении 90-х гг., не только не соответствует интересам подавляющего числа российских граждан, но даже интересам самих элит. В конце 1998 г. был взят курс на реиндустриализацию экономики России, что обеспечило быстрое восстановление экономики страны и способствовало резкому увеличению темпов экономического роста вплоть до 2008 г., когда Россию настигла волна мирового финансово-экономического кризиса.

Хотя Россия довольно быстро преодолела кризис, процесс реиндустриализации затормозился. Все активнее стала продвигаться идея о необходимости дальнейшего сокращения роли государства в экономике

страны с целью расчистки пространства для создания новых институтов, которые якобы способны стимулировать инвестиционную активность «креативного класса», без которой экономический рост невозможен.

Однако отечественную элиту, для которой типичны «бегство от НТП, безбрежный социальный эгоизм, “чемоданное настроение” в смысле вывоза за границу семьи и состояния и много прочих отталкивающих “элитарных” характеристик» [5, 153], трудно считать «креативным классом». Кроме того, роль институтов как главного условия экономического роста вообще и индустриализации в частности представляется сильно преувеличенной. Экономисты, отстаивающие эту точку зрения, пытаются доказать, что первая промышленная революция, которая и положила начало быстрому экономическому росту, произошла именно в Англии, так как в этой стране раньше, чем в других, сформировались развитые рыночные институты [1]. Но есть и другая, вполне убедительная точка зрения, согласно которой накануне промышленной революции и в других частях Старого Света (например, в Китае) существовали похожие институты, а быстрый индустриальный рост в Англии был обусловлен прежде всего колониальными завоеваниями [4]. Так что английский «креативный класс» того времени целиком опирался на военно-политическую мощь государства в лице британского королевского флота.

В новейшее время роль государства в развитых странах изменилась. Со времен Нового курса Рузвельта оно все больше выступает непосредственным макроэкономическим субъектом, формирующим условия для экономического роста [3, 217–218]. Похоже, и российское государство осознало, что ждать, пока отечественный бизнес начнет, наконец, инвестировать в российскую экономику, больше нельзя, что убедительно продемонстрировал кризис 2014–2015 гг. Во исполнение майского указа 2018 г. Президента РФ В. В. Путина разработаны национальные проекты по 12 направлениям, которые должны быть реализованы до 2024 г. Задача нацпроектов — обеспечить ускорение экономического роста в России, доведя долю инвестиций до 25% ВВП. Выполнение этой задачи должно обеспечить вхождение России в пятерку ведущих экономик мира. Из общей суммы 28 трлн рублей, которые предполагается направить на нацпроекты, лишь 8,5 трлн — средства бизнеса. Выполнение поставленных задач можно будет расценить как начало превращения российского государства из бюрократического в креативное. И тогда у России появится шанс выжить в осыпающемся мире.

Литература

1. *Аджемоглу Дарон.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон; пер с англ. М.: Изд-во АСТ, 2017. X, 693, [2] с.

2. Жизнь в осыпающемся мире. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2018, 28 С. [Электронный ресурс] <http://gu.valdaiclub.com/files/22596/> (дата обращения: 21.10.2018).
3. Исторические судьбы учения Дж. М. Кейнса: монография / коллектив авторов; под ред. Р. М. Нуреева, Ю. В. Латова. М.: КНОРУС, 2019. 266 С. (Монография).
4. *Померанц Кеннет*. Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики / Кеннет Померанц; пер. с англ. М.: ИД «Дело», 2017. 592 с.
5. *Худокормов А. Г.* Письмо в редакцию // Вопросы политической экономики. 2018. № 3 (15). С. 151–154.

С. С. Носова
д.э.н., профессор,
НИЯУ МИФИ
Россия, Москва

А. Н. Норкина
к.э.н., доцент,
заместитель директора
Института экономической
и финансовой безопасности,
НИЯУ МИФИ
Россия, Москва

Цифровая инфраструктура в цифровизации экономики России

Цифровизация экономики России, по существу, это новая перестройка хозяйственного механизма. Как гениально пишет Ю. М. Осипов: «Перестроить такую страну, как Россия, в любую из возможных сторон очень и очень непросто, в чем пришлось убедиться за последние четверть века гражданам СССР-России» [1, с. 13–14]. С такой постановкой вопроса трудно не согласиться. И тем не менее.

Предметом исследования является роль цифровой инфраструктуры (IP-телефонии, радио, телевидения, сети Интернет, компьютеров, СМИ и т.д.) в цифровой экономике. И это очень важно знать, учитывая тот факт, что, как подчеркнул В. В. Путин: «Без цифровой экономики у России нет будущего» [2]. Хотелось бы, не отрицая значимости данной проблемы, усилить данную постановку вопроса, исходя из собственного диссертационного исследования роли и значения инфраструктуры в воспроизводственном процессе. Отсюда несколько слов об инфраструктуре вообще.

Суть инфраструктуры заключается в том, что это всеобщие материальные условия производства, без которых не может быть как производства, так и повседневной жизни населения. Круг инфраструктурных объектов изменяется. Сегодня НЕ дороги решают современные экономические проблемы, а информация. Поэтому на сегодняшний день главная задача России состоит в принятии конкретной стратегии по созданию так называемой цифровой экономики, в реализации которой следует опираться, прежде всего, на построение цифровой инфраструктуры, так как все компоненты цифровой инфраструктуры являются опорными (backbone) для цифровых преобразований экономики и жизнедеятельности. Уверена, что чем лучше будет развита цифровая инфраструктура, тем лучше будут конкурентные позиции цифровой экономики, тем выше будет ее инновационный потенциал.

Возможность формирования и дальнейшего развития ЦИ связана с ростом коллаборации юридически самостоятельных участников предпринимательской деятельности с органами государственной власти, или так называемого государственного и частного партнерства. Возникает важная форма коллаборативной связи, основанная на коллективных действиях на базе решения проблем стратегического развития экономики страны [3, с. 32], с целью выхода на вектор «умной специализации» [5]. Отсюда государство приобретает новую функциональную роль — поощрять непрерывное инновационное процветание на основе создания цифровой или информационно-коммуникационной инфраструктуры. Слабая цифровая инфраструктура создает проблему хронического отставания России от стран-лидеров.

В России проблема не в санкциях, а в недооценке роли ЦИ в освоении нового цифрового уклада. Отсюда первостепенная задача российского правительства — привлечь к проектам цифровой инфраструктуры частные инвестиции с целью улучшения информационно-коммуникационной среды. И об этом мы уже слышим в программных выступлениях. Пока же в России не создана полноценная цифровая инфраструктура, способствующая переходу к цифровой трансформации экономики и других сторон жизнедеятельности страны.

Таким образом, концепцию цифровой инфраструктуры следует рассматривать как общие условия (фундамент) производства для повышения эффективности делового бизнеса, государственной деятельности и обеспечения нормальных условий для повседневной жизни населения.

Чтобы создать конкурентную среду в российской экономике, необходимо решать проблему создания цифровой инфраструктуры на уровне мировых стандартов. Это означает наращивать субсидии в R&D в развитие ЦИ, причем методом поточных инноваций.

Именно цифровая инфраструктура может стать полюсом роста национальной экономики. Отсюда важнейшее правило ЦЭ: стимулировать

цифровизацию экономики через совершенствование цифровой инфраструктуры. Мировая практика показывает, что для непрерывного подъема экономики нужна сверттехнологичная цифровая инфраструктура. Она дает мультипликативный эффект для всей экономики в целом. Благодаря развитой цифровой инфраструктуры достигается синергия инновативности хозяйствующих субъектов.

Литература

1. *Осипов Ю. М.* Россия на пути к России // Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия / под ред. Ю. М. Осипова, И. Р. Бугаяна, Е. С. Зотовой. По итогам международной научной конференции (5–7 декабря 2017 г., экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова). М.: Креативная экономика, 2018.
2. Путин: без цифровой экономики у России нет будущего // [Электронный ресурс] URL: <https://forklog.com/putin-bez-tsifrovoj-ekonomiki-u-rossii-net-budushhego> (дата обращения: 22.10.2018).
3. *Nosova S. S.* and other. Collaborative Nature of Innovative Economy // Revista ESPACIOS. Vol. 39 (Number 41) Year 2018. Page 32.

М. Ю. Печалова

к.э.н., доцент

*Департамента финансовых рынков и банков,
Финансовый университет при Правительстве РФ
Россия, Москва*

Монетарная политика банка России в глобальном контексте

За последние два десятилетия монетарная политика стран как с развитыми, так и развивающимися рынками претерпевала существенные изменения под влиянием внутренних и внешних факторов и обусловленных ими приоритетов национальной денежно-кредитной политики. В частности, широкое распространение получил режим инфляционного таргетирования, и сегодня очень немногие страны с высоким или средним уровнем развития придерживаются других режимов денежно-кредитной политики.

О своем намерении таргетировать инфляцию Банк России впервые заявил в 2008 г., однако мировой финансовый кризис в значительной степени отсрочил реализацию этих планов: действительные шаги были предприняты лишь в 2013–2014 гг., а фактический переход к режиму плавающего валютного курса и инфляционного таргетирования состоялся в конце 2014 г. как экстренная мера в условиях масштабной спекулятив-

ной атаки на национальную валюту, на фоне резкого падения нефтяных котировок и стагнации, переходящей в рецессию, а также начавшейся годом ранее «чистки» банковского сектора.

В результате российская экономика понесла самые высокие издержки перехода к новому режиму монетарной политики из-за несвоевременности и недостаточной подготовленности условий: в развитых странах смена режима происходила при снижении темпов инфляции, активном притоке иностранного капитала и относительно высоких темпах экономического развития, способных нивелировать его неизбежное временное замедление. А наибольший вклад в разгон инфляции на пике геополитического и экономического кризиса внес эффект переноса валютного курса в силу высокой потребительской и производственной зависимости российских экономических субъектов от импорта.

Таким образом, крайне неблагоприятная внешняя и внутренняя конъюнктура и беспрецедентно низкий уровень доверия со стороны общества предопределили выбор регулятором наиболее «жесткого» варианта таргетирования, при котором он обязан достигать установленных целевых показателей по инфляции, в том числе, в ущерб экономическому росту.

Заметим, что векторы развития российской и мировой экономики начали расходиться не менее чем за два года до начала санкционной войны с США и Европой, хотя разрыв в темпах роста достиг своего максимума в 2015 г. Фактически проводимая в противофазе с масштабной монетарной экспансией регуляторов развитых стран «умеренно-жесткая» монетарная политика Банка России привела к ослаблению потребительской активности и инвестиционной привлекательности российской экономики.

Инвестиционному спаду в этот период в немалой степени способствовало чрезмерное регуляторное давление на кредитные организации, а «оздоровление» банковской системы, в конечном счете, вылилось во взаимную утрату доверия участниками рынка, углубление проблемы территориальной асимметрии и концентрации «хороших» активов в банках с государственным участием и «плохих» в частных банках с российским капиталом.

Целенаправленное сдерживание регулятором кредитного потенциала банковской системы, с одной стороны, и невозможность повысить качество активов за счет вновь выдаваемых кредитов, с другой, привели к тому, что российская банковская система утратила свою традиционную роль одной из движущих сил, способствующих росту других сегментов рынка.

В то же время в ходе мирового финансового кризиса 2008 г. лидирующие страны перешли к нестандартной модели монетарной политики, предполагающей кредитное и количественное смягчение, эффективно поддержавшей деловую активность и функционирование финансовых

рынков, свертывание которой стоит сегодня на повестке дня и в США, и в Европе. Для стран с развивающимися рынками это, скорее всего, будет означать существенный отток иностранного капитала и значимый рост волатильности на валютном и фондовом рынках. Необходимость повышения ключевой ставки Банка России в этих условиях окажет дополнительное негативное воздействие на инфляцию, потребление, внутренний спрос и инвестиции и отрицательно скажется на темпах экономического роста, что может обернуться потерей едва достигнутой макроэкономической стабильности.

Для возврата к устойчивому и сбалансированному росту Банку России необходимо скорректировать монетарную политику, расширив ее целевые ориентиры за счет добавления показателей экономического роста и благосостояния населения в рамках режима гибкого инфляционного таргетирования, следуя лучшим практикам стран с развитыми рынками. Тем более что падение темпов инфляции ниже целевого ориентира в 2016 г. было достигнуто отнюдь не в результате целенаправленных действий монетарных властей, а за счет глубочайшего падения реальных доходов и платежеспособного спроса населения.

Литература

1. *Замараев Б., Киюцевская А.* Российская экономика в контексте мировых трендов // Вопросы экономики. М., 2015. № 2.
2. *Окунь М.* Анализ целесообразности реализуемой денежно-кредитной политики Банка России в контексте мировых тенденций: монетарный и валютный аспекты // Материалы 15-й Международной конференции «Государственное управление в XXI веке». М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018.

А. А. Прудникова
к.э.н., доцент,
Финансовый университет при
Правительстве РФ
Россия, Москва

Проблемы привлечения иностранных инвестиций в Россию в условиях санкционных ограничений

Для обеспечения экономического прогресса и конкурентоспособности как для развитых, так и развивающихся стран большое значение имеет становление новой модели экономики, базисом которой является формирование шестого технологического уклада. К основным отраслям нового уклада относят наноэнергетику, молекулярную, клеточную

и ядерную технологии, нано- и биотехнологии, новые виды транспорта и коммуникаций и т.д. Таким образом, можно отметить, что инновационная составляющая становится главным элементом новой модели экономики. Для эффективного взаимодействия инновационных технологий и бизнес-практик все большее значение приобретает торговая и инвестиционная открытость, ее доступность для всех отраслей экономики. По оценкам Всемирного Банка уровень расходов на НИОКР в среднем выше в странах, где больше приток прямых иностранных инвестиций.

Существует целый ряд причин, тормозящих развитие инновационной экономики в России, основные из них: 1) инновационная деятельность зависит от большого количества факторов, которые трудно поддаются оценке; 2) недостаток финансовых ресурсов; 3) существует разрыв между фундаментальными и прикладными исследованиями.

Начиная с 1990—х гг. Российская Федерация активно привлекает иностранный капитал. В начале XXI в. результатом проводимой в России государственной инвестиционной политики являлась положительная динамика притока прямых иностранных инвестиций, к 2013 г. объем иностранных инвестиций вырос почти в 17 раз по сравнению с 2000 г. (до 170,2 млрд долл. США). Однако в последние годы привлечение ПИИ в российскую экономику имеет нестабильный характер, так в 2014–2015 гг. наблюдалось ежегодное падение объемов иностранных инвестиций более чем в 3 раза (до 6,7 млрд долл. США в 2015 г.). Увеличение объема ПИИ в российскую экономику в 4 раза было зафиксировано в 2016 г. (до 32,98 млрд долл. США), в 2017 г. их объем составил 27,9 млрд долл. США. Причем иностранные инвесторы по-прежнему в первую очередь готовы вкладывать ресурсы в топливно-сырьевой сектор России, именно он стал основным источником роста инвестиций в 2017 г., нерешенной остается проблема инвестиционных потоков и по регионам.

В 2018 г. из-за опасений, связанных с санкциями и с валютным курсом, приток новых инвестиций в капитал остановился. Иностранные инвесторы предпочли репатриировать прибыль, вместо того чтобы реинвестировать ее в России. В результате, по данным Банка России, был зафиксирован рекордный отток прямых иностранных инвестиций (III квартал — 6 млрд долл. США). По итогам 9 месяцев 2018 г. прямые иностранные инвестиции в России составили всего лишь 2,4 млрд долл. США.

Негативная динамика снижения объемов прямых иностранных инвестиций в российскую экономику тесно коррелирует с настроениями бизнеса. Ожидания положительных результатов будущей деятельности компаний и убежденность в целесообразности инвестиций в значительной степени зависят от уверенности в завтрашнем дне, в то время как санкции ухудшают эти ожидания. Угрозы расширения санкционных мер сильно отразились на привлекательности инвестиций в Россию в 2018 г. При

этом характерная для третьего квартала ситуация с возможным введением новых санкций, особенно в финансовой сфере, заставила инвесторов отложить принятие решений до тех пор, пока ситуация не прояснится.

Следовательно, можно отметить, что существующие инвестиционные механизмы не способствуют преодолению, а порой и усиливают негативное влияние отрицательных факторов на инвестиционный процесс в Российской Федерации. В связи с этим назрела необходимость структурной оптимизации, построенной на минимизации сложившихся негативных внешних факторов и улучшении инвестиционного климата. Особенно актуальными становятся вопросы по стимулированию инвестиций, разработке адекватных инструментов и методов, позволяющих привлечь дополнительные инвестиционные ресурсы именно в реальный сектор экономики.

Литература

1. *Мудрецов А. А., Прудникова А. А.* Перспективы инновационного развития России // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 4. С. 63–70.
2. *Прудникова А. А., Игнатова О. В., Горбунова А. А.* Инвестиционный процесс в России: влияние геополитических и геоэкономических рисков // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 2. С. 56–64.

А. Е. Рассадина
к.э.н., старший научный сотрудник,
Экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, Москва

Планирование как инструмент индустриально-технологической трансформации.

Опыт Республики Корея

Выход из депрессивного состояния, в котором находится сегодня российская экономика, невозможен без проведения широкомасштабных структурных преобразований и осуществления инновационно-технологической модернизации ее индустриальной основы. Использование различных форм государственного экономического регулирования и планирования как важнейшего инструмента промышленной политики является необходимым условием в решении этой задачи.

Наиболее выраженные формы планирования использовались развитыми и «догоняющими» экономиками в периоды проведения наиболее радикальных научно-технологических и модернизационных реформ. Изучение опыта государственного планирования в Республике Корея

представляет для нас особый интерес: достижение страной лидирующих позиций в технологической сфере и, в частности, в развитии цифровизации сегодня было бы невозможно без развития высокотехнологичной индустриальной базы, основы которой создавались в 60-е-90-е гг. прошлого столетия. Приоритетное значение в индустриально-технологической модернизации некогда аграрной страны сыграла грамотная промышленная политика государства с планированием в качестве одного из ее главных инструментов.

На всем протяжении применения планирования в Южной Корее постоянно поднимались вопросы относительно того, как различные методы планификации влияют на экономическое развитие и каково правильное место планирования (и государственного экономического регулирования в целом) в рыночной экономике.

Главной особенностью корейского планирования было то, что оно носило не только *индикативный и координирующий*, как во Франции, но и *предписывающий* характер. При этом на всем протяжении его функционирования в основе лежала задача изменения экономического поведения частных агентов в направлении ускорения экономического развития. «Философия приоритета роста», значительно упрощавшая функцию планирующих органов, а также авторитарный характер правительств, оградивший их от требований заинтересованных политических и экономических групп, имевших свои интересы, на важнейшем начальном этапе осуществления модернизационных преобразований, — являлись важнейшими факторами, благоприятствовавшими применению планирования в Корее.

Принципиальной характеристикой корейского планирования являлись постоянные государственные интервенции в рынки в целях продвижения плановых показателей. Это относилось, в первую очередь, к развитию новых высокотехнологичных отраслей в контексте решения задачи догнать индустриально развитые государства. Как это присуще большинству развивающихся экономик, Корея формулировала эту цель наиболее остро. Данная черта корейского планирования базировалась на его предписывающей функции:

- правительство устанавливало перечень новых отраслей, продуктов и технологий, которые необходимо развивать;
- распределяло дешевые кредиты;
- осуществляло продвижение инициатив по развитию передовых проектов и осуществляло контроль над их реализацией, принимая протекционистские меры по их защите — вплоть до момента достижения ими международной конкурентоспособности;
- непременным условием корейского планирования было сочетание прозрачности и предсказуемости в отношениях государства и частного бизнеса с достаточно жесткими методами, применявшимися Правительством.

Важнейшей отличительной чертой корейского планирования и государственной экономической политики в целом было стремление экспериментировать и менять подходы в выборе методов, которые будут наиболее эффективно работать на том или ином этапе. Возможность изменений и гибкость были признаны системой корейского планирования как ее безусловное условие. На первом этапе технологической структурной трансформации преобладала предписывающая функция планирования. Частный сектор, стремясь к достижению международной конкурентоспособности, был заинтересован в реформах и активно приводил свою экономическую политику в соответствие с плановыми индикаторами. По мере решения основных задач, связанных с модернизацией, предписывающая роль планирования уменьшалась, в то время как индикативная функция и социально-институциональные элементы планирования приобретали все большее значение. Впоследствии роль государственной промышленной политики в целом стала уменьшаться, а государственное планирование на макроэкономическом уровне в виде разработки пятилетних планов было сведено «на нет».

Сокращение государственного вмешательства в экономику и отказ от планирования в виде разработки пятилетних планов после 1992 г. не означает отсутствия государственного экономического регулирования в Корее в настоящее время. Меняются методы регулирования в соответствии с изменениями специфики и условий национального и глобального контекста. Различные его виды, в том числе различные формы планирования, при отсутствии самого термина «планирование» широко используются в настоящий период в Корее и в большинстве экономически развитых стран. Причем это касается, в том числе, и государств с наиболее либеральными экономическими моделями развития.

Г. А. Родина

*д.э.н., профессор, кафедры «Экономика и финансы»,
Ярославский филиал, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
Россия, Ярославль*

Вверх по лестнице, ведущей вниз, или вниз по лестнице, ведущей вверх?

Экономисты, особенно теоретики, предпочитают абсолютным показателям мир относительных величин и динамики процессов, тщательно отслеживая так называемые «точки перегибов».

В мировом контексте наиболее распространенным показателем ранжирования стран с социально-экономической точки зрения является ин-

декс человеческого развития. По итогам 2017 г. Россия оказалась на 49-м месте в статусе страны с «очень высоким ИЧР» [3, 22], т.е. мы входим в так называемый «золотой миллиард». За пять лет Россия улучшила свой рейтинг на 3 пункта, а если сравнить с началом XXI в., когда страна была на 73-й позиции, то — на 24. Это ли не свидетельство фантастического прорыва?!

Но не будем торопиться с выводами. В первый год расчета ИЧР — 1990 г. — наша страна занимала 33-е место, а если применить методику ООН к более ранним периодам, скажем, к первой половине 80-х гг. XX в., то ее позиции оценивались на уровне 20–25-го места.

Насколько правомерно трактовать сегодняшнее состояние отечественной экономики как «миттельшпиль»? Иными словами, как завершение переходного периода («дебюта») и развитие «основных событий» в рамках зрелого социального государства, поддерживающего конкуренцию, свободу экономической деятельности, частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности, в соответствии с Конституцией РФ (ст. 7, 8)?

С точки зрения распространенного количественного критерия, окончание переходного периода ассоциируется с восстановлением уровня ВВП до предкризисного. В этой системе координат российская экономика вышла на предкризисный уровень национального производства в 2007 г. Правда, за кризис 2008–2009 гг. пришлось расплатиться 7,9% ВВП, а с учетом его среднегодовых темпов роста на уровне 0,5% мы к 2018 г. практически опять оказались на линии производственных возможностей 1990 г., даже ниже.

Однако, если перейти от внутренней системы оценки к внешней (позиции страны в мировой экономике), то, пока мы не восстановим свое 20–25-е место в рейтинге стран по индексу человеческого развития, мы все еще будем находиться в рамках «дебютной стадии» с ограниченным набором «планов игры».

За пять последних лет мы не смогли улучшить основной показатель, лежащий в основе классификации стран, — размер ВВП на душу населения, в сравнении с американским (как в 2012, так и в 2017 гг. он составил 47%).

Перспективы нашего развития на ближайшие годы весьма скромные. Несмотря на начало нового цикла экономического роста в 2017 г., который может оказаться неустойчивым, структурные темпы роста в 2018–2020 гг. замедляются, а вклад внешнеторговой компоненты будет отрицательным [1, 5].

Стратегическая задача, сформулированная Д.А. Медведевым, — «войти к 2024 г. в число пяти крупнейших экономик мира» [2, 27], — нам не представляется амбициозной: сегодня Россия по объему ВВП является шестой экономикой в мире, а пять лет назад была пятой-шестой. Стало

быть, наша цель — топтание на месте. Как предупреждал Л. Кэрролл, «чтобы оставаться на месте, нужно бежать сломя голову, а чтобы двигаться вперед, надо бежать в два раза быстрее». В нашем понимании это означает, что без структурных и институциональных преобразований нам вряд ли удастся сохранить даже текущее состояние.

Литература

1. Дробышевский С. М., Идрисов Г. И., Каукин А. С., Павлов П. Н., Синельников-Мурылев С. Г. Декомпозиция темпов роста российской экономики в 2007–2017 гг. и прогноз на 2018–2020 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 5–31.
2. Медведев Д. А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5–28.
3. Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistical Update. United Nations Development Programme. [Электронный ресурс]. URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf (дата обращения: 25.10.2018).

Г. Н. Рязанова

к.э.н., доцент,

*Государственный университет управления
Россия, Москва*

Проблемы и перспективы аграрного сектора России

Россия обладает огромными природными богатствами, наша страна богата энергетическими ресурсами [4] — углеводородами и не возобновляемыми источниками энергии, водными и лесными ресурсами. Одно из основных преимуществ России — плодородные земли. Учитывая тот факт, что земля является ключевым фактором производства, состояние мирового аграрного производства оказывает влияние на развитие мировой экономики в целом. Поэтому аграрный сектор для народного хозяйства нашей страны играет огромную роль как в экономическом, так и в социальном аспекте. Аграрной сфере в досоветское и советское время уделялось серьезное внимание, страна удовлетворяла не только потребности населения в продуктах питания, но являлась крупным экспортером аграрной продукции за рубеж. В советское время была создана сбалансированная система, объединяющая аграриев и смежные с ними отрасли: сельхозмашиностроение, производство элитных семян, сельскохозяйственная химия, выпуск органо-минеральных удобрений. Была внедрена научно-обоснованная система земледелия и животноводства, регламентированы технологические операции, соответствующие интенсивной технологии

возделывания сельскохозяйственных культур и разведения скота. Переходный период 1990-х разрушил сформированную систему и привел сельскохозяйственную отрасль к плачевному состоянию — были расформированы структуры, поддерживающие аграрное производство — семхозы, учхозы, многие аграрные научно-исследовательские институты, приватизированы колхозы и элеваторы. Рост цен на энергоносители еще больше усугубил ситуацию, обрабатывать землю и выращивать продукцию растениеводства стало не выгодно. Импорт института частной собственности не способствовал развитию аграрного бизнеса — земельные ресурсы были поделены между бывшими колхозниками, а, в отсутствие межевания, определенные «наделы» выделены не были. В результате земля оказалась в руках арендаторов, которые не заботились о сохранении ее плодородия, и за короткое время многие продуктивные поля были подвержены водной и ветровой эрозии и истощены в результате нарушения технологий и севооборотов.

В последние годы Правительство Российской Федерации обратило внимание на проблемы аграрной отрасли. Рост экономики и, в частности, агропромышленной сферы невозможен без ее модернизации, а модернизация российской экономики заключается, в первую очередь, в обновлении отрасли на качественно новой технологической основе. [6] Институциональные условия в области нормативно-правового, административного и финансового регулирования аграрного сектора способствуют развитию аграрного бизнеса и смежных с ним отраслей [5]. Отраслевые программы: «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» [1], которая отражена в президентском Указе № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» [2], и отраслевые программы развития сельхозмашиностроения позволили аграрному сектору России в последние годы продемонстрировать устойчивый рост: по продукции сельского хозяйства в целом — с 5165,7 млрд руб. в 2015 г. до 5653,9 млрд в 2017 г., в том числе в подотрасли растениеводства — с 2791,4 млрд руб. до 3033,1 млрд руб., в подотрасли животноводства — с 2374,3 млрд руб. до 2620,7 млрд руб. [3].

Вектор на импортозамещение дополнился вектором на экспорт основных видов сельскохозяйственной продукции. На сегодняшний день, с учетом государственной поддержки аграрного сектора, у России есть все шансы стать ведущим экспортеров аграрной продукции в мире.

Литература

1. Постановление Правительства № 717 от 14.07.2012 «Государственная программа развития и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, пищевых материалов и продовольствия на 2013–2020 годы» // <http://mcx.ru/activity/state-support/programs/program-2013-2020/>

2. Указ Президента № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165592/dc5921546cb29fc3d53017cbcf63664f28bde811/
3. Федеральная служба государственной статистики. Бюллетень состояния сельского хозяйства — 2017. Сельскохозяйственная продукция 2017. 24 С. С. 5.
4. *Рязанова Г. Н.* Управление крупномасштабными системами MLSД`2016. Девятая международная конференция / Общ. ред.: С. Н. Васильев, А. Д. Циркун. 2016. М. С. 219—221.
5. *Сазанова С. Л.* Институциональные теории экономического развития // Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения. Сборник научных статей V Международной конференции. 2017. С. 280—287.
6. *Шаринов Ф. Ф., Равилова Р. Ш., Шейка П. А.* Современное состояние институтов развития РФ на примере Тульской области // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2016. № 12. С. 38—41.

Е. А. Сенаторова

к.э.н., доцент,

Национальный Исследовательский Университет

Высшая Школа Экономики

Россия, Москва

Актуальные проблемы развития российской системы нефинансовой отчетности в международном контексте

Основной целью данного исследования является оценка актуальной практики реализации системы учета и отчетности в сфере устойчивого развития компаний, разработка рекомендаций по совершенствованию нормативной базы в области нефинансовой отчетности (в рамках работы автора над международным научно-исследовательским проектом, University of Western Ontario, Canada). Неотъемлемой частью современной экономической системы становится корпоративная социальная ответственность, повышаются требования к качеству нефинансовой отчетности. Анализ отечественного и мирового опыта, актуальных тенденций, на наш взгляд, будет способствовать повышению эффективности системы нефинансового учета и отчетности.

В исследовании представлен обзор научных работ, посвященных проблематике учета и отчетности в области устойчивого развития. Особое внимание уделено последним тенденциям. Новизна исследования заключается в систематизации подходов к изучению особенностей развития си-

стемы нефинансовой отчетности. Проведенный автором анализ показал, что наибольшее внимание следует уделять совершенствованию законодательной базы в отношении данных об индикаторах, предоставляемых в публичной нефинансовой отчетности, а также проблеме оцифровки капиталов, в том числе интеллектуального капитала, в контексте устойчивого развития компаний. В этой связи приоритетным является принятие соответствующего федерального закона, который должен обеспечить предоставление публичной нефинансовой отчетности государственными компаниями, публичными акционерными обществами, а также организациями с существенным годовым объемом выручки и величиной активов.

Несмотря на трансформацию общественного мнения и существенные перемены в сфере устойчивого развития, изменения в области нефинансовой отчетности происходят медленно. Существует различные точки зрения о том, какие изменения будут происходить в этой сфере в ближайшие годы: будут меняться подходы к сбору и анализу данных в области устойчивого развития, нефинансовая отчетность будет представлять собой информацию в режиме реального времени, поступающую из разных источников [4, 142]. Проблематика, определяющая будущее нефинансовой отчетности, включает прежде всего 17 целей устойчивого развития, глобальные вызовы: рост населения и неравенства доходов, защита прав человека, изменение климата, охрана экосистем, управление эффективностью бизнеса, цифровизация экономики [1, 17]. Развитие единой системы международных стандартов нефинансовой отчетности, отражающих отраслевую специфику, позволит использовать нефинансовую информацию в управлении бизнес-процессами, будет способствовать формированию бизнес-моделей, нацеленных на устойчивое развитие [2, 69].

Важной тенденцией в мировой и российской практике становится рост количества компаний, раскрывающих в отчетности данные по ключевым показателям эффективности в области устойчивого развития; существенным моментом является дальнейшее совершенствование российских методик по раскрытию информации о ключевых показателях эффективности в отчетности, соответствующих прогрессивным практикам [3, 15].

Заметным трендом последних лет является повышение интереса к интегрированной отчетности, системному подходу к раскрытию информации о деятельности компании. При переходе на интегрированный формат приоритетным является минимизация рисков, связанных с сокращением информации, влияющей на качество публикуемой отчетности. В этой связи перспективным является развитие системы законодательного регулирования в области интегрированной отчетности.

В соответствии с проведенным исследованием развитие системы нефинансовой отчетности предполагает совершенствование нормативной базы в соответствии с актуальными тенденциями, внедрение прогрессивных практик с учетом системного подхода.

Литература

1. Ответственная деловая практика в зеркале отчетности: настоящее и будущее. Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов: 2015–2016 годы выпуска. М.: РСПП, 2017. 140 С. URL: <http://media.rssp.ru/document/1/7/4/743222fc4c6650093518c635d0e8ecd.pdf> (дата обращения: 07.09.2018).
2. *Deegan C.* Twenty five years of social and environmental accounting research within Critical Perspectives of Accounting: Hits, misses and ways forward. *Critical Perspectives on Accounting*. 2017, 43; 65–87. DOI: 10.1016/j.cpa.2016.06.005.
3. *Ivashkovskaya I. V., Stepanova A. N., Eliseeva N.* Does corporate financial architecture contribute to sustainable corporate growth? The evidence from Russian companies. *Корпоративные финансы // Journal of Corporate Finance Research*. 2014;8(4):11–33.
4. *Lehman G., Kuruppu S. C.* A framework for social and environmental accounting research. *Accounting Forum*. 2017;41(3):139–146. DOI: 10.1016/j.accfor.2017.07.001.

А. В. Сметанко
заведующий кафедрой учета анализа и аудита,
Институт экономики и управления,
Крымский Федеральный университет
имени В. И. Вернадского
Россия, Республика Крым, Симферополь

В. А. Горбачев
старший преподаватель
кафедры учета, анализа и аудита,
Институт экономики и управления,
Крымский Федеральный университет
имени В. И. Вернадского
Россия, Республика Крым, Симферополь

Информационно-финансовый контроллинг институциональных условий развития российских торговых компаний

Российские потребители, формируя новую модель экономического поведения, постепенно переходят к покупкам онлайн, так как их не устраивает качество обслуживания в традиционных торговых точках (оффлайн-магазинах). К таким выводам пришли аналитики исследования потребительского поведения в России из компании PricewaterhouseCoopers

(PwC). В 2017 г. на одного жителя Москвы или Санкт-Петербурга приходилось около 1,6 онлайн-покупки в месяц, в регионах — 1,3 онлайн-покупки [1, 3].

Приведенные аналитические данные касаются, прежде всего, непродовольственных товаров, которые представляют собой основную категорию в российской онлайн-торговле. Вместе с тем, по оценкам экспертов PricewaterhouseCoopers, офлайн-магазины остаются основным каналом продаж, так как на их долю в среднем по российскому рынку приходилось 4,6 покупки в месяц российских потребителей.

Экспертная аналитическая оценка показала, что наиболее популярным способом приобретения товаров в условиях цифровой экономики выступает интернет-торговля, при этом отметим, что более 50% российских потребителей осуществляют покупки через смартфон. Цифровизация торгового бизнеса позволила выявить, что большинство клиентов российских торговых компаний предоставляют им доступ к информации об их потребительских привычках и покупках в обмен на индивидуальные предложения.

Развитие цифровых технологий управления сетевыми торговыми компаниями позволяет констатировать, что традиционные магазины в России постепенно превращаются в гибкую платформу для развития информационно-маркетинговых коммуникаций и обеспечивают новый формат многоканального обслуживания клиентов. Динамика развития новых форматов торговли на российском рынке увеличивает финансовую устойчивость конкурентоспособности отечественных компаний, а также способствует нивелированию границ между магазинами офлайн-торговли и онлайн-торговли. Цифровизация бизнеса, например, вызвала сокращение числа классических торговых организаций и волну банкротств торговых сетей в США.

На мировом рынке стремительное банкротство торговых компаний получило название «ритейл-апокалипсиса». В конце 2018 г. процедуру банкротства начала крупнейшая в мире торговая компания «Sears Holdings», управляющая торговыми сетями Sears и Kmart, в 2017 г. утратила финансовую устойчивость крупнейшая сеть игрушек Toys «R» Us. Потеряли финансовую устойчивость и торговые организации, которые относятся к продовольственным сетям (Southeastern Grocers, Marsh Supermarkets), универмаги, продавцы одежды, обуви и спорттоваров (по прогнозу Cushman & Wakefield).

В 2018 г. наиболее значимыми ограничениями для развития российских торговых компаний и потребительской активности российских граждан вновь стали рост цен, инфляция и качество институциональной среды. Для определения влияния качества институциональной среды на развитие торговли Минэкономразвития Российской Федерации подготовило план проведения оценки воздействия 20 действующих

нормативно-правовых актов на обеспечение финансовой устойчивости торгового бизнеса.

Проведение оценки институциональных условий развития торговых компаний включает несколько этапов. На первом этапе эти условия должны будут оценить эксперты профильного ведомства для определения уровня достижения целей регулирования рынка. На втором этапе потребуется экспертная оценка бизнеса на основе инструментов и технологий финансового контроллинга развития торговых компаний. На третьем этапе экспертизу институциональных и финансовых условий развития торгового бизнеса будет проводить правительственная комиссия по административной реформе. Для выявления рисков и ограничений необходимо проанализировать поправки в закон о торговле 2016 г., которые принимались для обеспечения конкуренции, прозрачности рынка и защиты интересов российских производителей товаров и услуг.

Литература

1. *Ищенко Н.* Россияне стали менее довольны обычными магазинами: PwC предупредила ритейл о риске проиграть конкуренцию [Электронный ресурс] // Ведомости. 2018. 22 октября <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/10/22/784265—rossiyane-stali> (дата обращения: 30.10.2018).

Н. Э. Соколинская
к.э.н., профессор,
Финансовый университет при правительстве РФ
Россия, Москва

Создание классификатора и его использование при кредитовании под залог прав интеллектуальной собственности

Идущие процессы технической и технологической революции в мире и, в частности, в банковском деле ставят перед кредитными организациями новые цели и задачи по расширению объектов залога при кредитовании [3]. В целях обеспечения эффективного кредитования под залог прав на объекты интеллектуальной собственности (ИС) [1] *предлагается* подготовить классификатор объектов залога ИС, предусматривающий возможности комплексного подхода к обороту ИС, включающий обязательную оценку стоимости и особенности кредитования при использовании ИС в качестве залога. При построении предлагаемого классификатора общими моментами независимо от вида ИС будут обязательная экспертная оценка, подтвержденное право собственности на ИС, установление процента

ликвидности залога и возможной сферы использования ИС, применения сравнительных или затратных методов оценки залога, получение гарантий от специальных фондов и государства, доступности контроля банка. Перечисленные моменты нужны для определения вида, срока и дополнительных условий кредита под залог ИС, процентной ставки и залоговой маржи. Например, нами предлагается при использовании *в качестве залога авторских и иных произведений науки, литературы, искусства и объектов смежных прав* применять возобновляемую кредитную линию под 12% годовых при залоговой марже банка 45%. Если в залог берутся *программы ЭВМ, базы данных*, то необходим обзор российского и зарубежного рынков, поиск аналогов, подтверждение права собственности на залог, доказательство принадлежности объекта к нематериальному активу и к объекту ИС. При этом срок кредитования 1 год с использованием простой кредитной линии под процентную ставку 10% годовых при залоговой марже банка 50%. При использовании *в качестве залога патентов на изобретения, товарных знаков* проверяются документы на достоверность, подтвержденное право собственности на объект ИС, срок возможного использования, расчет амортизации и процента ликвидности объекта, возможная сфера использования. При этом рекомендуется применять для кредитования возобновляемую кредитную линию сроком на 5 лет при процентной ставке 10% с применением залоговой маржи банка 40%.

Если в залог по кредиту берется *торговая марка*, то изучается мера ее известности, степень лидерства [1], мера лояльности, рыночные показатели, такие как рыночная цена и доля рынка [2], качество маркетинговых коммуникаций [1], возможность юридической защиты. Выдается целевой кредит на год под процентную ставку 13% с условием залоговой маржи банка 30%. При использовании в качестве залога при кредитовании *прав НОУ-ХАУ* обязательна экспертная оценка. Кредитование возможно по возобновляемой кредитной линии на 4 года под 14% годовых при использовании гарантии и залоговой маржи банка 90%. Если в залог берутся *промышленные образцы*, необходима экспертная оценка при использовании доходного метода. При кредитовании необходима гарантия фонда ИС. Срок кредитования — 3 года, процентная ставка — 14% годовых. Залоговая маржа банка — 80%. Использование *инновационных технологий* в качестве залога предполагает обзор зарубежного и отечественного рынка, поиск аналога, подтверждения производства добавочной стоимости при использовании новых технологий. При этом применяется доходный метод оценки (методы преимущества в прибыли; преимущества в расходах); метод дисконтирования денежных потоков (одновременного учета преимущества в прибыли и в расходах [1]). В этих случаях кредитование может проводиться в виде возобновляемой кредитной линии на 5 лет под 12% годовых под гарантии государства с участием бюджетных средств с использованием льготного периода кредитования и отсроченных процентов. Залоговая маржа банка — 80%.

Приведенные примеры показывают, насколько важно для банка создать свой внутренний классификатор (стандарт) объектов залога ИС с учетом особенностей каждого вида ИС, подтверждающих документов, методов оценки стоимости объекта залога, размера залоговой маржи в сочетании с выбранным видом кредита, его сроком и процентной ставкой.

Литература

1. Соколинская Н. Э. Интеллектуальная собственность как форма обеспечения по кредиту // Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности. Краснодар, 2017. С. 154–158.
2. Соколинская Н. Э. Роль интеллектуальной собственности в повышении конкурентоспособности коммерческих банков // Направления развития банковского сектора в современной экономике / под ред. О. И. Лаврушина. Алма-Аты: Экономика, 2016. 212 с.
3. Соколинская Н. Э. Факторы, влияющие на необходимость разработки и внедрения инновационных банковских продуктов // Современные проблемы и перспективы развития финансовых рынков и банков / под ред. Н. Э. Соколинской. М.: Кнорус, 2017. С. 183.

Р. Е. Соколов

к.э.н., доцент,

кафедра экономической теории и мировой экономики,

Московский финансово-промышленный

университет «Синергия»

Россия, Москва

Диакония и социальная политика: опыт взаимного влияния и проникновения

Сегодня религиозная компонента общества все чаще выходит на первый план, и религиозные институты, в частности церковь, становятся активными субъектами хозяйства, в том числе на политической арене. Если в России эта ситуация только начинает постепенно проявляться, то в некоторых странах церковь уже давно активно участвует в политическом процессе, особенно в сфере социальной политики. Это относится, например, к Евангелической церкви Германии, чей опыт может быть интересен и для российской практики. Большую социальную работу ведет и Католическая церковь.

Считается, что современная социальная политика выросла, в том числе, из диаконической работы. Один из основателей немецкой диаконии Йоханн Хинрих Вихерн выделял три диаконических направления: свободная, церковно-общинная и гражданско-общественная диакония.

Свободная диакония подразумевает само собой разумеющуюся обязанность каждого человека любить своих ближних. Это выражается в добровольной готовности помочь, например, членам семьи, соседям, коллегам по работе [1, с. 130–184]. Рената Цитт называет это направление диаконии «мотором диаконического развития». Однако такие люди, готовые прийти на помощь, также нуждаются в тех, кто поддержит их деятельность советом и направлением. Подобную поддержку они могут найти в институте церковно-общинной диаконии, которая, по словам Цитт, является «сердцем церкви». Церковно-общинная диакония выступает в форме менеджмента социальных проектов на местах. Она является мостом, который объединяет свободную диаконию в лице людей, желающих социально ангажироваться, и социальные институты, необходимые для решения задач социального государства. Социальные институты в виде больниц, хосписов, ночлежек для бездомных и других социальных учреждений, т.е. вся создаваемая государством и частными лицами социальная инфраструктура, представляют собой гражданско-общественную диаконию. Менеджмент социальных проектов осуществляется посредством сотрудничества активных граждан с социальными заведениями. Такое сотрудничество, в свою очередь, развивается на теологической, общественно-политической и организационной почве. Теологическая область подразумевает проведение богослужений, душепопечительной работы и теологического образования. Общественно-политическая сфера предполагает проведение публичных дискуссионных форумов. Относительно организационного аспекта сотрудничества речь идет о распределении и проверке расходовании пожертвований, инспекции зданий культового и социального назначения на наличие предметов первой помощи и их доступности и управлении ими [2, с. 219–222].

Развитие общественно-политической сферы церковно-общинной диаконии в Германии привело к тому, что церковь постепенно стала ведущим политическим актером и взяла на себя практически всю социальную работу, проводимую в стране, включая подготовку социальных работников, работу с несовершеннолетними, заключенными, мигрантами, а также содержание различных социальных заведений. Государство, частично передав церкви социальную заботу о гражданах и лицах без гражданства, передало ей и доходы от «социального» налога, уплачиваемого теми, кто позиционирует себя ее членами.

Литература

1. *Wichern Johann Hinrich*. Saemtliche Werke III/1, hg.v. Peter Meinhold. Berlin/Hamburg, 1968.
2. *Zitt Renate*. Auf der Suche nach der diakonischen Gemeinde // V. Herrmann (u.a.) (Hg.). Studienbuch Diakonik. Band 2. Neukirchen, 2006.

И. В. Трезуб
д.э.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Россия

Финансовый суверенитет России. Модель Башелье

Понятие суверенитет выражает независимость государства в международных отношениях, неделимость и единство территории, невмешательство во внутренние дела страны со стороны внешних сил. Эта самостоятельность государства наряду с отсутствием политической зависимости обеспечивается, в первую очередь, финансовой независимостью.

В данной работе рассмотрен финансовый суверенитет России с позиции независимости ее финансового рынка. В настоящее время курс покупки и продажи акций на мировых финансовых рынках колеблется достаточно сильно. Это приводит к слабой предсказуемости годовой доходности активов. Факторов, влияющих на изменение цены акции, множество. Строить детерминированную модель описания цены акции неразумно в силу того, что порой косвенные факторы оказывают большее воздействие на цену. Примером тому может служить ситуация с ценами акций нефтяных компаний. Санкции в Ираке, война в Сирии способствуют повышению цен акций нефтяных компаний.

Обычно цену акций считают случайной частичкой на числовой прямой, которая может сделать шаг вправо, влево или остаться на месте. Такое отождествление позволяет применять стохастические модели, одной из которых является модель Башелье.

Классическая модель Башелье представляет собой описание случайного процесса со стационарными приращениями. Первой модификацией модели Башелье считается модель геометрического броуновского движения П. Самуэльсона, основная идея которой заключается в переходе к логарифмам цен.

Замена текущей цены акций их логарифмами показала свою обоснованность. Приращения логарифмов цен в действительности оказываются стационарными и независимыми на достаточно больших временных промежутках порядка нескольких лет.

В представленной работе исследована справедливость предпосылок модели Башелье и ее модификации — модели Самуэльсона нормального распределения приращений и логарифмических приращений цен финансовых инструментов для шага в один день на данных акций российских компаний за последние 5 лет. Важно отметить, что историческая изменчивость необязательно является хорошим индикатором будущего риска и отсутствием финансового суверенитета.

На основе данных о ценах закрытия акций российских компаний, была построена модель для определения вероятности повышения и по-

нижения цен акций, а также отклонений от текущей цены на 30 процентных пунктов.

Анализ результатов позволил оценить степень зависимости российского финансового рынка от динамики международных фондовых бирж а также вероятность падения цен акций российских компаний в следующую торговую сессию.

Литература

1. *Tregub I. V.* On the applicability of the random walk model with stable steps for forecasting the dynamics of prices of financial tools in the Russian market // *Journal of Mathematical Sciences*. 2016. Т. 216. № 5. С. 716–721.
2. *Tregub I. V., Turkina S. N.* Menges model applied to the economy of the USA // *Маркетинг и менеджмент инноваций*. 2014. № 4. С. 128–135.
3. *Трегуб Ив.* Методы визуализации модельных исследований. Saarbrucken, 2013.
4. *Tregub I. V.* *Econometrics. Model of real system*. М., 2016.

А. М. Цикин

к.х.н., докторант,

Финансовый университет при Правительстве РФ

Россия, Москва

О выборе механизма формирования самодостаточной национальной экономики

Одной из наиболее важных причин основных проблем современной России (низкий уровень жизни населения, производственный потенциал, экономический рост и пр.) является недостаток конкурентоспособности экономической системы, вызванный непродуманной политикой, сопровождающей распад СССР. Рациональным выходом из сложившейся ситуации представляется повышение национальной конкурентоспособности через построение самодостаточной экономики.

Началом движения современной России к самодостаточной экономике является принятие в 2009 г. Стратегии национальной безопасности России до 2020 г. В числе обозначенных целей Стратегии выделено повышение продовольственной безопасности, формирование конкурентоспособных отечественных компаний в фармацевтической, телекоммуникационной сферах, компьютерных технологиях, электронике и программировании, т.е. уход от периферийной сырьевой модели развития. Текущий уровень самодостаточности национальной экономики позволяет утверждать, что цели Стратегии достигнуты только в сфере продовольственной безопасности, в основном из-за снижения курса на-

циональной валюты и введенных в отношении западных стран «анти-санкций». В то же время результаты по другим направлениям Стратегии достигнуты лишь частично либо вовсе не реализованы [1].

В современной российской экономической системе сложились все необходимые предпосылки для повышения конкурентоспособности на основе обеспечения самодостаточности, причем необходимые усилия не требуют кардинальной перестройки экономики. Одним из базовых элементов является повышение эффективности использования имеющихся факторов (в частности, минерально-сырьевого и сельскохозяйственного комплексов). Использование имеющихся факторов имеет объективные ограничения, связанные с необходимостью повышения качественных характеристик производимых товаров и услуг помимо экстенсивного увеличения загрузки основных производственных мощностей и роста объемов производства текущей продукции. Преодоление имеющихся ограничений непосредственно связано с повышением доли наукоемких производств и их продукции, созданием новых цепочек формирования добавленной стоимости на основе кластеров.

Очевидна необходимость изменения государственной экономической политики для имплементации предлагаемой модели и достижения заявленных в Стратегии целей. Интересен положительный опыт внедрения «философии достаточности экономики», предполагающей реализацию самодостаточности экономики за счет трех компонентов: разумности, сдержанности и предусмотрительности [2]. В противовес капиталистической концепции максимизации прибыли «философия достаточности экономики» предполагает реализацию общего экономического интереса всех субъектов рынка. Таким образом, перспективной формой развития самодостаточности российской экономики с социально-экономической точки зрения представляется координация экономических интересов органов государственной власти, бюрократии, коммерческих фирм и населения.

Реализация данного процесса предполагает достижение общего экономического интереса экономических субъектов за счет внесения материального, управленческого и трудового вклада как со стороны населения, так и со стороны представителей бизнеса, что предполагает расширение социальных функций коммерческих организаций и построение новой системы взаимодействия бизнеса и науки. В качестве одного из возможных механизмов координации экономических интересов субъектов рынка возможно использовать понятие общего экономического интереса [3, 178].

При реализации предлагаемого механизма развития конкурентоспособности российской экономики на основе координации экономических интересов агентов рынка возможны различные конфликтные ситуации, связанные с эмпирическим поиском оптимальных количественных параметров. Данные проявления рыночных экстерналий должны быть мини-

мизированы. Формирование и закрепление общих экономических интересов целесообразно реализовывать на основе общественных договоров, сторонами которых могут выступать органы федеральной и муниципальной власти, бизнес-сообщество и научно-образовательные учреждения.

Литература

1. Russia's Uneven Drive Toward Economic Self-Sufficiency [Электронный ресурс] / Stratfor Enterprises. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/russias-uneven-drive-toward-economic-self-sufficiency> (дата обращения: 17.10.2018).
2. South-South in Action. Sustainability in Thailand. Experience for Developing Countries [Электронный ресурс] / Ministry of Foreign Affairs of Thailand. URL: http://tica.thaigov.net/main/contents/images/text_editor/files/Sustainability%20in%20Thailand%20Expereince%20for%20Developing%20Countries.pdf (дата обращения: 17.10.2018).
3. *Цикин А. М.* Проблема экономических интересов при формировании конкурентоспособности национальной экономики // *Философия хозяйства*. 2016. № 4 (106). С. 171–179.

Л. А. Чалдаева

д.э.н., профессор,

Финансовый университет при Правительстве РФ

Россия, Москва

Современная экономика в условиях цифровой экономики

Реальность, сложившаяся в современной экономике страны, заключается в формировании информационного общества на основе цифровой экономики, учитывая потребности политической экономики и экономических отношений в целом. В развитие данного процесса сформирована стратегия [1] и концепция программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [2]. Из этого следует, что построение информационного общества направлено на обеспечение развития бизнес-процессов в интересах реализации не только государственных потребностей, но и каждого члена общества, а поэтому становится очевидной необходимость вовлечения всех производительных сил в разработку и внедрение технологий цифровой экономики во все сферы жизнедеятельности общества [3], позволяющие решить поставленные задачи и перейти на новый уровень функционирования экономики.

Однако при решении поставленных задач необходимо учесть валютную составляющую современной экономики и технологию блокчейн, принципы применения и создаваемая на ее основе криптовалюта заслу-

живают особого внимания [4, 69]. Суть дела состоит в том, что на мировом финансовом рынке совершаются сделки, информация о которых заносится в реестр, а клиенты вынуждены прибегать к услугам посредников, которые, принимая оригиналы документов, проверяют их, формируют копии и предоставляют клиентам. Таким образом, сущность технологии блокчейн представляет собой хранение достоверных данных о «любых событиях». Например, в блокчейн может быть размещена информация о денежном переводе, о переводе виртуальных средств. Иными словами, данные, доступные для записи на бумажном носителе, размещаются в блокчейн, поскольку в его реестры после совершения операции не представляется возможным внести правки или исказить информацию, из этого следует, что каждый следующий блок «связан» с предыдущим, последовательно следуя друг за другом.

Таким образом, реестр блокчейн представляет собой своеобразную копию сочетания блоков на компьютерах участников, хотя доступно хранение и отдельного блока. Благодаря такой многократной записи сведений изъятие практически невозможно, поскольку необходимо «выполнить подобные операции» на каждом ее участке. Из этого следует, что блокчейн существует до тех пор, пока в цепи присутствует хотя бы один действующий участник.

Причем следует отметить, что в отсутствии посредников каждый следующий участник блокчейна способствует укреплению прочности цепочки и поддерживает равноправие ее участников. Данный принцип формирования и функционирования технологии блокчейн основан на том, что количество блоков в цепочке и их содержимое доступны всем участникам, и в этом отношении появляется возможность контролировать изменение информации в записях в любом блоке цепочки. Однако благодаря тому, что информация технологии блокчейн является доступной и ее достоверность поддерживается всеми участниками процесса, а для защиты сведений внутри сети используется шифрование, то при таких обстоятельствах присутствие иных участников не предусматривается. Из этого следует, что в сети любой пользователь может знать, какая сумма средств и кому она принадлежит, лишь только после того, как ее владелец раскроет свою идентификацию, передав специальный криптографический ключ.

Таким образом, в экономике и финансовой сфере очевидны существенные перемены, на которые реагируют как хозяйствующие субъекты, финансовые организации и сообщества, так и высшие органы управления, а для того чтобы оценить масштаб происходящих в экономике изменений, необходимо обратить внимание на сделки с наиболее ликвидными криптовалютами, на их объем, цену и капитализацию, доступных на валютных биржах, специализирующихся на операциях с криптовалютой, а также на формирующийся российский экономический миттельшпиль.

Литература

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».
2. «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 03.07.2016).
3. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”».
4. Словарь финансово-экономических терминов / под общ. ред. М. А. Эскиндарова. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К⁰», 2015. 1168 с.

Л. Г. Чередниченко
д.э.н., профессор,
РЭУ им. Г. В. Плеханова
Россия, Москва

Методологические подходы к анализу конкурентоспособности национальной экономики

В условиях внешних санкций особое значение приобретает задача возврата России утраченных позиций с достаточно сильным макрорегулированием экономики, обеспечивающим формирование конкурентных преимуществ. В практике государственного регулирования конкурентоспособности национальной экономики это нашло отражение в промышленной политике, в разработке Стратегии экономической безопасности России на период до 2030 г. Адекватной реакцией на санкции безусловно является политика импортозамещения, в основе которой лежит возрастание значимости конкурентных преимуществ. Инновационная концепция конкурентных преимуществ, в свою очередь, диктует инновационное обеспечение конкурентоспособности.

С учетом условий реализации стратегии экономической безопасности страны важное значение придается обоснованию необходимости и раскрытию содержания государственной доктрины повышения конкурентоспособности России. Ее следует трактовать как блок (звено) и промышленной политики, и названной стратегии. Соответственно необходима разработка единого нормативно-правового акта, предусматривающего использование в практике госрегулирования экономики системы показателей, имеющих нормативные значения. Это предполагает повышение роли экономических министерств в регулировании экономики страны, особенно в части мониторинга показателей конкурентоспособности

в сравнении с их нормативными значениями, что должно стать основой принятия управленческих решений макрорегулятором экономики.

Существуют базовые методологические подходы к анализу конкурентоспособности национальной экономики. Кластерный подход М. Портера основывается на применении так называемого «ромба конкурентоспособности», состоящего из четырех взаимосвязанных компонентов: факторные условия, условия спроса, конкуренция в отрасли и стратегия фирм. М. Портер выделял различные этапы жизненного цикла страны, в зависимости от которых он рекомендовал различные меры государственной политики. Однако в работе М. Портера недостаточно внимания уделено выявлению макроэкономических аспектов конкурентоспособности деятельности отдельных производителей в условиях товарных рынков. Анализ конкурентоспособности с позиций теории промышленной политики основан на поиске рыночных несовершенств, препятствующих реализации потенциальных сравнительных преимуществ экономики страны. Рассматриваемый подход является во многом неоперациональным, поскольку зачастую сложно выявить и измерить уровень конкретных провалов рынка в разных секторах экономики. Полезность модели «экономической сложности» Хидальго-Клингера-Барабасси-Хаусманна состоит в том, что, показывая «расположение» текущих экспортируемых товаров и услуг в общемировом продуктовом пространстве, модель позволяет выявить сопряженные товары и услуги, в производстве которых данная страна относительно легко может сформировать сравнительные преимущества. Недостаток данного подхода состоит в его относительной «близорукости», поскольку он не позволяет спрогнозировать результат диверсификации экономики в случае, если она развивается не в смежных отраслях.

В теоретическом аспекте критический анализ рассмотренных подходов к исследованию конкурентных преимуществ страны позволяет сформировать комплекс наиболее значимых принципов промышленной политики, релевантных стратегии импортозамещения в условиях внешних санкций.

Литература

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». <https://cdnimg.rg.ru/pril/140/28/53/strategiya2030.pdf> (дата обращения: 29.10.2018).
2. *Портер М.* Международная конкуренция. М., 1993.
3. *Hidalgo C. A., Klingler B., Barabási A.-L. & Hausmann R.* (2007). The product space conditions the development of nations. *Science*, 317(5837), 482–487. <http://doi.org/10.1126/science.1144581> (дата обращения: 29.10.2018).

Я. С. Ядгаров
д.э.н., профессор,
департамент экономической теории,
Финансовый университет при Правительстве РФ
Россия, Москва

Академик Л. И. Абалкин о путях выхода российской экономики из современного экономического кризиса в мировом контексте

На рубеже XX–XXI столетий политико-экономические изыскания, посвященные осмыслению сущностных аспектов и особенностей современного экономического кризиса, охватившего многие страны мира, включая Россию, а также определению путей выхода из него стали занимать одно из центральных мест как в мировом, так и отечественном научном экономическом сообществе. Значительное внимание данной проблематике уделил в своих сочинениях и видный российский академик Л. И. Абалкин, в том числе в таких книгах, как «Россия: Поиск самоопределения» (2002) [1], «Уроки истории и будущее России» (2010) [2] и других.

В первой из указанных работ на страницах отдельно выделенного очерка «Дефолт, его история и начало экономического роста» Л. И. Абалкин красной нитью проводит мысль о рукотворном, в сущности, характере российского дефолта 1998 г. Данный кризис явился, по его убеждению, «одним из самых трагических событий для экономического и социального развития России в конце XX века», поскольку «Запад вроде бы пришел на помощь», но денежные средства МВФ предоставил с условием, что либерализация цен, финансово-кредитная политика должны были осуществляться «по Вашингтонскому консенсусу» [1, с. 210, 212].

Гораздо более объемно и всесторонне академик Л. И. Абалкин повествует собственное видение причин кризисных явлений в экономике постсоветской России в мировом контексте в упомянутых выше «Уроках истории», посвятив этим проблемам в данной книге ряд разделов, как-то: «Экономический кризис — закономерный результат изменения мировой финансово-валютной системы», «Экономический кризис — предвестник перемен» и другие. По его мнению, современная ситуация в мире во многом обусловлена реалиями развернувшегося и возникшего «как бы невзначай» глобального кризиса, который охватил все страны, предвосхитив разработку в США, Европе и России соответствующих антикризисных программ. В сложившихся условиях ключевая проблема, считает он, состоит, во-первых, в том, что сейчас научное экономическое сообщество не в состоянии выделить какую-либо отдельно взятую причину, раскрывающую глубинную сущность этого кризиса, ибо для борьбы с со-

временным кризисом «нужен более широкий политико-экономический подход, анализ видоизменения мировой валютно-финансовой системы». И, во-вторых, в том, что ныне очевидно следующее: «Классическая схема Д — Т (товары, услуги, информация) — Д' исчерпала себя. На ее место пришла иная модель: Д — Деривативы — Д'» [2, с. 77–78].

Далее посредством краткого историко-экономического экскурса российский академик обращает внимание на то, что как в первой четверти XIX в. (когда произошел первый кризис), так и в начале XXI в. любой кризис обнажает несовершенство той или иной системы. Особенно ценными и значимыми для выхода из кризисных явлений со времен Великой депрессии 1929–1933 гг., с его точки зрения, явились работы Дж. М. Кейнса (о вложении государственных средств в экономику для стимулирования ее развития и повышения «эффективного спроса»), способствовав выработке определенных моделей, инструментария, подходов в преодолении негативных явлений в экономике.

Между тем российский академик отнюдь не абсолютизирует кейнсианские нововведения, признавая, что нынешние (в конце XX и начале XXI столетий) кризисы представляют собой «качественно новое явление», которое, принципиально отличается от всех других экономических кризисов, потому что связано с появлением так называемых «мьльных пузырей», т.е. раздуванием финансового сектора [2, с. 80]. И в этой связи он, как очевидно, солидарен с мнением известного современного историка экономической мысли М. Блауга, полагающего, что многие предшествующие Дж. М. Кейнсу экономисты тоже «защищали общественные работы, денежную экспансию и антициклические бюджетные дефициты как средства борьбы с безработицей» [3, с. 123].

Таким образом, размышления академика Л. И. Абалкина о путях выхода мировой и российской экономики из современного экономического кризиса позволяют прити к выводу о том, что основная задача научного экономического сообщества заключается в том, чтобы извлечь уроки истории, обосновать и реализовать социально ориентированные антикризисные программы, обеспечивающие повсеместное нециклическое поступательное развитие экономики.

Литература

1. *Абалкин Л. И.* Россия: Поиск самоопределения: Очерки / Л. Абалкин. М.: Наука, 2002.
2. *Абалкин Л. И.* Уроки прошлого и будущее. М.: Институт экономики РАН, 2010.
3. *Блауг М.* 100 великих экономистов до Кейнса. / пер. с англ.; под ред. А. А. Фофонова. СПб.: Экономическая школа, 2005.

Т. Ю. Яковец,
к.э.н., ведущий научный сотрудник
МИСК,
Россия, Москва

О долгосрочной стратегии развития социодемографического комплекса России

Сложившаяся в России современная демографическая ситуация требует подхода к решению социально-экономических проблем с позиций демографического императива. Можно согласиться с А. И. Солженицыным, который еще в 1994 г. предложил сделать национальной идеей *сбережение народа*. Эту же идею предлагали Н. М. Римашевская (2003, 2007) и Б. Т. Величковский (2012).

Демографический императив предполагает, что эффективность социально-экономического развития страны будет определяться с позиций выживания народа — роста его численности и качества и уровня жизни. Ряд отечественных ученых (Н. М. Римашевская, С. С. Сулакшин, В. В. Локосов, В. Н. Бобков) предлагают разработать и реализовать *Социальную доктрину Российской Федерации*.

Социальная доктрина должна быть ресурсно обеспеченной. Следовательно, для решения современных социодемографических проблем, назревших в Российской Федерации, необходимо их рассмотрение в одной связке с модернизацией экономики страны. Без этого невозможно получить ресурсы для коренного перелома в демографической ситуации, сложившейся в России. Поэтому необходимо комплексное рассмотрение двух инициатив Президента РФ В. В. Путина — Указа от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» и Указа от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

В ближайшие годы целью демографической политики должно стать максимальное использование воспроизводственного и миграционного потенциала в целях минимизации демографического спада и обеспечения предпосылок для нового демографического подъема. Реализовать эту цель возможно только с помощью развития социодемографического комплекса страны.

Социодемографический комплекс России включает в себя сферу услуг данного комплекса (социальное обеспечение и обслуживание различных категорий населения, требующих заботы общества и государственной поддержки; здравоохранение и медицинское обслуживание населения; образование во всех его формах; культура, отдых и туризм; физкультура и спорт); жилищно-коммунальное хозяйство; агропродовольственный

комплекс, включая производство и переработку продовольствия; легкую промышленность; пассажирский и личный транспорт, персональную связь¹. Состав отраслей данного комплекса менялся в результате исторического развития. Социодемографический комплекс формируется на глобальном, национальном и региональных уровнях.

Для России формирование социодемографического комплекса страны имеет ряд особенностей. Во-первых, если в большинстве развитых стран мира данный комплекс формировался эволюционно, то в нашей стране его функционирование прошло две точки бифуркации — 1917 и 1991 гг. Поэтому необходимо рассматривать различные этапы существования социодемографического комплекса страны — Российская империя, СССР и РФ. Во-вторых, особенность евразийской цивилизации заключается в наличии в ней разнородных этносов, которые влияют на характеристики данного комплекса. Поэтому социодемографический комплекс страны можно рассматривать как на национальном уровне, так и с выделением таких регионов, как Москва, Санкт-Петербург, мусульманские регионы Европейской части России без Северного Кавказа, Северный Кавказ, прочая Европейская часть России без Арктики, Сибирь без Арктики, Дальний Восток без Арктики, Арктические регионы России. В каждом из этих национальных регионов наблюдаются особенности самосохранительного и ментального поведения населения, что накладывает отпечаток на характер функционирования их социодемографического комплекса. Кроме того, население российских регионов сильно дифференцировано по уровню ВВП и доходов на душу населения и природным условиям, что также сказывается на характеристиках региональных социодемографических комплексов. Различается по регионам и показатель миграционного прироста. Вся эта совокупность факторов создает пеструю картину региональных комплексов на территории России.

Развитие социодемографического комплекса РФ — первоочередная задача, не менее важная, чем поддержание обороноспособности России.

¹ В «широком смысле» к социодемографическим отраслям можно отнести розничную торговлю и услуги для населения банковской сферы.

Раздел II

ТЕХНОГЕНЕЗ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА ИЛИ ПЕРЕВОРОТ В БЫТИИ?

*М. А. Аленьх
к.э.н., доцент,
департамент экономической теории,
Финансовый университет при Правительстве РФ
Россия, Москва*

Цифровизация банковской системы: зло или благо для клиента

Цифровые технологии все больше входят в жизнь людей и становятся привычными. В первую очередь этот процесс охватывает сферу услуг. Наиболее восприимчивой к новым технологиям оказалась современная банковская система.

Новые технологии позволяют ускорить проведение платежей как для банков, так и для их клиентов. Но, с другой стороны, возникают риски, появляются новые виды мошенничества, которых не существовало раньше, поэтому все более актуальным становится вопрос безопасности в банковской системе.

Замена наличных денег электронными, появление смартфонов и проведение с их помощью платежей безусловно, является достоинством цифровизации банковских операций, но с другой стороны этот процесс изменяет структуру специалистов, работающих в банке.

В банковской системе России, как и во всем мире, это влияние становится более заметным. Появляются банки, которые предоставляют только онлайн услуги, например, Tinkoff банк, позиционирующий себя как банк нового поколения, предоставляющий услуги 24 часа в сутки. Отсутствие офисов позволяет банку снизить издержки и предлагать клиентам более низкие комиссии. В операционных российских расходах банков доля IT-расходов колеблется от 10 до 20%. Сбербанк, как крупнейший государственный банк, уменьшает число офисов, заменяя их интернет-банком и увеличивая число операций, доступных через Ин-

тернет и мобильный банк, появляется все больше банкоматов, способных проводить расчеты онлайн, а не только снимать и выдавать наличные. Для этого все меньше требуется сотрудников, занимающихся сопровождением клиентских операций, и все больше сотрудников, занятых в IT-операциях, таким образом в банках происходит сокращение численности банковских специалистов и увеличение численности специалистов, занятых в компьютерных технологиях. Банковские операции становятся все более унифицированными, и намечается тенденция превращения классического банка в IT-компанию с банковской лицензией.

Переход к электронным расчетам стал занимать меньше времени, и наметилась тенденция замены наличных денег электронными, поскольку население в крупных городах все более охотно пользуется онлайн-расчетами за покупки товаров и услуг, перечислению денег друзьям и родственникам. Но проведение платежей в электронном виде дает государству больше возможностей для контроля. Поэтому в целях борьбы с «серой» экономикой государство стремится использовать эти возможности для увеличения налоговых поступлений.

Например, сегодня банки могут заблокировать так называемые «сомнительные платежи», т.е. платежи более 15 тыс. руб., т.е. они могут отклонить транзакцию клиента до полного выяснения деталей. Это создает определенные неудобства для клиента банка и может означать срыв сделки и необходимость доказывать свою правоту.

Эта мера увеличивает вероятность снижения электронных платежей и увеличения налично-денежного оборота, что приведет к снижению доходности банков.

Литература

1. www.rbc.ru/newspaper/2015/06/24/56bcc4ea9a7947299f72beb0 (дата обращения: 30.10.2018).
2. www.tinkoff.ru/about/ (дата обращения: 30.10.2018).

А. В. Андреева

к.э.н., доцент,

Ростовский государственный университет

путей сообщения

Россия, Ростов-на-Дону

Техногенез и современные российские банки

Особенностью современной действительности выступает развитие процессов диджитализации (цифровизации), которые являются результатом техногенеза и сопровождаются не только существенными изме-

нениями привычного уклада жизни современного человека, но и новыми вызовами, на которые предстоит дать ответ отдельным секторам хозяйства и целым странам. Важнейшим фактором развития процессов диджитализации на российском банковском рынке является полная интеграция экономических агентов отечественного финансового рынка в цифровую экономику и в глобальную сеть. Процессы, происходящие в банковском бизнесе, требуют снижения издержек, эффективного использования ресурсов, привлечения новых клиентов в условиях доминирования «цифры» в процессах и результатах. Осмысливая техногенез, а также размывание границ между тремя основными сферами (биологической, цифровой и физической), российские банки ищут ответы и находят возможности для взаимодействия не только на глобальном цифровом поле, но и в современных условиях децентрализации глобального геополитического ландшафта.

Особенностью современного банковского бизнеса является его постепенный переход к диджитализации, который начался относительно недавно — после выхода России из глобального финансового кризиса (2008–2010 гг.). В период с весны 2014 г. и по настоящее время можно говорить об ускоренных темпах осваивания российскими банками цифровых технологий, что вызвано не только впечатляющими результатами научно-технического прогресса и объективными целями по увеличению прибыли и сокращению издержек, но, как нам представляется, и особой необходимостью обеспечения цифровой национальной безопасности в связи с реализацией геополитических рисков и последовавших санкций в отношении России — от создания национальной платежной системы до копирования опыта мировых цифровых банков.

Так, в 2016 г. глава Сбербанка Германа Греф высказал мнение, что будущее традиционных, «обособленных» российских банков подвергается риску. Поэтому Сбербанк к 2018 г. должен был построить «экосистему», в рамках которой будут работать сервисы за пределами банковского сектора [1]. Для этого Сбербанк целенаправленно вовлечен в поиск финтех-стартапов, которые вписывались бы в эту экосистему, или сам создавал необходимые ему элементы. В итоге в настоящее время при Сбербанке существует множество непрофильных компаний и нефинансовых сервисов, большая часть которых использует его в качестве ресурсной базы, что и представляет собой экосистему. Сбербанк России таким образом формирует вокруг себя большой финансовый супермаркет, где собраны самые разные сервисы, финансовые и нефинансовые услуги. Создание такой системы выгодно не только потребителям услуг банка, но и самому банку, так как позволяет повысить доходность бизнеса. В 2018 г. Сбербанк возглавил список самых дорогих российских компаний по итогам 2017 г.: его капитализация

за 2017 г. выросла почти на 40% до 84 млрд долларов, а на втором месте — «Газпром» [2].

Одним из проявлений техногенеза являются огромные массивы данных обо всех операциях людей с применением современных технологий и Интернета, которые хранятся на серверах. Используемый в русскоязычной среде термин «большие данные» (Big Data) является технологией сбора и анализа больших данных, которые важны для кредитных организаций: от увеличения клиентской базы и предпочтений банковских продуктов до оценки рисков, управления активами и защиты от киберугроз. Анализ Big Data, а также использование алгоритмов машинного обучения (machine learning) позволяют российским банкам не только сравнивать поведение своих клиентов, которые сопоставимы по уровню их доходов, но и выявлять факторы риска и мошенничества. Вместе с тем, право граждан на личную жизнь и неразглашение информации и их «цифрового следа» часто игнорируется, несмотря на то что в России с Big Data работают не только финансовые сервисы, но и сотовые операторы, розничные сети. Работа с Big Data является вызовом для регуляторов по всему миру, так как поднимает вопросы защиты от киберугроз, а способность компаний и правительств обеспечить защиту информации своих клиентов и граждан от несанкционированного доступа уже сейчас является одним из факторов конкурентоспособности не только банков, но целых стран.

Таким образом, можно сделать вывод, что процессы, характерные для зарубежных банков в условиях вынужденной цифровой трансформации не только хозяйства, но, зачастую, и бытия, актуальны и для отечественного финансового сектора, который в современных экономических условиях можно охарактеризовать как более национально-ориентированный, нежели еще 5 лет назад. Вместе с тем, современные российские банки, в отличие от банков зарубежных, в настоящее время вынуждены отвечать не только на современные технологические вызовы, сколько на вызовы геополитические, что существенно осложняет их цели по достижению прибыли и конкурентоустойчивости.

Литература

1. Мархулия Е. Греф рассказал о конце эпохи традиционного банкинга [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/finances/08/12/2016/584949599a7947f375230ecc> (дата обращения: 12.09.2018).
2. Сбербанк возглавил рейтинг самых дорогих компаний в России [Электронный ресурс] // РИА Новости — Экономика. URL: <https://ria.ru/economy/20180130/1513634114.html> (дата обращения: 19.10.2018).

Т. А. Андреева
д.ф.н., профессор,
зав. кафедрой философии,
Донецкий национальный университет
Украина, Донецк

Новые социально-экономические реалии и трансформации в общественном сознании

Техногенные реалии современного общества, в частности, возможность применения современных видов оружия ставит человечество перед угрозой самоуничтожения, что отражается в общественном сознании как «абсолютное» моральное зло.

В контексте угрозы омницида происходят аксиологические трансформации в общественном сознании. Дихотомия личностной принадлежности человека к миру индивидуального «я» и всеобщего «мы» уже не выступает как непримиримая амбивалентность. Все эти социальные изменения, фиксируемые в глобальных цивилизационных проблемах, инициируют осмысление общечеловеческих ценностей.

Теоретическое изучение общечеловеческих параметров социального бытия в популярных ныне теориях глобализации лишь опосредованно отражается в функционирующем по своим, относительно самостоятельным законам, обыденном сознании. Формирование ценностных ориентиров индивидов определяется, в первую очередь, скрытыми предметными смыслами, характерными для ментальности народа, а лишь затем — преобладающими на теоретическом уровне парадигмами.

В концепте «человечество» присутствует изначально аксиологическая (субъективная) компонента: это одновременно субстрат (физическая данность, род людей) и идеальность, абстрактность, бытие сознания, опредмеченное в рефлексивном процессе.

Самая большая социальная общность представляет собой особый вид общего. Она является целым по отношению к классам, нациям, цивилизациям (как к своим частям). Такая органическая связь может быть нарушена в рефлексии, когда первое разрывается со вторым, выделяется и объединяется в единую сущность, абстрактно опредмечивается в сознании познающего субъекта.

В качестве сложившейся реальной основы самой большой социальной общности выступают, в первую очередь, экономические связи, складывающаяся противоречивая общность интересов. Важную роль в развитии целостности рассматриваемого концепта играют так называемые «глобальные проблемы». Но эти предпосылки не являются достаточным основанием формирования социальной структуры с высокой степенью достигнутого единства.

Феномен человечества предстает и как категория, фиксирующая противоречивую связь целого и его разнородных частей. Поэтому необходимо перейти от эмпирического многообразия социально-экономических явлений — к абстракции, отражающей все многообразие соответствующей эмпирии. Очевидно, здесь можно выделить три логико-семантических феномена, каждый из которых обусловлен соответствующим гносеологическим уровнем. Во-первых, человечество — эмпирическая общность отдельных людей. Его бытие представляет собой объективную реальность диахронично и синхронично функционирующего человеческого рода. Во-вторых, человечество — это абстракция, понятие, которое определяется не как совокупность отдельных, конкретных физических индивидов, а как совокупность сообществ землян. Процедура абстрагирования позволяет зафиксировать существенные признаки, учесть хронологический фактор. Понятое таким образом «человечество» не только способствует гуманному отношению к окружающим людям («своим»), но и формирует уважительное отношение к предкам, наполняет историческую память ценностным содержанием.

Рассмотрение его в качестве категории предполагает исследование диалектического единства многообразия представителей земной цивилизации, дихотомично существующих универсальных связей единичного и всеобщего, национального и интернационального, индивидуального и коллективного, природного и социального. При этом «человечество» выступает как наиболее общее понятие, фиксирующее основные свойства и закономерности обозначенного феномена. Такие признаки, как универсальность (вселенскость, тотальность) и абсолютная ценность (цель сама по себе), не просто отображают действительность, а в определенном смысле создают ее в бытии сознания.

Концепт человечества наиболее полно осуществляет свою аксиологическую функцию в тех случаях, когда его привнесение в массовую психологию способствует преодолению архаичного деления общества на «мы — свои», «они — враги», ведь в культурно-историческом пространстве современного социума сосуществуют и проявляют себя индивидуальности, которые только тогда достигают своего совершенства, когда объединены в систему гармонично функционирующих единиц подобного им смыслового ряда.

Здесь дискретность и преемственность поколений, длительность их физической бытийности и уникальность духовной представленности синтезируются в абстрактной целостности, позволяющей рассматривать социально-экономические детерминанты трансформаций общественного сознания в контексте экзистенциальной проблематики выживания цивилизации.

Н. В. Апатова

*д.э.н., д. пед.н., профессор,
заведующая кафедрой,*

*Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
Россия, Симферополь*

Интернет в формировании интеллектуального капитала

Современный человек не представляет своей жизни без компьютерной сети Интернет: быстрота поиска необходимых сведений, почта, личные контакты в социальных сетях — все это привносит новые технологии в повседневную жизнь. Цифровая экономика, курс на которую взят Правительством России, построена на коммуникациях не только людей, но производственных информационных систем, осуществляемых без вмешательства работников. Нарастающий поток информации требует осмысления и ответственности в принятии управленческих решений, и здесь на первый план выходит правильность понимания сообщений и адекватность реакции лица, принимающего решение. И здесь Интернет может играть не только положительную роль при формировании индивидуального интеллектуального капитала.

В распространенных Интернет-коммуникациях часто встречается спин-докторинг — манипулятивное воздействие. Особенно данное явление проявляется в политических коммуникациях, сетевых «информационных войнах», наблюдаемых в последнее время информационных атаках и обвинениях России и ее лидера во всех мировых бедах. Информационная война призвана выработать новые ментальные состояния у адресатов, изменить их верования, мнения, оценки и восприятие определенных событий. За сознанием следует формирование новых стереотипов поведения, примеров которого, в том числе массового психоза, в истории достаточно. Разрабатываются так называемые «гибкие PR-технологии», для манипулирования общественным сознанием, которые призваны не только дать оценку некоторым уже свершившимся событиям, но и сформировать ожидание некоторого события, ожидание может быть заложено как положительное, так и отрицательное. Обращение, прежде всего, к чувствам принимающего сообщение пользователя Интернет, насыщение текста одобрительными или неодобрительными комментариями, «красивыми словами» позволяет распространять ложную информацию и внедрять ее в ментальные структуры многочисленных читателей неофициальных новостей. В этом случае происходит восприятие «вида» вместо восприятия «сути», ментальные представления меняются на противоположные: доверие — на недоверие, убеждения — на нигилизм, объективные свойства — на ложную аналогию,

официальные данные — на собственные подсчеты и т.п. Инструментом искажения ментальных репрезентаций является «вброс» некоторого сообщения в сеть, которое либо прямо противоречит официальной или общепринятой точке зрения, либо является некоторой версией событий, изложенной под девизом «важен не сам факт, а то, как его представили». Интернет является идеальной средой для распространения такой заведомо искаженной, недостоверной информации, поскольку при интересной ее подаче найдется множество желающих поделиться новыми, необычными сведениями с многочисленными виртуальными друзьями. Так при минимальных затратах на тиражирование информации достигается максимальный эффект манипулятивного воздействия на тысячные и миллионные аудитории.

Научный или научно-популярный текст, в отличие от рекламного или новостного, как правило, не содержит манипулятивной информации, хотя она может присутствовать с целью усиления реакции читателя на сенсационные для него новости. Для понимания научного текста необходима, безусловно, однозначная для данного научного направления терминологическая база — тезаурус, составленный специалистами в данной предметной области. Имеются специальные печатные издания, например, «Математическая энциклопедия», «Большая экономическая энциклопедия» и другие, но в виртуальном пространстве большинство людей при поиске определений понятий использует Википедию, которая не является официальным научным собранием статей. Негативным, на наш взгляд, явлением является отсутствие государственного сайта с научными определениями, своего рода государственной энциклопедией. Заслуживает внимания сайт Академик (dic.academic.ru), но, по сведениям из той же Википедии, данный сайт не поддерживает авторские права, и его словарные статьи авторов не имеют. Поэтому основа понимания — концепт или понятие — фактически определяется в каждом учебнике по-своему (за исключением точных наук), а каждый автор кандидатской диссертации считает своим долгом определить свои ключевые слова и долго это обосновывает. Поэтому понимание отдельных научных терминов затруднено даже в кругу специалистов, не говоря уже об обучаемых. Особые сложности возникают при переводе с одного языка на другой, неточность в научных переводах может привести к принципиально неверной трактовке основных идей автора. Многие авторы прибегают к образному изложению, использованию метафор, что еще больше затрудняет понимание смысла научной работы.

В цифровой экономике постоянно появляются новые технологии, которые требуется изучать, внедрять и совершенствовать, что приводит к большой информационной нагрузке, и в этих условиях возрастания роли индивидуального интеллектуального капитала необходимо гарантировать его качество.

И. З. Гелисханов
начальник отдела Департамента
бюджетной политики в отраслях экономики
Минфина России,
соискатель ученой степени к.э.н.
факультета государственного управления,
МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, Москва

Дата-платформенная революция в контексте информационно-цифровой экономики

ID-экономика. В настоящее время человечество переживает переосмысление подходов к анализу и использованию информации, включая переход количественных изменений в качественные, под влиянием активного развития цифровых технологий (искусственный интеллект, анализ больших данных, Интернет-вещей, блокчейн и др.), широким распространением гаджетов, платформ и различных киберфизических устройств и систем, повышением доступа к сети Интернет и иных факторов.

В результате появляются как возможности для формирования новых или трансформации традиционных сфер и отраслей человеческой деятельности, новых форм создания стоимости, производства, взаимодействия и обмена, так и новые вызовы и риски, связанные с безопасностью личности, общества и государства и другими немаловажными проблемами.

В начале XXI в. доля цифровой информации не превышала более четверти от общего объема информации в глобальной инфосфере, при этом спустя десятилетие объем аналоговой информации не превышает 1–2% [5], что отражает феноменальный рост объема цифровой информации, многократно превышающий рост мировой экономики.

Это позволяет сделать вывод о том, что информационная экономика, наступление которой было отмечено в трудах экономистов середины XX в., переживает новый этап своего развития, определенный отечественными исследователями (Ю. М. Осиповым, Т. Н. Юдиной, И. З. Гелисхановым) как «информационно-цифровая экономика» или «ID-экономика» в силу того, что информация в эпоху нового этапа развития экономики и общества все также сохраняет свою сущностную роль главного производительного ресурса и продукта, при этом доминирующей является именно цифровая форма информации.

Революция больших данных. Как известно, в некоторых физических и биологических процессах наблюдается эффект изменения состояния под влиянием изменения масштаба или объема. Данный эффект распространяется также и на инфосферу: увеличение объемов накапливаемых

данных и развитие инструментов и технологий их обработки и интерпретации открывают качественно новые способы и уровни анализа и понимания информации.

В частности, если наука и другие формы освоения действительности оперируют в последние столетия таким методом, как «выборка» (как части генеральной совокупности элементов, охватываемых экспериментом, опросом или наблюдением), то в настоящее время цифровые технологии создают возможности накопления и обработки практически всех данных, касающихся того или иного объекта, процесса или явления, что позволяет улучшить точность и раскрыть потенциал других свойств информации.

Вместе с тем, интерес к феномену абсолютной точности в ID-экономике снижается. Огромные массивы разноформатных данных позволяют получить общее представление об объектах, процессах и явлениях, уделяя меньше внимания точному измерению (в килограммах, рублях и т.п.).

Подобные изменения приводят к переходу от вечной концепции «почему» к концепции «что» и «какого рода». Анализ больших данных позволяет выявить нестандартные корреляции между данными. При этом, если зачастую нет возможности установить причины этих корреляций, почти всегда имеется возможность определить, какого они рода.

Предполагается, что в дальнейшем будет развиваться концепция «дифференциации» — преобразования в формат цифровых данных объектов, явлений и процессов в целях выявления скрытых корреляций и других особенностей информации [5].

Революция цифровых платформ. Одним из важнейших механизмов реализации ID-экономики являются цифровые платформы (ЦП) — онлайн-разновидность многосторонних платформ [1, 2]. ЦП накапливают и обрабатывают эксабайты (квинтиллионы байт) информации, генерируемые огромными пользовательскими сообществами или системами устройств. К примеру, в социальной сети Facebook, измеряемой 2,2 млрд активными пользователями в месяц, опубликовано более 2 трлн публикаций, а поисковая система Google обрабатывает в год более 2 трлн поисковых запросов от 1,2 млрд пользователей [3].

Посредством данных ЦП выявляют релевантную информацию (предпочтения и привычки пользователей и т.п.), которую можно отнести к категории цифрового капитала [4]. При этом деятельность ЦП сопряжена как многими положительными (снижение транзакционных издержек и др.), так и отрицательными эффектами (проблемы конфиденциальности данных, риски манипулирования ЦП пользователями, компаниями и др.) [2].

Выводы. Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что развитие ID-экономики сопровождается различными объективными процессами и явлениями, содержащими в себе потенциал революционных изменений, что требует выработки адекватных, своевременных и гибких институциональных (законодательных, морально-этических

и др.) и иных решений, механизмов, позволяющих мультиплицировать положительные эффекты цифровизации с одновременным снижением сопутствующих ей негативных тенденций и проявлений.

Литература

1. *Осинов Ю. М., Юдина Т. Н., Гелисханов И. З.* Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва // *Экономические стратегии*. 2018. № 5. С. 22–29.
2. [Электронный ресурс]. *Гелисханов И. З.* Цифровая платформа как институт экономики нового технологического поколения // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018»*. М.: МАКС Пресс, 2018.
3. [Электронный ресурс]. Статистические данные портала Expandedramblings.com (дата обращения: 30.10.2018).
4. *Geliskhanov I. Z., Yudina T. N.* Digital platform: A new economic institution // *Quality — Access to Success*, S2: 20–26, 2018.
5. *Mayer-Schönberger V., Cukier K.* Big Data: A Revolution that Will Transform how We Live, Work, and Think. Houghton Mifflin Harcourt, 2013.

В. Н. Иванова

аспирант,

Федеральный социологический центр РАН

Россия, Москва

Согласование размерностей социальных и экономических факторов в модели инновационной деятельности¹

Предложен новый методологический подход к описанию инновационной деятельности как саморазвивающейся системы с комплексом прямых и обратных социально-экономических связей разной направленности [2]. В качестве источника прямых и обратных связей рассматривается феномен «знания». При производстве знания как нового ресурса и нового товара, наделенного, как минимум, тремя фундаментальными противоречиями, появляются отрицательные обратные связи в инновационной деятельности. Прямые же связи формируются в процессе эволюции общества на основе ранее накопленного знания в виде социального опыта конкретного индивида [1, 232]. Прямые и обратные связи не следует путать с внутренними деловыми связями между индивидами в творческом коллективе.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «*Теоретико-методологические основы формирования стратегии инклюзивного развития экономики России*» № 17-02-00040 «а».

Представлены структура и источники возникновения указанных видов связей. Обосновывается основная функция прямых социальных связей по индивидуализации личности через расширение и активизацию форм ее ассоциативного мышления. Рассмотрены проблемы реализации инклюзивного развития с позиций социальных ограничений для включения в инновационную деятельность широкого спектра научно-производственных ресурсов. Структурирование спектра социально-экономических связей позволяет подойти к анализу устойчивости и динамики инновационной деятельности с использованием математической формализации [4]. Однако такая формализация затруднена из-за *невозможности согласования размерностей социальных и экономических связей, отвечающих за соответственные факторы производства*. Интенсивность связей разного вида, очевидно, предполагает и различную размерность при их описании. Однако в системе неоднородных дифференциальных уравнений первого порядка, описывающей динамику такого инновационного развития, данные величины интенсивности связей необходимо указывать в единой размерности. Хотя чисто формально показатель интенсивности обратной связи и записывается в виде числа (коэффициента перед тем либо иным целевым показателем) с размерностью обратного времени, но фактически этот коэффициент соответствует приращению целевого показателя, перед которым он стоит, за единицу времени. То есть этот коэффициент косвенно нормирован через размерность того целевого показателя, перед которым он стоит в конкретном дифференциальном уравнении. Что касается прямых связей, которым соответствуют свободные члены в системе уравнений, то в данном случае они имеют точную формальную размерность того целевого переменного показателя, производная которого присутствует в конкретном уравнении. И самая проблемная задача — выразить целевые показатели-функции экономического и социального вида через единую размерность. С целью рассмотрения динамики инновационной деятельности, направленной на реализацию экстернального эффекта по типу цепной реакции в хозяйственной системе [3] на качественном уровне, достаточно системы из двух неоднородных дифференциальных уравнений первого порядка и соответствующих им двух целевых показателей — x и y . Возможны два варианта описания инновационной системы этими показателями:

- за x принимаем экономические показатели, а за y — показатели институционального вида, в частности, социальные;
- за x принимаем величину целевой функции в виде экстернального эффекта в экономическом и институциональном хозяйственном пространстве, а за y — величину функции торможения, препятствующую реализации такого экстернального эффекта.

Очевидный путь использовать стоимостной (через стоимость, выраженную в деньгах) подход к описанию размерности как экономических, так и социальных показателей оказывается во многом тупиковым. Самый главный здесь *гносеологический подвох* — в наличии большой степени

иррационализма в поведении тех самых экономических агентов, а тем более — творческих личностей. Сущность же и универсальность самих денег в экономике — в их свойстве рациональности. Вторая проблема совмещения экономических и социальных связей — *методологическая*, заключающаяся в сложности стоимостного измерения конкретного социального поступка (действия) и его последствий.

Литература

1. *Иванов А. А., Иванова В. Н.* Истоки, структура и функции социальных связей в инновационной деятельности // *Философия хозяйства*. 2017. № 3 (117). С. 230–244.
2. *Иванова В. Н.* Функциональные модели инновационного развития в постиндустриальной экономике // *Вопросы новой экономики*. 2009. № 4. С. 23–32.
3. *Иванова В. Н.* Научно-технические кластеры как инструмент инновационного развития в рамках эволюционной экономической теории // *Экономический вестник Ярославского университета*. 2009. № 30. С. 5–11.
4. *Иванова В. Н.* Динамическая модель инновационного развития // *Экономическая теория в XXI веке — 8(15): Экономика модернизации: монография / под ред. Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой*. М.; Ростов н/Д: Вузовская книга, 2011. 496 С. С. 186–192.

Т. И. Коптелова
к.ф.н., доцент
кафедры «Философия,
социология и политология»,
Нижегородская государственная
сельскохозяйственная академия
Россия, Нижний Новгород

«Природоподобные» технологии экономики будущего с позиции технетики и органической философии

Экономическая сфера жизни общества, обезличенная в современном западном проекте глобализации, не перестает выполнять функции творческой адаптации, организации хозяйственной жизни народа на определенной территории. Поэтому экономика будущего должна быть «природоподобной», способной отражать, воспроизводить биолого-географические особенности территории и духовные черты народа, ее создающего. Это необходимое условие решения экологических и культурных проблем, а также возможность полноценной национальной

идентификации, так как экономика — такая же неотъемлемая часть народной культуры, как и религия или искусство.

«Природоподобные» технологии предполагают изменение менеджмента и производственных процессов в сфере промышленности, сельского хозяйства, информации. При этом «природоподобие» можно рассматривать с позиции технетики (технетики — современной науки о технической реальности) и с точки зрения традиционной духовной культуры (органической философии). Один из важнейших принципов технетики, предложенный Б. И. Кудриным, — это устойчивость больших технических систем, которая рассматривается с позиции биологического ценоза. Так, для технетики характерен механический перенос знаний о живой природе с целью объяснения технических процессов. В отличие от технетики, основы органической философии формировались, с одной стороны, благодаря развитию наук о живой природе (теория порядка Г. Дриша, учение В. И. Вернадского о ноосфере, теория ортобиоза И. И. Мечникова, геософия евразийства 20–30-х гг. XX в. и взгляды на этногенез Л. Н. Гумилева), а с другой стороны — под влиянием русской христианской традиции («органической логики» В. С. Соловьева).

Благодаря органической философии можно сформулировать следующие законы существования человеческого общества, в которых выражается природоподобие: 1) закон саморазвития — жизнеспособность новой формы общественных отношений определяется ее функциональной целостностью; 2) закон многообразия показывает, что уже возникшие формы организации жизнедеятельности создают предпосылки для появления новых, неповторимых явлений действительности; 3) одновременное действие двух детерминаций (идушей от прошлого — причинной, и детерминации будущего — целевой) приближает к тайне спонтанности в рождении нового [2, с. 42–43]. Эти законы способствуют формированию нового взгляда на экономику и техносферу.

В отличие от концепции технетики, где техническая реальность рассматривается по аналогии с живой природой, как «техноценозы», органическая философия обращает внимание на возможность воспроизведения живой природы в техносфере. Так, человечество от избыточного и абстрактного производства должно вернуться к этническим моделям организации хозяйственной жизни, т.е. к реальности, ориентированной на конкретного человека, на определенный этнос [1, с. 40–42]. А формальное перенесение биологических терминов в мир техники делает ее лишь внешне «природоподобной». Так, при создании новых объектов техносферы решающее значение отдается документации, необходимой для выпуска «вида», являющейся «генотипом», а изготовленное изделие получает название «особь», т.е. «фенотип» [3, с. 17]. Возможно, подобная терминология учит смотреть на неживую природу как на живую, но от этого техника не становится функционально природоподобной. В то же время представители

современной технетики оставили в стороне морально-нравственные принципы и вопрос правомерности замещения живой природы техникой.

Органическая философия предполагает принципиально новое отношение к «природоподобию» техносферы: человеку необходимо «научить» технику подражать живой природе, не уничтожать биогеоценозы, а вписываться в них, как это делают живые организмы. Сам человек должен приобрести способность воспроизводить живую природу в технических изделиях (например, естественность осадков в системах орошения почвы; возрождение плодородного слоя при помощи агрохимических технологий; соответствие анатомическим параметрам и биоритмам человека компьютерной техники и т.д.). Только тогда возможно преобразование техносферы — внесение в нее природных процессов. Так, современной экономике недостает духовного творчества, которое должно быть вектором развития, основой природоподобия, выражающейся в пластичности, многообразии этнических форм хозяйственной деятельности, в созидательной спонтанности.

Литература

1. *Коптелова Т. И.* Интерпретации цифровой экономики в механистической и органической философии / Т. И. Коптелова // *Философская мысль*. 2018. № 8. С. 34–42.
2. *Коптелова Т. И.* Коммерция против искусства: театрално-эстрадное шоу в механистической и органической философских парадигмах / Т. И. Коптелова // *Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*. 2018. № 2 (116). С. 39–48.
3. *Кудрин Б. И.* Информационное и ценологическое проектирование / Б. И. Кудрин // *Федоровские чтения — 2017. XLVII Международная научно-практическая конференция с элементами научной школы*. М.: ИД МЭИ, 2017. С. 12–19.

В. К. Королев
д.ф.н., профессор,
Южный федеральный университет
Россия, Ростов-на-Дону

Модернизация: обновление экономики или (и) метаморфоз бытия?

Россия переживает сложнейший этап своего исторического развития. Почти тридцать лет реформ во всех сферах жизни общества не дали ожидаемых результатов, и в экономике это наиболее очевидно.

Страна жизненно нуждается в модернизации. Обычно она рассматривается как технико-технологическая задача обновления экономического «парка» страны. При всей необходимости этой работы нужно подчеркнуть, что такой подход представляется недостаточным. Поэтому, не входя в специальное обсуждение проблематики модернизации в целом (по ней есть большая литература, см., например, [1, 2]), считаю необходимым подчеркнуть, что модернизация России нужна как системная работа по решению не только технико-экономических, но и социально-гуманитарных проблем. Как показывает исторический опыт (западноевропейский модерн), классическая модернизация осуществляется как системное взаимодействие новых технологий, экономических отношений, хозяйственного уклада, общественно-политического устройства, мировоззренческой парадигмы и, самое главное, новой «модели» Человека.

В постиндустриальных условиях современности модернизация — это не только (и не столько) технико-технологический рывок в развитии экономики, сколько ее трансформация на новой социально-гуманитарной основе, когда Человек перестает быть средством экономического развития, когда он ставится выше прибыли, а его реальные дела, интеллект и нравственность — выше финансовых комбинаций, богатства.

Но как осуществить такую модернизацию без смены курса, приведшего к наличному «околонулевому» положению не только экономики, но и страны в целом [4]? Ответ на этот вопрос надо искать в разных сферах — социально-гуманитарной, идеологической, политической, изменения в которых только и могут обеспечить заявленный Президентом «рывок». Отсюда следует, что главная проблема искомой модернизации — гуманитарная — «обновление» Человека. Возможно ли оно, если предпринимаемые ранее попытки, как религиозные, так и общественно-политические, не удались ни в Европе, ни в СССР, где коммунистическая партия за 70 лет не смогла воспитать «нового человека» из массового материала «простого народа» путем создания адекватных социальных условий (вспомним «Собачье сердце» М. Булгакова!)? Остается только надеяться, ибо в современной России «человеческий потенциал» успешно «стерилизуется»; более того, модернизационная задача для него даже не ставится, она сводится к пресловутым новым технологиям и инновациям технико-экономического характера, не затрагивающим ни политическую, ни социальную, ни духовную сферы [3]. (Здесь уместно помнить известное ироническое замечание Л. Грэма: новые технологии («молоко») дает Социум в целом («корова»), а не ее «вымя» (Наука.) Конечно, изменения в этих сферах идут, но не с целью так нужной стране модернизации. Очевидно, это обусловлено не только негативным историческим опытом, но и отсутствием перспективной модели Человека и Общества после «конца истории» [3].

Вывод — модернизацию в современных условиях следует проектировать не как технико-технологическое перевооружение экономики, при всей важности этой задачи ее решение не должно впадать в технократизм. Нужен системный проект, целью которого станет обновление не только экономики, но и социума, и человека, что позволит России выйти в новое культурно-цивилизационное качество.

Литература

1. *Ашасов В. А.* Россия как разрушающееся традиционное общество // Полис. 2001. № 3.
2. *Зарубина Н. Н.* Самобытный вариант модернизации // Социс. 1995. № 3.
3. *Королев В. К.* Модернизация (экономики) и культура: проблемы России // Вестник РМИОН «Историко-философские, экономические и правовые аспекты модернизации России в XX — начале XXI в.». Ростов н/Д: ЮФУ, 2013.
4. *Фадин А.* Модернизация через катастрофу? (Не более чем взгляд) // Иное. Хрестоматия российского самосознания. М.: ЭКСМО, 1995. 185 С. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/antolog/inoe/fadin.htm/fadin.htm> (дата обращения: 21.09.2018).

*С. С. Мерзляков,
к.ф.н., экономический факультет
МГУ им. М. В. Ломоносова
Россия, Москва*

Ревизия институтов: от ограничений к их снятию

Одним из выводов институциональной экономики является то, что национальную экономику можно «подогреть», если использовать те институты, которые позволяют демонстрировать эффективность более развитым в экономическом плане обществам. Это могут быть правовые институты, экономические, культурные и т.д. Предполагается, что можно перенести на новую почву тот или иной институт и тем самым увеличить эффективность экономической системы. Например, можно использовать ресурсы института права эффективных экономик для того, чтобы сделать систему более пригодной для частной предпринимательской деятельности. Либо можно использовать институты культуры для того, чтобы культивировать те модели поведения, которые способствуют предпринимательской активности. То есть перенос институтов может быть эффективным инструментом развития общества.

Вместе с тем есть очевидные ограничения в переносе институтов из другого общества: новые институты могут не прижиться или приживаться крайне медленно на новой территории. Кроме того, перенос созданных на другой почве институтов может быть выгодным для родной им системы, но оказывать отрицательный эффект на развитие национальных обществ. В этом случае «ученик», играя по правилам «учителя», действует во вред собственным интересам. Например, торговые правила могут быть полезны тем, кто их учредил, но быть менее полезными для тех, кто присоединился к игре по этим правилам позже. Перенос института может привести и к тому, что перенесенный институт вырастает на новой почве в симулятивный конструкт, не выполняющий той функции, которую он выполняет на родине. Симулятивными конструктами могут быть институты права, экономики, культуры и науки. В крайнем случае появление симулятивных институтов может привести к возникновению некоего аналога «рынка лимонов» — ситуации, при которой отсутствует действенный способ оценки результатов этого института, сама деятельность в этом случае становится симулятивной практикой, обладающей лишь внешними атрибутами перенимаемого института, но способной создавать продукт низкого качества в ситуации отсутствия корректной оценки.

В связи с этими явлениями возникает вопрос о ревизии институтов, т.е. появляется заказ на пересмотр существующих правил. Разумеется, подобный пересмотр влечет за собой и риски, которые необходимо учитывать.

Ситуация неопределенности и конфликта с рядом государств, в которой находится современная Россия, позволяет смелее вести работу с существующими институтами. Одним из вариантов такой работы является снятие тех ограничений, которые диктуются работающими в настоящее время институтами. Однако снятие ограничений — недостаточно используемая мера. В настоящее время ограничения чаще всего вводятся. Например, в условиях ограничения ресурсов государство вводит меры, позволяющие сократить расходы бюджета и увеличить доходы. Часто они представляют собой ограничения для гражданина. Для легитимации подобных мер государство ссылается на опыт той или иной страны, где эти меры уже введены. Таким образом можно вводить ограничения неопределенно долго — пока не закончатся страны, в которых эти специфические для них ограничения присутствуют. Однако по этой тропинке можно идти и в противоположном направлении.

У отдельных стран есть не только специфические для них ограничения, но и специфические разрешения на ту или иную деятельность. При этом в других странах этих разрешений может не быть, и, более того, этот вид деятельности может находиться под запретом. Если разрешать специфические виды деятельности, то можно получить новые практики и, следовательно, новый продукт на свободном от конкуренции рынке.

Это касается биотехнологий, торговли и т.д. В условиях конфликта с другими странами подобное снятие ограничений со ссылкой на общества, где это ограничение отсутствует, не окажет заметного негативного влияния на межгосударственные отношения, но может быть одним из драйверов развития. При этом снятие ограничений — это игра на поле «свободы» западной культуры, поэтому поиск и снятие ограничений потенциально являются эффективными инструментами и идеологической работы.

*Н. К. Муратова,
к.э.н., доцент кафедры экономики,
экономический факультет
МГУ им. М. В. Ломоносова,
г. Москва*

Цифровая экономика и безопасность хозяйствующих субъектов

В настоящее время цифровая экономика является основным условием мотивации каждого субъекта хозяйствования, направленным на обеспечение его устойчивого и ускоренного развития. Она помогает согласованию интересов в реальном времени между государством, предприятиями и личностью за счет внедрения новых технологий персонализированного производства, повышения производительности труда, с одновременным сокращением потребления всех видов ресурсов.

В процессе усиления конкурентной борьбы на разных уровнях хозяйствования становится необходимым внедрение цифровых технологий, призванных решить следующие проблемы: усилить конкурентные преимущества, снизить издержки, улучшить качество продукции и жизни, своевременно предоставлять информационные услуги, эффективно управлять производственными процессами, избегать конфликтных ситуаций, обеспечивать должную безопасность в принятии хозяйственных решений.

Экономическая безопасность направлена на обеспечение хозяйствующих субъектов собственными материальными, финансовыми, информационными и др. ресурсами, способствующими созданию благоприятных условий для их развития и повышения уровня конкурентоспособности, а также на защищенность жизненно важных интересов личности, предприятия и государства в экономической сфере от внутренних и внешних угроз.

Уровень безопасности хозяйствующих субъектов определяется достаточностью финансово-экономического обеспечения, требуя при этом оптимизации усилий по критерию “затраты/эффективность”.

Для решения проблемы безопасности хозяйствующих субъектов важно обеспечить устойчивость совокупности качественных характеристик,

необходимых и достаточных для процесса их нормального воспроизведения и развития. Отсюда для учета своеобразия субъекта, поддержки его качественной устойчивости важно соблюдать границы применения цифровых технологий, определяя социально допустимые варианты с учетом ранжирования целей.

Тем не менее существует опасность применения цифровых технологий там, где качественные характеристики экономических и других общественных процессов несводимы к количественным. О вопросах оптимального распределения ресурсов отечественные экономисты говорили еще в прошлом веке (В. В. Новожилов, Ленинская премия, 1965, Л. В. Канторович, Нобелевская премия, 1975). В результате были определены границы социальной допустимости оптимизации процессов социально-экономического развития.

Цифровая экономика оказывает противоречивое влияние на безопасность государства, предприятия личности. Так, на уровне государства существует противоречие между глобальным характером рынка и национальным уровнем его регулирования. Достаточность финансовых ресурсов для обеспечения требуемого уровня обороноспособности страны за счет совершенствования и развития вооруженных сил требует увеличения расходной части бюджета. При этом должна увеличиваться и доходная часть, связанная с улучшением социальных условий для жизнедеятельности субъектов хозяйствования (физических и юридических лиц) в экономической сфере и защищенностью их интересов. Существует проблема в увеличении внешней задолженности страны при сокращении внутреннего потребления.

На уровне предприятия в условиях цифровой экономики существуют противоречия между общими действиями в единых финансовых и информационных коммуникациях и обострением конкуренции за ресурсы, рынки сбыта, потребителей.

Цифровая экономика оказывает сильное влияние на безопасность личности, требуя от нее психологической и физической устойчивости, а также способности быстро адаптироваться к меняющимся условиям. Новые стандарты рациональности, т.е. эффективности, предъявляемые к индивиду, связывают его умения, навыки и знания со способностью к поиску, обработке и продуцированию информации. Информационный капитал формирует свое собственное пространство предпринимательской деятельности, не только обслуживая существующую реальную и эффективную экономику, но и осуществляет производство собственного информационного продукта (действительного и мнимого) ради удовлетворения своих эгоистических интересов.

Расширяя поле своей деятельности, а для информационного капитала оно очень емкое и эластичное: сектора реальной и фиктивной экономики, индивидуальные потребности во всех видах информации, государственное информационное обслуживание, данный капитал имеет возможность

безгранично формировать платежеспособный спрос на свои услуги и тем самым обеспечивать собственное финансовое благополучие.

Внедрение новых технологий приводит к снижению роли человека и его значительному вытеснению как трудового ресурса. В первую очередь это коснется сфер с постоянным повторением алгоритма действий. В качестве примера можно привести сферу туризма, когда для лучшего оформления всех необходимых документов, обеспечения билетами, размещения в гостиницах, предоставления экскурсий и развлечений, оперативного информирования клиентов об акциях и скидках и т.д. будет использоваться искусственный интеллект [1].

Поэтому в ближайшее время будут востребованы специалисты творческого труда, чей профессиональный уровень подкрепляется воображением, интуицией, эмоциями, и которых трудно будет заменить роботами. Это относится к областям биологии, информатики, лингвистики, математике, психологии, робототехнике. Новый толчок получит развитие фриланс-сервиса. Все это позволит обеспечить максимальный эффект при решении различных вопросов с минимальными затратами.

Н. П. Недзвецкая

*к.э.н., экономический факультет,
МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, Москва*

Цифровая стадия мирового научно-технического прогресса и сопутствующие ей риски

Четвертая промышленная революция, получившая в западной научно-технической литературе титул «Индустрия 4.0», характеризуется глобальным внедрением CPS — киберфизических систем во все сферы жизнедеятельности людей. Распространение и внедрение CPS — самая перспективная задача крупнейших индустриальных держав в наши дни. В России реализация этого проекта также должна быть первоочередной мерой реформации хозяйственной стратегии с целью сохранения конкурентных позиций на мировой арене и построения совершенно новой цифровой экономики.

В последние годы наблюдается сосредоточение супермасштабной компьютерной информации и высокоэффективных технологических ресурсов у ограниченного количества собственников, что, соответственно, приводит к определенной дискриминации компаний на рынке и осуществлению рискованных операций для пользователей. Естественно, возникают закономерные вопросы доверия и ответственности к таким крупным компаниям и социальным сетям, как Alibaba, Tencent, Amazon, Microsoft, Facebook, в деле сбора, хранения и использования информационных баз данных.

Неконтролируемое развитие информационных технологий в определенной степени может быть опасным, поскольку провоцирует формирование общества тотальных рисков. Цифронизация частной жизни, массовая безработица, хищение информационно-компьютерных баз данных, ослабление демократических устоев общества, тотальный контроль населения, миграционный хаос — таковы возможные последствия дигитальной стадии научно-технического прогресса в современном мире, о которых обеспокоенно говорят отечественные и западные аналитики.

В последние годы земная цивилизация все чаще сталкивается с опасностью кибератак, которые способствуют возрастанию рисков информационной нестабильности. В связи с этим во всех высокоразвитых странах наблюдается усиление системы кибербезопасности и совершенствование методов защиты национальных электронных систем, электронных подписи, финансово-банковской информации и персональных данных. Особенную опасность представляют кибератаки, направленные на целые сектора национальной экономики, например, энергетический, банковский или транспортный.

Мировое распространение Интернета и активное расширение компьютерных сетей создают условия для реального дистанционного манипулирования умами миллионов людей и производственными процессами. Это, в свою очередь, может привести к изменению национального общественного климата и вызвать непредсказуемые последствия.

Мир стоит на пороге создания искусственного интеллекта. Уже в наши дни существует опасность изменения самой природы человека, когда проводятся исследования относительно трансформации ДНК человека в цифровой формат. Закономерным результатом подобной работы ожидается искусственное конструирование человеческого организма. Подобные новаторские достижения, безусловно, откроют новые горизонты для развития медицины и сопряженных с ней областей, а страна-первооткрыватель искусственного интеллекта, несомненно, станет мировым лидером в научно-технической сфере.

Учитывая жесткую международную конкуренцию в наукоемких отраслях, в России назрела необходимость проведения срочных структурных преобразований и создание собственной исключительной бизнес-модели. Первостепенная задача развития российской цифровой экономики предполагает изменение классических рыночных правил и построение новой высокотехнологичной системы, стимулирующей инновационные процессы и обеспечивающей информационную и технологическую безопасность. Эти меры должны быть реализованы во всех хозяйственных сферах. Опасно оказаться на периферии цифровой стадии научно-технического прогресса, поскольку это приведет к унизительной зависимости от передовых стран-лидеров.

С. М. Никоноров
д.э.н., профессор
кафедры экономики природопользования
экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, Москва

Эколого-экономические подходы к оценке устойчивого развития регионов и провинций Арктической зоны (Скандинавские страны и Россия)¹

На современном этапе освоение Арктики является одним из ключевых приоритетов развития России. Чрезвычайно богатый ресурсами, имеющий большое транзитное и военное значение арктический регион рассматривается как важнейший драйвер расширения экономических и геополитических позиций страны. Несмотря на это, российская Арктика во многом остается «вещью в себе» — на политическом уровне пока не достигнуто консенсуса ни в отношении административно-территориального статуса, ни вектора дальнейшего развития этой обширной территории.

В отличие от подавляющего большинства существующих рейтингов территорий и компаний, проект «Полярный индекс Баренц-региона» методологически основан на «концепции триединого итога»: устойчивое развитие характеризуется сбалансированной взаимосвязью его экономической, экологической и социальной составляющих. Визуально эту модель можно представить в виде треугольника — фигуры, в которой все вершины геометрически взаимозависимы. Манипулируя с одной вершиной треугольника, мы неизбежно оказываем влияние на две оставшиеся. Изменение одного фактора меняет всю систему целиком.

По треугольнику легко проследить, что составляющие устойчивого развития взаимно зависят друг от друга: 1) долгосрочное развитие экономики невозможно без бережного отношения к природным ресурсам; 2) необходимое для этого экологичное хозяйствование может себе позволить только мощная экономика с высоким уровнем технологий; 3) наконец, развитие как экономики, так и экологии требует постоянного роста уровня культуры людей, повышения их гуманитарного потенциала.

¹ В тезисах представлены результаты работы в рамках НИР «Рейтинг устойчивого развития регионов и компаний Баренцева Евро-Арктического региона — Полярный индекс Баренц-региона».

«Полярный индекс. Баренц-регионы» — первый специализированный рейтинг арктических субъектов Скандинавских стран и России. Рейтингом охвачено 13 регионов, входящих в состав Арктической зоны.

Триединый подход к построению Рейтинга региона был основан на следующих показателях: 1) социально-экономический индикатор — Индекс человеческого развития (4 показателя) HDI (методика ООН); 2) социально-экологический индикатор — Индекс человеческого счастья (4 показателя) HPI (модернизированный по методике проф. С. М. Никонорова, К. В. Папенова); 3) эколого-экономический индикатор — Индекс скорректированных эколого-экономических показателей ЕЕI (10 индикаторов) (доработанная методика проф. С. Н. Былева и др.).

По результатам расчетов сформирован следующий рейтинг регионов Арктической зоны Российской Федерации: 1) Норботтен (Швеция); 2) Вестерботтен (Швеция); 3) Мурманская область; 4) Республика Карелия; 5) Трумс (Норвегия); 6) Республика Коми (Россия); 7) Нурланд (Норвегия); 8) Финнмарк (Норвегия); 9) Архангельская область; 10) Оулу (Финляндия); 11) Каину (Финляндия); 12) Лапланд (Финляндия); 13) Ненецкий автономный округ (Россия).

В отличие от подавляющего большинства существующих рейтингов, проект «Полярный индекс Баренц-региона» методологически основан на «концепции триединого итога»: устойчивое развитие понимается как равномерный баланс его экономической, экологической и социальной составляющих, без «перекосов» в ту или иную сторону. В связи с этим критерии оценки регионов и компаний сгруппированы в три блока, отражающие эти ключевые измерения устойчивого развития. Таким образом, индексы, разрабатываемые в рамках проекта «Полярный индекс Баренц-региона», могут восполнить существующий пробел, дав интегральную оценку текущего состояния и потенциала устойчивого развития как арктических регионов, так и компаний, ведущих свою деятельность в Арктике. С одной стороны, достигается комплексный подход к оценке усилий по развитию Арктики. С другой стороны, мы пытаемся достигнуть нового качества жизни для ныне живущих и будущих поколений Арктической зоны. И социальные запросы от населения должны, по нашему мнению, трансформироваться в новую экономику (с элементами цифровизации, открытости и зелености) и в новые экологические требования и стандарты для бизнеса (где переход на наилучшие доступные технологии (НДТ) компаний в России является лишь первым этапом).

С. С. Нипа

к. с. - х. н.,

*экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, Москва*

Устойчивое лесопользование: технологические возможности и риски

Понятие устойчивого лесопользования в первую очередь включает приоритет социальных и экологических потребностей над текущими экономическими, что было определено в Общей декларации Конференции министров по охране лесов в Хельсинки (1995). Ведущие российские лесоводы еще в начале XX в. ставили цели и задачи устойчивого лесопользования. Однако данная проблема не потеряла своей актуальности и остроты и в настоящее время. Стремление к получению высоких прибылей от использования лесной продукции приводит в большинстве случаев к превалированию экономических интересов над экологическими.

Около 25% площади мировых лесов составляют малонарушенные лесные территории (МЛТ) и леса высокой природоохранной ценности. Но с каждым годом наблюдается сокращение площади этих лесов вследствие пожаров, рубок, разведки и добычи полезных ископаемых, а также развития городской и транспортной инфраструктуры. Лидерами по утрате площадей МЛТ являются Канада, Россия и Бразилия, а в России — Красноярский край, Архангельская и Иркутская области [1]. Восстановление утраченных первозданных лесных массивов практически невозможно.

Россия является крупнейшим экспортером круглого леса и изделий деревообработки. Несмотря на введение в 2008 г. высокого экспортного тарифа на круглый лес, вывоз его за границу продолжается, хотя и в меньших объемах, ежегодно увеличиваются объемы экспорта хвойных пиломатериалов и других изделий из древесины (около 80% продукции деревообрабатывающих предприятий идет на экспорт).

Анализ современных тенденций на мировом рынке энергоносителей выявляет высокий спрос на возобновляемые источники энергии, одним из которых является древесина и отходы деревообрабатывающих производств. В настоящее время в России большими темпами растет производство твердого биотоплива (пеллет), которое ориентировано почти полностью на внешний рынок. В частности, возникает опасность использования для производства пеллет не только отходов лесоперерабатывающего производства, но и крупной деловой древесины.

Несмотря на меры, осуществляемые в России, по созданию производственных мощностей глубокой переработки древесины, использованию отходов производства, объем вырубаемой древесины не уменьшается.

Сокращение площади лесов — проблема мирового уровня. Воспроизводство лесов требует особого внимания. Решение задачи поиска оптимального баланса между целями устойчивого лесопользования и ростом объемов извлечения современным обществом экосистемных услуг требует инициативы на государственном уровне.

Поиск кардинального решения задачи сохранения лесных территорий может вестись в разных направлениях: изобретения и широкого использования материалов-заменителей, производимых без использования древесины (композиты на основе полимеров, минерального и углеводородного сырья), внедрения современных технологий, избавляющих от использования естественно-природного сырья (бесбумажная информатика, атомная, солнечная энергетика).

Приоритетность принципа сохранения и воспроизводства лесов в России перед рациональным использованием лесных ресурсов отмечена в Федеральном законе (19.07.2018) «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования воспроизводства лесов и лесоразведения», который должен вступить в силу с 01.01.2019 [2]. Этот документ отражает такой аспект неистощительного лесопользования, как компенсационное лесовосстановление, направленное на комплексное сохранение российских лесов.

Действенным методом увеличения лесосырьевой базы является плантационное лесоразведение для целевого использования древесины. При этом следует учитывать опыт Скандинавских стран. Увлечение плантационным выращиванием лесных культур в этих странах привело к преобразованию лесов в однопорodные плантации, обеднению видового состава и ухудшению качества насаждений. В связи с этим в европейских странах переходят на ландшафтно-экологическое планирование, закладку смешанных лесных культур, выделение и сохранение биотопов, проведение рубок с максимальным сохранением лесной среды на вырубках.

В истории российского лесоводства накоплен богатый научный и практический опыт устойчивого лесопользования, имеются и современные научные разработки в части воспроизводства леса: эколого-ресурсосберегающие технологии, плантационное лесовосстановление и др.

Сохранение и приумножение лесных ресурсов и их полезностей требуют комплексного подхода, учитывающего исторический опыт лесного дела в России, современные научные разработки и зарубежный опыт ведения лесного хозяйства.

Литература

1. Карпачевский М., Аксенов Д., Есипова Е., Владимирова Н., Данилова И., Кобяков К., Журавлева И. Малонарушенные лесные территории России: современное состояние и утраты за последние 13 лет // Устойчивое лесопользование. 2015. № 2 (42). [Электронный ресурс]. URL: https://www.ru/upload/iblock/c21/01_3_.pdf (дата обращения: 01.11.2018).

2. Федеральный закон «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования воспроизводства лесов и лесоразведения». 19.07.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550679932> (дата обращения: 01.11.2018).

А. В. Пиковер
Старший научный сотрудник,
Центр социально-экономических исследований Китая,
Институт Дальнего Востока РАН
Россия, Москва

Новая реальность в условиях наступления киберпространства, или Человек сетевой как новый социальный субъект

Часто, говоря об экономике, путают экономику с материально-технической базой экономики. Из-за этого нет понимания того, что экономика — это строй отношений, формирующих как саму материально-техническую базу, так субъектов социально-экономических отношений, а также сами отношения между данными субъектами.

Как ни странно это может звучать, но понимание того, что отношения формируются конкретно-историческими субъектами отношений, можно найти у Ф. М. Достоевского и такого исследователя Достоевского, как М. М. Бахтин, раскрывшего полифоническую суть романов Достоевского. Резюмируя данный тезис, можно коротко сказать, что полифония конкретных социально-экономических отношений данного конкретного социума складывается из отношений конкретных акторов данных отношений. И в свою очередь данные конкретные отношения, формируя определенный социокультурный фон, формируют и конкретно-исторических акторов.

Специфика нынешней конкретной эпохи заключается в огромной мере в том, что, если по образному выражению проф. Н. В. Мотрошиловой раньше человек, в конечном счете, оценивал реальность по той картине, которую он видел за своим окном, то для поколения 25⁻ это окно давно уже заменил экран электронного гаджета. К сожалению, это недооценено и не до конца понято. Прежде всего, по причине того, что исследователи процесса информатизации или, если угодно, цифровизации социума относятся к поколениям 25⁺. Их социализация происходила не в киберпространстве, а в реальном пространстве социума. Для поколения же 25⁻ в значительной мере познание мира и социализация связаны с его существованием в виртуальной киберсреде, являющейся опосредованной картиной мира, трансформированной через глобальную и космополитичную по своей сути среду информационных сетей.

Данная среда не только формирует специфический социокультурный феномен — так называемого «человека сетевого» (*Homo Retiarius*), но и по мере активного вхождения человека сетевого в пространство социума как нового актора этих отношений экстраполирует миропонимание, мотивацию, культурные и нравственно-этические установки человека сетевого в пространство реального социума.

Насколько корректно говорить о радикальной смене парадигмы социально-экономического и культурно-исторического развития общества под влиянием цифровизации социокультурного и экономического пространства — это вопрос неоднозначный. Однако есть реальные основания для того, чтобы если не утверждать об однозначном тектоническом сдвиге в истории человечества, то, по крайней мере, однозначно ставить вопрос об этом сдвиге.

Информатизация резко уплотнила социокультурное пространство и содействовала небывалой глобализации экономических и социокультурных процессов. Она также является мощным фактором формирования новых трендов в управлении и манипулировании массовым сознанием.

Меняются модели формирования и управления финансовыми и товарными потоками. Попытки встроить традиционную экономику в этот процесс методов «прикручивания» Интернета к традиционной экономике потерпели сокрушительный крах. С другой стороны, активные субъекты информатизации успешно развивают новые и альтернативные модели в виде открытых платформ, мобильных платежей, сервисов типа O2O (онлайн ту оффлайн) и т. п... Учитывая стремительное развитие мобильности информационного пространства, это на глазах изменяет мир. Например, по данным «42-го статистического доклада о развитии Интернета в Китае» на 30.06.2018 из 802 млн зарегистрированных в континентальном Китае пользователей Интернета 788 млн или 98,3%, входили в сеть при помощи мобильных телефонов.

Задача настоящего исследования — обозначить ряд ведущих трендов в информатизации общества и те риски и вызовы, которые она в себе несет, поскольку этот процесс позволяет объективно достигать небывалой концентрации власти и невиданных масштабов манипулирования.

Литература

1. Karl Marx. Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Einleitung [Электронный ресурс]. URL: http://www.mlwerke.de/me/me01/me01_378.htm (дата обращения: 29.10.2018).
2. 42-й статистический доклад о развитии Интернета в Китае. [Центр интернет-информации Китая]. URL: http://www.cnnic.net.cn/guym/xwzx/rdxw/20172017_7047/201808/P020180820603445431468.pdf (дата обращения: 29.10.2018).

Е. А. Починкова

к.э.н., доцент,

Государственный морской университет

им. адмирала Ф. Ф. Ушакова

Россия, Новороссийск

Развитие техники и технологий как фактор эволюции человека

Развитие техники и технологий неизбежно приводит к изменениям в хозяйстве, которые вызывают изменения в организации жизни, общественном и личном сознании.

Бытие можно условно разделить на бытие природное; бытие, созданное человеком, и бытие духовное (мир идей). Технологический прогресс оказал влияние на каждом уровне.

В результате хозяйственной деятельности человек повлиял на функционирование существующих экосистем. Изменившись, экосистемы стали вести себя иначе, чем ранее. Человечество теперь вынуждено приспосабливаться к новым и непредсказуемым явлениям природы. С другой стороны, существует точка зрения, что техногенное влияние на изменение климата не столь значительно, а скорее имеют место природные процессы, которые нам не известны. В любом случае смена технологий неизбежна. И связано это не только с экологической проблемой, но и с технологическим прогрессом. Следует понимать, что смена технологий приведет к потерям для одних участников и выгодой для других. И это в любом случае фактор экономического роста.

Другим объектом технического прогресса стал сам человек. Эта область вызывает самые жаркие споры. С одной стороны, человек всегда стремился к самосовершенствованию. Да и логика естественного отбора работает в этом направлении. Но нерешенным остается вопрос: те усовершенствования, которые делает человек, противоречат природе или нет? С другой стороны, технический прогресс всегда имеет целью облегчить жизнь людей, но одновременно это наносит человеку вред. Возможно, это лишь вопрос взаимоотношения самого человека с технологиями. Этот процесс нельзя остановить или запретить. Здесь два фактора развития. Один — это бизнес. Другой — спрос со стороны живущих людей. Все это меняет представление человека о себе, своем отношении с природой.

Развитие производства и потребления привело к смене стратегии воспроизводства в обществе. От стратегии большого числа потомства в большинстве обществ перешли к стратегии ограниченного числа по-

томства, но со значительным вкладом в воспитание каждого. Поскольку это общественное явление, которое ведет к демографическому спаду, в обществе ведется дискуссия о причинах этого явления: лежат ли они в экономической плоскости или в плоскости общественного сознания.

Развитие техники изменило характер производства. Оно стало массовым и глобальным. Но одновременно в обществе возник запрос на индивидуальный подход. И сегодня развитие и внедрение технологий движется в этом направлении. Это неизбежно приведет к изменениям в отношении между человеком и производством.

Рост масштабов производства породил проблему эффективности тех способов хозяйствования, которые применялись ранее. И связано это в первую очередь с человеком. Установление ценовых пропорций происходит через взаимодействие участников рынка. И сегодня мы можем наблюдать, как этот механизм становится все менее совершенен. Когнитивные способности развиваются медленнее, чем растет объем производства. Здесь эффективного способа еще не найдено.

Все вышесказанное тесно переплетается с изменениями в духовном бытии человека. Первое — это вопрос доверия в обществе. В локальных обществах доверие обеспечивалось личными контактами. С переходом к индустриальному обществу доверие стало обеспечиваться через систему законов и силу института государства. Но сегодня произошел кризис доверия к государству. С одной стороны, государство перестает быть гарантом справедливости. Наблюдается активная попытка найти другие способы поддержания доверия, без которых невозможно функционирование современной экономики. Это, например, технология блокчейн.

Кризис доверия в обществе при одновременном развитии технологий породил новое явление — атомизацию, добровольную изоляцию от общества, а это неизбежно приведет и к изменениям в хозяйстве и в обществе. Все это связано в первую очередь с развитием цифровых технологий и Интернета.

Цифровые технологии породили еще одно явление — виртуальную реальность. И не просто как технологию в индустрии развлечений, а как часть мировоззрения. Виртуальная реальность воспринимается человеком как объективная, но при этом она всегда либо сильно приукрашена, либо сильно ухудшена. Человек теперь не знает, что реально, а что выдумано. Бытие для него — это то, что в его сознании. А попадает оно в его сознание из виртуальной контролируемой реальности. На этом фоне искусственный интеллект — уже и не такая большая проблема.

Выходит, следует принять, что изменение техники приведет к изменению бытия. Как реального, так и того, что в нашем сознании.

И. И. Рудяк
соискатель степени к.ф.н.,
независимый исследователь,
Россия, Москва

От эстетической гармонизации пейзажа в живописи к эколого-экономической гармонизации сельскохозяйственного угодья в реальности

Введение. От переворота в бытии к трансформации хозяйства: территориальная гармонизация государства. Начало XXI в. ознаменовалось целой серией переворотов в бытии (нанотехнологии, биологические открытия, виртуализация жизни, искусственный интеллект, роботы, беспилотники, башни aeropоники), неимоверное количество которых грозит перерасти в новое антропологическое качество. При этом главными ценностями сегодня являются государственные территории и природные ресурсы. Поэтому сегодня, занимаясь хозяйством, следует обратить пристальное внимание именно на «территориальную гармонизацию» государства. А это значит, что уже пора отказаться от привычных «изначальных структур» (капитализм или социализм), заранее задающих незыблемую основу текущему вектору трансформации хозяйства. На самом деле в каждом конкретном случае следует путем интеллектуальных усилий подобрать наиболее подходящий к случаю способ делового функционирования.

1. Визуализация как эстетический переворот в бытии: мир как языки и мир как ячейки. Л. Витгенштейн полагает, что человек познает мир, переводя свои представления о реальном мире в язык как временную последовательность знаков. Сегодня визуализация является показателем глобального эстетического переворота в бытии, т.е. ментальный мир, сконструированный на основе диалектического языка (повествование), уступает место ментальному миру на основе метафизического изображения (картинка). При этом у Платона (Лурия о «слове матери») речь идет именно о «форме предмета» (стол, чаша), а у нас сегодня речь идет именно о «форме пространства» («метафизический пейзаж»). Древние греки еще «пейзажа» не знали (они пока еще «первичные понятия» вычленили), поэтому и мир воспринимали как «натюрморт» («чаша на столе»), а мы сегодня (как монтажеры вычленивших понятий) воспринимаем мир эстетизированными ментальными «формами пространства» («пространственные ячейки» как «слова языка» визуального метафизического мира), впадая при этом в «ментальные состояния». Поэтому и существует пейзаж («эстетическая ячейка») как жанр («Золотая осень», Левитан; «Березовая роща», Куинджи; «Утро в сосновом лесу», Шишкин; «Грачи прилетели», Саврасов; «Московский дворик», Полenov).

2. *Математическое замощение плоскости: идентичные сети постмодерна и неидентичные сети ячеек.* «Идентичные сети» постмодерна предполагают, что все закусовые данной компании являются абсолютно одинаковыми. А «неидентичные сети» эстетических ячеек (музей) предполагают, что все пейзажи по форме разные. Человек воспринимает реальный мир (математическая проблема полного замощения плоскости многоугольниками) как систему (неидентичные сети) непохожих друг на друга пространственных ячеек (метафизических пейзажей), вызывающих разные «по вкусу» ментальные состояния. В искусстве неидентичные сети встречаются также и на уровне структуры произведения. Так Немирович-Данченко пишет, что Станиславский создал сценические связи между актерами. А в наше время Килиан создал неидентичные сети связей между танцовщиками.

3. *Трансформация хозяйства: от пейзажа в живописи к гармонизированному сельскохозяйственному угодию.* Созданная эволюцией природная экологическая система представляет собою экологическую ячейку как единицу гармоничной биосферы Земли. Так история живописи является гармоничной системой зафиксированных на полотнах эстетических ячеек. А «сельскохозяйственная ячейка» является не только результатом применения природоподобных технологий хозяйствования, но также и результатом «эманационного наложения» (в процессе хозяйственной деятельности) гармонизированного художником пейзажа («пейзажеподобные технологии») на его конкретную природную ячейку («эстетическая экономика»). Более того, сельскохозяйственная ячейка является суперпозицией ее эстетического пейзажа и ее изначальной природной экосистемы. Такова «экономическая гармонизация» конкретного «сельскохозяйственного угодия» в качестве «единицы государственной территории» как системы «экономических ячеек».

Заключение. В современных условиях (как это бывает во время революции) «надстройка» может выступать (обратная связь) в качестве модели («политэкономическая инверсия») для создания «базиса» Маркса, т.е. искусство (как система эстетических пространственных ячеек) может приобрести новые функции. Так пейзаж в живописи есть эстетически гармонизированное изображение биологически гармонизированной экосистемы. А «антропологическая нива» есть дегармонизирующе преобразованная человеком (монокультура, инсектициды) биологически гармонизированная экосистема (Арал, хрущевская целина). Поэтому задача современных хозяйственников состоит в гармонизировании сельскохозяйственного угодия путем формального наложения пейзажа на его подхозяйственную экосистему ради превращения его в сельскохозяйственную ячейку.

О. Е. Рязанова
д.э.н., доцент, зав. кафедрой Экономической теории
МГИМО МИД России,
ФГАОУ ВО Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(МГИМО)
Россия, Москва

Нужна ли национальная криптовизация экономики

2017 г. в России прошел под лозунгами повсеместной цифровизации экономики, внедрения блокчейн-технологий, идеи выпуска национальной криптовалюты. За последние пару лет позиция российских регуляторов и законодателей по отношению к криптовалюте менялась от применения уголовной ответственности за операции с биткойнами до возможности выпуска крипторубля. Регуляторы некоторых стран пытаются регулировать выпуск и обращение криптовалюты (Германия, Испания, Китай, Норвегия, Польша, Австралия) и даже создать свои национальные. Вообще запрещают их обращение Литва и Эквадор. Только Япония и Швеция признали криптовалюту законным средством платежа.

Весной 2018 г. Госдума РФ приняла единогласно три законопроекта в первом чтении («О цифровых правах», «О цифровых финансовых активах», «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ (краудфандинге)»). Однако эти проектные документы «сырые», не доработанные, имеют множество «белых пятен». Потребуется написание уточняющих законов и в этой связи загромождение законодательства.

Во-первых, в законопроекте «О цифровых правах» нет определения «криптовалюты», но есть — «цифровой актив», «цифровые деньги», «цифровые права», которые определяются расплывчато. Применяемая терминология не совпадает с международными стандартами (классификацией ФАТФ). Законодатель сравнивает криптовалюту с обычной валютой и средством платежа, но в то же время криптовалюта не является законным средством платежа. Токены сравниваются с ценными бумагами. Не понятна спецификация цифрового права, т.е. как осуществляются ограничение, отчуждение цифрового права со счета, в каком случае сделку можно признать недействительной. Такая аналогия в регулировании криптоотношений не может работать оптимально.

Во-вторых, идеология законопроекта «О цифровых правах» идет вразрез с идеологией законопроекта «О цифровых финансовых активах». Назначение криптовалюты сводится к ее децентрализации. Поставить под контроль ее эмиссию, использование в расчетах и инвестиционных операциях, создание операторов обмена финансовых активов, валида-

торов, введение цифровых кошельков вводится как попытка контроля за криптовалютами и блокчейном.

Новый вид договора — смарт-контракт непонятно как может соотноситься с уже установленными в Гражданском кодексе видами договоров. Смарт-контракт — это не новый вид договора, а только удобный инструмент реализации обязательств по договору. Законопроект накладывает жесткие ограничения на обмен цифровых активов на рубли и другие валюты. Возможность обмена можно реализовать только через профессионального участника рынка ценных бумаг, зарегистрированный на территории России, и обмен их на иностранной бирже невозможен, а это противоречит публичным интересам инвесторов.

Майнинг признается предпринимательской деятельностью и к нему должны применяться нормы о предпринимательской деятельности.

В-третьих, законопроект «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ (краудфандинге)» лишь косвенно касается размещения криптовалют и направлен на регулирование инвестирования средств на инвестиционных платформах посредством токенов. Создается впечатление, что законодатель ставит своей целью максимально централизовать процесс развития криптоэкономики, а сама криптоэкономика — это только проведение ICO. ICO объясняется как профессиональный участник рынка ценных бумаг, проследит за тем, как вы распоряжаетесь криптовалютами, и предоставит вам безальтернативную возможность продать криптовалюты на рубли. Практика ICO в развитых странах показала, например, ESMA считает ICO высокорискованным и спекулятивным инструментом, так как большинство ICO не регулируются законодательством, информация, предоставляемая инвесторам, никем не контролируется, в ней говорится только о сомнительных преимуществах и ничего не упоминается о рисках, связанных с криптовалютами [2]. ICO популярны у киберпреступников, которые таким образом отмывают деньги. По данным Лаборатории Касперского, в третьем квартале 2017 г. DDos-атаки (distributed Denial of Service) затронули 98 стран (на Китай пришлось 63,3%, на США — 12,98%, а на Южную Корею — 8,7% всех атак). В сентябре 2017 г. в Китае и Южной Корее ICO запретили [3], а в США подан первый коллективный иск против организаторов одного из крупнейших ICO в истории [1].

Складывается впечатление, что к цифровой экономике Россия не готова и применяет старые методы ограничений и запретов. Законы создаются, чтобы регулировать общественные отношения и создавать правовое поле для эффективного функционирования рынка. В нашем случае три вышеуказанных законопроекта являются абсолютно нежизнеспособными и не способствуют созданию благоприятного инвестиционного климата и регуляции в России. Понятно, что спешка наших законодателей с принятием сырых законов связана с ужесточением санкционных требований с целью обхода санкций, но хотелось, чтобы не получилось так: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Литература

1. *Оверченко М.* ICO попало в суд //Ведомости.— 2017.— 09 ноября
2. *Холявко А.* Европа против ICO //Ведомости.— 2017.— 14 ноября
3. *Холявко А.* Киберпреступники достали запросами // Ведомости.— 2017.— 09 ноября

А. В. Сигарев

к.э.н., доцент

*Департамента общественных финансов,
Финансовый университет при Правительстве РФ;
доцент кафедры экономической теории
РЭУ им. Г. В. Плеханова
Россия, Москва*

Рынок С2С в условиях развития цифровых технологий

Цифровые технологии стремительно меняют привычные формы и методы ведения хозяйственной жизни. Изменениям подвергаются не только хозяйственные процессы на уровне отдельных компаний, но и на уровне отраслей, государства. Для частного предпринимательства эффект от массового применения цифровых технологий выражается в трансформации бизнес-моделей, характере ведения бизнеса, его управляемости и гибкости.

Интернет увеличивает возможности развития рынка С2С (купля-продажа между домохозяйствами). Все больше людей осознает, что зачастую приобретение или продажа товаров, которые уже использовались, — это разумное решение как с точки зрения экономии, так и влияния на экологию. Торговля между частными лицами уже плотно вошла в жизнь многих россиян, и ожидается, что с каждым годом ее масштабы будут расти. Сейчас С2С-сектор составляет примерно треть от онлайн-торговли. Так, согласно оценкам Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), в 2017 г. на российском рынке было 8 млн продавцов и 10 млн покупателей, которые совершили более 90 млн сделок почти на 300 млрд руб. К примеру, на Avito (сайт — доска для размещения объявлений о купле-продаже) совершается более 5 млн продаж в месяц или 70% С2С-сделок в Интернете [1].

«В С2С интернет-продажи вовлечено около 20% интернет-пользователей — в роли продавцов или покупателей. Лишь небольшая часть продавцов в С2С занимается торговлей профессионально и считает продажи основным источником своего заработка» [2]. По сути, речь в основном идет о вторичном рынке товаров, т.е. продаже бывших в употреблении вещей, а также новых вещей, не подошедших продавцу по каким-либо причинам. Хотя бы одну покупку у частного лица или продажу частно-

му лицу в онлайн за полгода совершили 16% интернет-пользователей (12,2 млн человек в возрасте от 18 до 65 лет). Продавцов чуть меньше, чем покупателей (6,6 млн против 8,3 млн человек соответственно). Россияне на сайтах объявлений чаще всего покупают и продают компьютерную технику (42%), а также одежду (37%); реже всего — крупную бытовую технику (8%) и спортивное снаряжение (13%).

Зачастую участники сделок используют мобильные приложения банков для перечисления денежных средств. Например, с помощью использования системы Сбербанк-онлайн в 2017 г. было переведено около 1 трлн руб. регулярных перечислений между различными счетами, принадлежащими физическим лицам. Весьма вероятно, что определенная доля этих транзакций может быть связана с коммерческой активностью.

В 2017 г. на 77% увеличилась доля российских операций из категории «прочее» (большую часть составляют переводы с карты на карту). Примерно треть данных платежей прошла через Сбербанк. Данные средства частично шли на обслуживание «неформального сектора» (экономическая деятельность, не учитываемая официальной статистикой). В настоящее время коммерческие банки стали более пристально следить за переводами между физическими лицами.

Таким образом, рынок С2С рождает угрозу для национальной экономики — данные сделки являются неофициальными, и с них не взимаются налоги. Вопрос о регулировании данного рынка является актуальным и требует научного осмысления.

Литература

1. Исследование РАЭК. [Электронный ресурс]. URL: <http://raec.ru/live/raec-news/10192/> (дата обращения: 21.09.2018).
2. Сбербанк сочли убежищем теневой экономики России. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2018/03/30/economy/> (дата обращения: 15.09.2018).

Д. П. Соколов

к.э.н., старший преподаватель

Департамента экономической теории

Финансового университета при Правительстве РФ

Россия, Москва

Отчуждение человека в «цифровой» экономике

Мировой экономический кризис 2008 г. наглядно показал всю иллюзорность незыблемости капиталистической системы — так же как Великая Депрессия в свое время свидетельствовала о конце эпохи саморегулиру-

емых рынков. Последние десять лет социохозяйственной жизни мирового сообщества указывают на то, что генезис нового технологического уклада, включающего в себя так называемую «Цифровую революцию», происходит в условиях, принципиально отличных от распространения паровых машин, двигателей внутреннего сгорания, электронно-вычислительных устройств. Предшествующие пять технологических укладов были своеобразным инвестиционным дыханием капиталистической системы. Сегодня же пределы для дальнейшего расширения капитализма оказываются практически исчерпанными, и новые технологии служат не расширению капиталистической зоны, но средством трансформации ее хозяйственного механизма. Капитал как ключевое общественное отношение никоим образом не исчезает, становясь логикой применения новых технологий.

Общественное отношение капитала зиждется на частной собственности, на собственнике рабочей силы, отчужденном от средств производства. Развитие капиталистической системы сочетало территориальную экспансию с углублением отчуждения человека, обращая в товар все новые и новые стороны его бытия: образование, здравоохранение, отношения семьи, религии, дружбы, любви. В то же время человек отчуждается от общества, становясь обособленным индивидом; от культуры, становясь жертвой массовой псевдокультуры; от самого себя, что ведет к формированию личности, не сознающей себя. Все эти последствия капиталистического накопления замечательно видны в Российской Федерации: на что у старых капиталистических стран уходило более века, в России было пройдено за два десятилетия.

В контексте «цифровой» революции необходимо указать на то, что человек под воздействием капиталистических отношений оказался отчужденным и от науки и техники — эта сила стала для него не средством, но целью, и тем противостоит ему. Человек развивает технологии — в том числе и цифровые — не ради удовлетворения своих потребностей. Его потребности также отчуждены от него, их агрегатором и выразителем выступает капитал. К тому же капитал зачастую создает мнимые потребности, которые успешно удовлетворяются мнимым товаром, реальным же в таких отношениях выступает труд, затраченный человеком ради получения используемого дохода.

Внедрение передовых «цифровых» технологий в общественную жизнь человека приводит к упрочению отчуждения человека от человека, общества и самого себя, но субъект присвоения здесь становится двойственным. Человеку в отношениях присвоения и отчуждения противостоят и собственники капитала, и само информационное пространство, представленное массивами данных и самообучающимся искусственным интеллектом. В таких условиях субъектом общественного взаимодействия становится уже не сам человек, но его «цифровой» образ — набор числовых показате-

телей эффективности. Тотальный информационный контроль за деятельностью человека — трудовой, общественной, сугубо частной — приводит к максимизации исполнения человеком роли функции капитала. Прогрессивное развитие общества вследствие новой «цифровой» революции возможно только при условии развития человека как цели, а не как средства повышения эффективности общественного воспроизводства, во главе которого стоят отношения частного накопления капитала.

С. В. Соловьева

*к.э.н., ведущий научный сотрудник,
Экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, Москва*

К вопросу об инновационной трансформации в целях устойчивого развития

Организацией Объединенных Наций принята «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в которой сформулированы 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), дополненных 169 задачами для их реализации и 232 глобальными согласованными индикаторами для контроля и мониторинга реализации целей и задач [3]. Все страны мира, и развитые, и развивающиеся, приняли обязательства выполнять поставленные Цели путем адаптации ЦУР к действующим национальным стратегиям и планам, а также адаптировать национальные стратегии и планы к «Повестке 2030». Технологические и инновационные изменения могут выступить в качестве ключевого инструмента реализации Целей устойчивого развития ООН, обеспечивая рост производительности, эффективности и расширяя возможности.

Целый ряд стратегических документов: Указ Президента Российской Федерации № 642 от 01.12.2016 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», Государственная программа «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы», проект Государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», рассчитанной на период до 2030 г. (далее — Проект ГП НТР), регламентируют научное, технологическое и инновационное развитие в нашей стране [1, 4, 5].

Одной из важных для России как в плане экологии, так и экономики является ЦУР 6 «Чистая вода и санитария», для осуществления которой технологии и инновации играют решающую роль. Во многих странах мира, в Средней Азии, в Юго-Западной Азии, в Северной Африке водный стресс превышает 60%. Хотя обеспеченность водными ресурсами российской экономики в общем высокая, но проблема водообеспеченности носит региональный характер. Поэтому Задача 4 Цели 6: «К 2030 году

существенно повысить эффективность водопользования во всех секторах — относится к ключевым для России.

Имеются новые технологии управления водными ресурсами для обеспечения качества воды и снижения потерь. Системы капельного орошения и интеллектуальные контроллеры орошения способствуют эффективному водопользованию в сельском хозяйстве. Управление водой может быть улучшено с помощью интернет-устройств, мобильных телефонов, датчиков, счетчиков.

В сфере водопользования в рамках ГП «Воспроизводство и использование природных ресурсов» реализуются подпрограмма 2 «Использование водных ресурсов» и федеральная целевая программа «Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012–2020 годах» [2].

Глобальные индикаторы ЦУР6 частично имеют аналоги в российской статистической системе. Индикатор 6.4.2 «Уровень нагрузки на водные ресурсы: забор пресной воды в процентном отношении к имеющимся запасам пресной воды» находится в процессе разработки Росстатом. Напротив, индикатор 6.4.1 «Динамика изменения эффективности водопользования» не обеспечен регулярной статистической информацией, хотя он весьма значим для управления водопользованием на отраслевом и региональном уровнях российской экономики.

В целом анализ Целей устойчивого развития ООН, задач и индикаторов показал возможность их адаптации к стратегическим документам, разработанным в России. Представляется важным согласовывать процесс адаптации ЦУР и разработку долгосрочных программ развития. Это прежде всего относится к государственной программе «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», разработка которой совпадает по времени со встраиванием ЦУР в российский контекст. Это относится и к «Энергетической стратегии России на период до 2035 года», которая также разрабатывается в настоящее время.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 301 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие науки и технологий” на 2013–2020 годы».
2. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 322 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Воспроизводство и использование природных ресурсов”».
3. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН, 2015.
4. Проект государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации».
5. Указ Президента Российской Федерации № 642 от 01.12.2016 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

*А. И. Субетто,
д.э.н., д.ф.н., к.т.н., профессор,
РГПУ им. А. И. Герцена,
Россия, Санкт-Петербург*

Ноосферная Россия — императив эпохи великого эволюционного перелома

Россия как евразийская, с самыми большими энергостойкостью воспроизводства и хронотопом бытия, общинная (соборная) цивилизация есть центр устойчивости-неустойчивости мира и онтологический предиктор, определяющий вектор развития человечества.

Человечество на исходе XX в. вступило в первую фазу глобальной экологической катастрофы, «подписавшей» экологический приговор всей рыночно-капиталистической и колониально-империалистической системе мировой финансовой капиталократии, который может стать и приговором всему человечеству, если оно не освободится от объятий этого «исторического трупа» [1].

Наступила эпоха великого эволюционного перелома — эпоха смены стихийной истории новой — ноосферной — историей в виде управляемой социоприродной эволюции на базе ноосферного экологического духовного социализма, научно-образовательного общества и общественного интеллекта (или «управляющего коллективного разума» общества). Эта эпоха есть эпоха ноосферной социалистической революции, которая охватит весь XXI век.

Россия в XX в., первой совершив в 1917 г. социалистический прорыв человечества, а в 1961 г. на базе советского социализма — космический прорыв, в XXI в. призвана всей своей историей совершить первый ноосферный прорыв [1].

Для России в XXI в. действует исторический ноосферный императив, который сводится к формуле: Россия спасется, спасая весь мир от экологической гибели, на базе реализации ноосферного императива как императива выживаемости человечества. Под ноосферой понимается новое качество биосферы, в структуре которой коллективный разум человечества встраивается в гомеостатические механизмы биосферы и планеты Земля (как суперорганизмов) и начинает управлять социоприродной эволюцией, соблюдая требования законов-ограничений, отражающих действие этих механизмов. Данное определение ноосферы развивает определение ноосферы В. И. Вернадского с учетом императива выживаемости в эпоху великого эволюционного перелома [1].

«Мир игры», «мир рынка», «мир капитализма» закончился. Доминирование закона конкуренции сменяется доминированием закона кооперации. Закончилась автономность социальной истории человечества и его

хозяйства, когда природа выступала только «кладовой ресурсов и энергии». Наступили «роды действительного разума» и действительного человечества — как переход человеческого разума от качества эгоцентричного «разума-для-себя» к качеству ноосферно-эко-центричного «разума-для-биосферы, Земли, Космоса».

7. У России в XXI в. великая миссия — возглавить ноосферный прорыв человечества. Для этого у нее есть все, в том числе философия русского космизма, ноосферная научная школа, разработанная научно-мировоззренческая система ноосферизма как продукт развернувшейся вернадскианской революции в науке, культуре и в системе взглядов на законы эволюции и космическое призвание человечества.

Литература

1. *Субетто А. И.* Ноосферная Россия: стратегия прорыва (основы ноосферного россиеведения) / под ред. В. В. Лукоянова. СПб.: Изд-во «Астерион», 2018. 345 с.

Т. С. Сухина
научный сотрудник,
Экономический факультет,
МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, Москва

Перспективы российской деревни: экологические аспекты

Одной из наиболее значимых социально-экономических проблем современной России является выживание российской деревни.

В последние годы правительством предпринимаются меры, направленные на стабилизацию демографической ситуации в сельской местности, но они носят достаточно разрозненный характер и больше направлены на повышение эффективности, рост производительности сельскохозяйственного производства, чем на улучшение качества жизни людей, создание предпосылок для формирования нового, более современного и привлекательного уклада. Действующая стратегия устойчивого развития сельских территорий России [1] создана с явным индустриальным уклоном. Многие целевые показатели разрабатываются из принципов оптимизации, когда эффективность предлагаемой программы тем выше, чем меньшее количество населения проживает на рассматриваемой территории. В результате такой оптимизации закрываются школы, амбулатории, отдельные деревни отключаются от электросетей, все острее ощущается недостаточная обеспеченность жилищно-коммунальными благами. В итоге — обезлюдение деревни.

В странах, выбравших более социально-ориентированные модели, например во Франции, значительная поддержка оказывается мелким формам хозяйствования, что способствует и большему разнообразию сельскохозяйственной продукции, и созданию в разных сферах привлекательных рабочих мест, и улучшению экологической ситуации.

Наряду с миграцией из села в город в России, как и в других странах, наблюдается обратное движение — из города в село, вызванное во многом усталостью от жизни в городской среде, от слишком высокого темпа жизни, от плохой экологической обстановки, оказывающей разрушительное влияние на здоровье.

Опыт западных стран демонстрирует позитивное влияние обратной миграции на социально-экономическую ситуацию в сельских районах, так как в большинстве своем переселяются достаточно активные и квалифицированные люди, настроенные вкладывать свой капитал и реализовывать новые идеи, благодаря чему всесторонне развивается сфера услуг, улучшается социально-экономическая ситуация.

Среди факторов, оказывающих решающее значение при выборе сельского образа жизни, существенную роль играют не только желание жить в хороших экологических условиях, быть ближе к природе, но и возможность изменить жизненный уклад, получить большую независимость, автономность, найти свою нишу хозяйственной деятельности.

Развитие возобновляемой энергетики в сельских районах способствует повышению доступности и надежности энергоснабжения, созданию новых рабочих мест и соответственно дополнительных доходов местных бюджетов, сохранению рекреационной привлекательности ландшафтов, более полной утилизации бытовых и сельскохозяйственных отходов, повышению качества жизни населения.

В условиях, когда централизованное энергоснабжение становится невыгодным или слишком дорогим для удаленных поселений, автономная генерация альтернативной энергии имеет большие перспективы. Принятые в июле этого года поправки к закону «Об энергетике» наконец позволяют пользователям генераторов малой (до 15 кВт) мощности поставлять излишки выработанной энергии в сеть, а при необходимости брать ее из сети [2].

Опыт «новой» деревни показывает, что продуманная политика налогов и льгот, поддержка на региональном уровне бизнеса, связанного с альтернативной энергетикой (Белгородская область), наличие местной инициативы и готовности жителей к переменам (экопоселения Вологодской области, Архангельская область, хозяйства Алтайского края) способствуют развитию возобновляемой энергетики, несмотря на довольно высокую стоимость и сроки окупаемости оборудования.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 15.02.2015 № 151-р «Об утверждении стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года».
2. Федеральный закон от 29.07.2018 № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об электроэнергетике” по вопросам заключения двусторонних договоров купли-продажи электрической энергии».

Н. И. Усик
д.э.н., доцент
Россия, Санкт-Петербург

Трансформация хозяйства как воспроизводственная солидарность

Отождествление понятий хозяйства и экономики приводит к невозможности объяснить проблемы современного российского общества. Оперирование цифрами официальной статистики не способствует улучшению качества жизни основной массы населения страны. Превалирование экономических сфер деятельности над внеэкономическими не может являться целью развития общества. Поэтому возврат к хозяйству в смысле философии хозяйства является несомненно актуальным.

Процесс трансформации человеческой деятельности и окружающей среды связан с технологическими инновациями. Поскольку хозяйство включает все сферы человеческой деятельности, то процесс его трансформации также неизбежен. Сейчас идет процесс новой индустриализации и цифровизации экономики РФ. Экономические явления в либеральной трактовке рассматриваются с точки зрения восприятия потребителя и доходов бизнеса, а не сущности и форм их проявления.

Трансформация хозяйства в эпоху цифровизации и проектных решений (с целью контроля и регулирования) в масштабах страны не учитывает социально-экономические условия человеческой жизнедеятельности и персонала хозяйствующих субъектов. Необходимо пересматривать модель развития экономики и ее структурной перестройки как инновационного социально-экономического развития. Инвестиции в этой модели обеспечиваются государством, что выражается в возможности регулирования рыночной стихии. Проектный подход и проектное управление развития в ближайшее время будут реализовываться в 11 национальных проектах. С помощью проектного подхода в РФ планируется частичный переход к шестому технологическому укладу. Уровень развития стран

и качество жизни населения в международной и евразийской кооперации предполагает придерживаться принципа взаимовыгодного сотрудничества, иначе говоря, принципа воспроизводственной солидарности как сторонника воспроизводственного направления, основанного на стоимости, а не ценности для потребителя. Ценностный подход связан с тем, что в обществе качество жизни определенного уровня уже достигнуто. В настоящее время используются возможности глобальной трансформации, когда внедряемые инновационные технологии позволяют опережать конкурентов и обеспечивать конкурентоспособность компаний, получающих монопольные сверхдоходы во всем мире, независимо от мест локализации.

Цифровизация как трансформация хозяйства позволит создать более эффективную координацию и осуществлять государственное регулирование. Сходная картина деиндустриализации после ликвидации СССР в 1990-х гг. в странах-участниках евразийской интеграции показывает, что необходима новая индустриализация для восстановления промышленного производства на основах кооперации и воспроизводственной солидарности. Для реализации этой задачи прорабатываются двусторонние и многосторонние совместные проекты в отраслях и регионах, имеющих конкурентные преимущества или дающие возможность создания таких преимуществ. В результате повышается занятость населения, решаются проблемы повышения уровня жизни населения и социальной защищенности.

Воспроизводственная солидарность, сотрудничество подвергаются воздействию глобальных игроков в той или иной стране. Следовательно, необходимо продвигаться в направлении реализации национальных проектов как базовых условий не только политического, но и хозяйственного суверенитета Российской Федерации.

Г. В. Фадейчева

*к.э.н., доцент, начальник сектора
научно-исследовательских работ и проектов,
Университет Правительства Москвы
Россия, Москва*

Горизонты трансформации: цифровой тоталитаризм или общество развития?

XXI в. — время трансформационных изменений социоэкономического бытия. Становление нового технологического уклада ведет не только к изменению структуры народного хозяйства, но и к существенным изменениям в процессе формирования системы общественных потребностей.

Предстоит переосмыслить роль и границы материального производства. Наблюдается трансформация самой хозяйственной системы, постепенно изживаются отношения между людьми в процессе материального производства и выходят за пределы материального производства. Данной трансформации способствует процесс цифровизации, внедряющийся на всех уровнях хозяйственной деятельности во все жизненно важные направления развития социума.

Цифровизация охватывает:

- производственную сферу, развитие так называемых «умных производств», когда обеспечение ресурсами непосредственного производства идет с помощью соответствующего программного обеспечения, с его помощью далее осуществляется контроль за всеми стадиями производственного процесса и за складским хозяйством;
- сферу закупочной деятельности, в том числе — систему госзакупок;
- сферу образования, в том числе — электронный документооборот, различные дистанционные технологии, онлайн тестирование, вебинары и т.п.;
- сферу общественно-политической жизни, в том числе — обеспечение процесса голосования и подсчета голосов избирателей; проведение различных акций, например Международной просветительской акции «Большой этнографический диктант», общероссийской образовательной акции «Экономический диктант» и т.п.;
- сферу здравоохранения, в которой, с одной стороны, активно развивается электронный учет здоровья населения, а с другой стороны — система электронных консультаций пациентов;
- сферу обращения, например, управление логистическими центрами, обслуживание торговых сетей;
- финансовую сферу, в которой присутствуют как официальные цифровые технологии, так и еще не признанный законодательно во многих странах оборот криптовалют.

Цифровизация и развитие электронных сервисов активно внедряются как в практику государственного управления, так и в повседневную жизнь граждан. Причем идет вовлечение граждан в процессы управления и принятия решений по различным вопросам. Лидером в развитии сервисов для вовлечения граждан в управленческие процессы в нашей стране является город Москва. Наиболее известным московским порталом вовлечения граждан в вопросы управления городом является портал «Активный гражданин». По данным портала «Активный граж-

данин» количество зарегистрированных участников к октябрю 2018 г. составило 2166 803 человека. С момента создания портала прошло 3589 голосований по различным вопросам, по их итогам принято 108996 840 решений. На портале представлены текущие голосования, например, по таким важным вопросам, как выбор проектов в области сохранения и популяризации объектов культурного наследия столицы.

С новой цифровой средой ежедневно сталкиваются практически все экономические субъекты, от граждан, использующих различные электронные сервисы и банковские карты, до крупных корпораций и самого государственного сектора.

Всеобщая цифровизация позволяет обрабатывать огромный массив данных и осуществлять контроль над многими социоэкономическими процессами. Закономерно возникает вопрос о целях контроля и о его субъектах. Безусловно, важнейшей задачей, связанной с развитием цифровых технологий, является обеспечение информационной безопасности с целью недопущения утечки информации, особенно — за пределы страны.

Помимо возможных утечек информации всеобщая цифровизация таит в себе еще ряд существенных опасностей, главной из которых является возможность общественной трансформации в сторону цифрового тоталитаризма. Вариантов воплощения данного сценария множество, одним из губительных путей следует признать установление внешнего тотального контроля за Россией. Негативные возможности цифровизации могут проявиться и в таком воздействии на формирование системы общественных потребностей, когда ориентация будет смещена в сторону чрезмерного потребления, исключительно потребительской модели поведения за счет тотального контроля за потребителями и навязывания им псевдообщественных потребностей. Главной отличительной чертой цифрового тоталитаризма, на наш взгляд, следует признать направление системы общественных потребностей и самой социоэкономической жизни в русло самоуничтожения (или — самоуничтожения) российского социума, а если выразиться масштабнее — русского мира.

Альтернативный путь — путь развития — связан с подчинением цифровизации гуманистическому развитию индивида и общества. В этом случае цифровизация становится инструментом контроля степени удовлетворения общественных потребностей и индикатором для выработки стратегии развития и решения текущих задач. Для движения по пути становления общества развития требуется консолидация отечественных институтов гражданского общества и четкая постановка государством цели развития.

Т. Н. Юдина
д.э.н., доцент,
старший научный сотрудник,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, Москва

Информационно-цифровая экономика в контексте аналоговой

Сегодня наша эпоха и цивилизация называются информационными: в результате информационной революции середины 1970-х гг. информация превратилась в главный фактор производства; возникли феномены информатизации, компьютеризации, а позднее и интернетизации. Только за последние два года объем информации увеличился на 90%, и он растет по экспоненте. *Компьютеризация, информатизация, кибернетизация и цифровизация* породили так называемую *цифровую экономику* (ЦЭ), которую следует определять как *информационно-цифровую*, и (или) «технологономику» (термин Ю. М. Осипова) в эпоху технологических прорывов. Но цифровая экономика [3, 12] — это и «*подглядывающий капитализм*» [4]. Наблюдается и еще одна тенденция — *платформизация* [2, 22], которая разрушает вертикальную структуру производства.

Сама информация по сути — первоначально передаваемые людьми сведения посредством технических средств, сигналов; обмен ими между человеком и человеком, человеком и машиной, машиной и машиной. Информация стала главным понятием кибернетики. В настоящее время приоритет имеет *технологическая производственная информация (ТПИ)*, а не экономическая информация. ТПИ можно позиционировать как производную от фундаментальных научных знаний. Выстраивается определенная пирамида, в основе которой лежат данные как знаковый ресурс, в середине — информация, а в ее верхней части — научные знания.

Согласно концепции К. Шваба (из его книги «Технологии четвертой промышленной революции»), 12 групп новых технологий определяют содержание цифровой экономики. Среди этих групп следует назвать прежде всего машинное обучение: новый искусственный интеллект, большие данные, блокчейн, 3D-принтер, облачные и квантовые технологии и другие. «Лицо» цифровой экономики — *интеллектуальные и материальные информационные продукты*.

Из множества определений цифровой экономики автор представляет свое определение сквозь призму системы отношений в сфере производства как Индустрии 4.0, виртуального распределения, обмена на основе цифровых платформ [2, 22] и индивидуализированного потребления, связанного с воспроизводством информационно-цифровых товаров и услуг без прямого участия человека. В этой системе, согласно Швабу, происходит взаимодействие физических, цифровых и биологических доменов.

В мировом ВВП доля информационно-цифрового продукта цифровой экономики уже составляет примерно 10%. ЦЭ растет почти в девять раз быстрее, чем аналоговая экономика. Ее продуктами становятся не только «умные люди», «умные дома», «умные города», которых уже сегодня порядка 221, но и «умные страны» (smart country).

В РФ на цифровизацию из госбюджета выделяется около 1 трлн руб., до 2025 г. на реализацию программы «Цифровая экономика Российской Федерации» выделяется ориентировочно из бюджета 1,8 млрд долл. [1,2]. К 2024 г. планируется подготовить большую армию специалистов (порядка 120 тыс. в год). Согласно докладу Всемирного банка о развитии цифровой экономики, в 2016 г. наша страна заняла 28-е место в мире по индексу развития человеческого капитала [1, 6], 41-е место — по получению социальных и экономических выгод от цифровой трансформации, 61-е место — по воздействию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на эффективность государственного управления, 75-е место — по воздействию ИКТ на новые формы организации, 88-е место — по влиянию ИКТ на доступность базовых услуг [1, 12].

В мире цифровая трансформация экономики и общества идет полным ходом. Наблюдаются явления виртуализации хозяйственных процессов, наступление на аналоговую экономику, традиционные ценности, а главное — на человека, когда предполагается внедрение чипа в мозг человека, согласно «Технологиям четвертой промышленной революции» К. Шваба, превращение его в биоробота. Создается цифровая религия с цифровым богом, цифровая идеология — трансгуманизм.

Решая проблему ЦЭ, стратегически важно видеть ее зависимость прежде всего от традиционных ценностей, аналоговой экономики, одного из главных ее продуктов — электричества, природных явлений (например, солнечных затмений) и др.

Литература

1. Всемирный банк. 2018 год. Доклад о развитии цифровой экономики в России, сентябрь 2018 года. «Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации». Всемирный банк, Вашингтон, округ Колумбия. Лицензия: Creative Commons Attribution CC BY3.0 IGO. 144 с.
2. Осипов Ю. М., Юдина Т. Н., Гелисханов И. З. Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва // Экономические стратегии. 2018. № 5. С. 22–29.
3. Юдина Т. Н. «Подглядывающий капитализм» как «цифровая экономика» и/или «цифровое общество» // Теоретическая экономика. Электронный журнал. 2018. № 5. С. 12–17.
4. Zuboff S. Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization / S. Zuboff // Journal of Information Technology. 2015. № 30.

Раздел III

ГЕОСТРАТЕГИЯ: ХОДЫ И ВЫХОДЫ

А.Л. Андреев

*д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой,
Всероссийский государственный институт
кинематографии имени С.А. Герасимова,
Московский энергетический институт
Россия, Москва*

Русский мир в динамике: социальные представления и образы истории в сознании протоэлитных групп молодежи России и Белоруссии

Доклад опирается на результаты исследования «Молодежь в постсоветском пространстве: картины мира, ценностные установки, стратегии самореализации», эмпирической базой которого послужили социологические опросы, проводившиеся по сопоставимой методике в октябре 2017 — феврале 2018 г. среди студентов ведущих вузов России и Республики Беларусь. Анализ полученных данных осуществлялся с точки зрения проблемы внутренней консолидированности «русского мира» и перспективы смены поколений в элитах постсоветских государств (в этом контексте студенческий контингент ведущих российских и белорусских вузов рассматривается как своего рода протоэлитная группа). Осуществляется сопоставление картины мира российской и белорусской учащейся молодежи, формирующихся в студенческих средах двух близких по культуре стран социальных представлений и ценностных ориентаций, особенностей российской и белорусской идентичности, стратегий личностной самореализации, включая выбор места проживания и уровень эмиграционных настроений. Подробно рассматриваются результаты психосемантического зондирования ассоциативных рядов массового сознания молодежи, осуществляется реконструкция образов России и Белоруссии в сознании российской и белорусской молодежи, а также образов некоторых других геополитических субъектов, оказывающих влияние на российско-белорусские отношения (США, Евросоюз, Польша, Украина, Китай).

На основании результатов анализа в докладе показано, что и россияне, и белорусы склонны обращаться за поиском моделей социального развития вовне. Для россиян это опыт современного Китая, что не характерно для молодых белорусов, которые более склонны ориентироваться на ЕС и особенно Польшу, хотя в целом пик популярности Запада в Белоруссии, как и в России, уже прошел. Обращаясь к структуре исторической памяти, автор статьи отмечает довольно слабую идентификацию молодых белорусов как с советским прошлым, так и с эпохой Российской империи. Идеальной парадигмой прошлого для молодых россиян остается эпоха Петровских преобразований, у белорусских же студентов на первом месте по уровню симпатий стоит эпоха Великого княжества Литовского, хотя этот приоритет выражен довольно слабо, а историческое самосознание белорусского студенчества в целом размыто и не сфокусировано. Отмечается, что отношения между Россией и Белоруссией в картине мира российской и белорусской молодежи присуща определенная асимметрия. В статье обсуждаются возможные последствия различия картин мира и ценностных установок студенческой молодежи России и Белоруссии для судеб «русского мира».

Л. Ю. Андреева

д.э.н., профессор,

Ростовский государственный университет

путей сообщения

Россия, Ростов-на-Дону

Финансовая модель реализации геостратегических инфраструктурных проектов

Новая российская геостратегия нацелена на быструю и эффективную реализацию инфраструктурных проектов. Для реализации геостратегических приоритетов Российской Федерации необходимо разработать программу строительства инфраструктуры на основе тесного взаимодействия государства и бизнеса по модели государственно-частного партнерства (ГЧП), в том числе, на основе концессий. Иностранные инвесторы из Китая, Кореи, Аравии, Катара, Эмиратов в ближайшие годы планируют вложить около 40 млрд долл. в развитие геостратегических инфраструктурных проектов.

Проект высокоскоростной магистрали «Евразия» от Берлина до Урумчи (КНР) разрабатывается с 2017 г. Этот инфраструктурный проект отличается протяженностью трассы около 10 тыс. км при ожидаемой средней скорости движения 250 км/ч. Пассажирское движение на первом участке (Москва—Казань) откроется в 2023 г., а грузо-

вое движение — в 2026 г. Стоимость части магистрали, проходящей по ЕАЭС, составит около 8 трлн руб., а стоимость участка по России составит около 3,6 трлн руб. Установленные со стороны США и Евросоюза санкции и финансовые ограничения сдерживают развитие геостратегических проектов, поэтому в комплексный план развития геостратегической инфраструктуры до 2024 г. включена лишь часть магистрали до Казани протяженностью 301 км, но источники финансирования пока не найдены.

Крупнейшие по объему инвестиций проекты ГЧП на основе концессий находятся, прежде всего, в сфере транспортной инфраструктуры. Инфраструктурные проекты отличаются высокой капиталоемкостью и технологической сложностью, поэтому необходимы специальные финансовые инструменты для их разработки и реализации.

Геостратегический проект высокоскоростной магистрали «Евразия» сопоставим по сложности с инфраструктурным проектом строительства моста на Сахалин в составе транспортного коридора Европа–Китай. Реализация этого проекта с точки зрения развития внутрироссийского сообщения отличается высокими технологическими и финансовыми рисками, связанными с длинными сроками окупаемости. В связи с этим холдингу ОАО «Российские железные дороги» необходимо сконцентрировать финансовые ресурсы на строительстве инфраструктурного сегмента для развития грузовых перевозок, который может принести более высокий доход на инвестиции. Финансовые ресурсы необходимо формировать на основе концессионных проектов, основанных на взаимодействии и партнерстве ОАО «Российские железные дороги» с контрагентами и государством.

В 2016 г. был открыт первый инфраструктурный проект, в котором концессионером выступила корпорация «Таманьнефтегаз» (входит в ГК «ОТЭКО»). Генератором трафика в этом проекте является морской порт, которым владеет концессионер. Идеей проекта является интеграция порта с железнодорожной инфраструктурой для роста грузооборота. В 2018 г. был начат второй геостратегический проект, в котором в качестве концессионера выступила Тувинская энергетическая промышленная корпорация, выступающая основой развития грузовой базы проекта. Доходность и рентабельность проекта зависит от развития инфраструктуры вокруг Элегестского месторождения угля на взаимовыгодных условиях. Третий концессионный проект связан с развитием «Северного широтного хода», он предполагает строительство магистрали «Обская — Салехард — Надым», которая должна соединить западную и восточную части Ямало-Ненецкого автономного округа. Создание инфраструктуры северной железной дороги должно быть завершено в 2022 г., планируемый объем грузоперевозок составит

23,9 млн т нефтепродуктов и газового конденсата в год. Грузовой базой проекта являются нефтегазовые месторождения округа.

ОАО «Российские железные дороги» отложила строительство транспортного перехода на Сахалин в связи с тем, что не создана финансовая модель реализации геостратегических инфраструктурных проектов. Для реализации геостратегических проектов необходимо разработать эффективную концессионную модель, снижающую риски финансирования и риски формирования устойчивых грузопотоков.

В условиях действия секторальных санкций и финансовых ограничений государство не может управлять рисками грузоперевозок, несмотря на то что именно от этих рисков могут отойти инвесторы. Государство должно обеспечить инвестору минимальный гарантированный доход как разницу между реальными доходами концессионера и теми доходами, которые заложены в финансовую модель для обеспечения обслуживания долга, эксплуатационных расходов и доходности на собственный капитал. При проектном управлении необходимо часть риска транслировать инвестору, но следует учитывать средства, направляемые инвесторами на обслуживание долга, чтобы сохранить финансовую устойчивость концессионера и его кредитоспособность. Если доходность проекта, которая связана с объемами грузового трафика, имеет риски снижения, то государство берет на себя управление издержками, и у концессионеров растет доходность на вложенный капитал. В этом случае у концессионеров растет интерес к организационно-финансовому управлению проектом.

А. Ю. Архипов
д.э.н., профессор
экономического факультета
Южного федерального университета
Россия, Ростов-на-Дону

Необходимость и пути развития евразийской интеграции в современных геостратегических реалиях

В современном мире идут противоречивые процессы, вызванные изменением экономической мощи и соотношения ведущих геополитических игроков. Уже с 2010 г. по объему промышленного производства, с 2014 г. по валовому внутреннему продукту по паритету покупательной способности (ППС) ведущее место в мире заняла Китайская народная республика, обойдя многолетнего лидера — США. А семерка ведущих стран с развивающимися рынками: Китай, Индия, Россия, Бразилия,

Мексика, Индонезия, Турция, — по валовому внутреннему продукту по ППС обошла «Большую семерку» развитых стран.

Для сохранения лидерства стала применяться внешнеэкономическая политика, прямо противоположная той, что несколько последних десятилетий провозглашалась и проводилась ведущими развитыми странами: вместо всемерной либерализации торговли, открытой экономики — жесткие протекционистские меры, санкции, торговые войны. Причем санкции уже не за какие-то «не такие» политические действия, а, почти не скрывая, в обеспечение своих экономических интересов («Северный поток 2»).

В этих условиях возрастает значение, но и обостряются противоречия интересов участников региональных экономических объединений. Все новые проблемы возникают у признанного лидера региональной экономической интеграции — Европейского союза: организация выхода из него Великобритании в результате «Брекзита», мигранты и др. Осмысливаются положение, задачи, действия в Транстихоокеанском партнерстве после выхода из него США, бывших главным организатором и участником объединения. Снят с повестки дня вопрос создания Трансатлантического партнерства. Развиваются интеграционные инициативы Китая, в том числе инициатива экономического пояса «Нового шелкового пути».

Очень важна в связи с этим активизация взаимодействия на постсоветском, евразийском пространстве. В настоящее время немало вопросов функционирования у основного объединения на этом пространстве — ЕАЭС: все еще незначительный уровень торговли между странами, входящими в объединение, недостаточная организация, размеры и координация инвестиционного, научно-технического сотрудничества и др. Есть вопросы в деятельности Союзного государства Российская Федерация — Белоруссия. СНГ остается аморфным объединением. Важно развивать все направления совместной деятельности. Представляется, однако, важным, чтобы речь шла не только о повышении эффективности деятельности ЕАЭС, СНГ, союзного государства, прежде всего, расширении ЕАЭС, что естественно и ожидаемо, но надо осмысливать, обсуждать, начать готовить новое объединение более высокого уровня — на конфедеративной основе, постепенно создавать возможности для его создания. Именно такое объединение будет иметь возможности реально противостоять имеющимся угрозам, экономическим и не только, санкциям, эффективно действовать в современных сложных геостратегических реалиях. Обсуждение, проработка, конкретизация, подготовка реализации такой инициативы, представляется, должна стать важной задачей ученых, политиков стран постсоветского пространства.

С. В. Бирюков

*д. полит.н., профессор, старший научный сотрудник,
Восточно-Китайский педагогический университет
Китай, Шанхай*

Про-активная политическая стратегия для российской геополитики

Совокупный анализ геополитического положения и ресурсов проблем не может быть осуществлен без учета более общей картины места России в контексте глобальных процессов. Следует помнить, что Россия не является простым материковым (макрорегиональным) государством — но мировой державой, обладающей открытым выходом во многие мировые регионы. Россия определяется геополитически в качестве Евразии. Подобное ее значение не зависит от блоков, идеологии, политической ориентации, специфики политического режима: расположение в глубине континента является для нее одновременным вызовом и возможностью. В этой связи встает вопрос о том, какую внешнеполитическую стратегию следует избрать современной России с целью сохранить максимально выгодный для нее баланс сил в мире и в стратегически значимых для нее регионах.

Российская дипломатия сегодня находится в поиске наиболее эффективной стратегии, которая бы отвечала все нарастающим вызовам современного мира. Продолжающаяся фрагментация («ползучий демонтаж») механизмов и институтов, на которые в течение десятилетий опиралась структура двухполярного мира, требует выработки гибкой и адекватной внешнеполитической линии, которую можно было бы использовать для уменьшения рисков, нейтрализации вызовов и продвижения собственных интересов в постоянно изменяющейся ситуации.

Реальный подход к выстраиванию внешнеполитической стратегии в отношении стран «ближнего зарубежья» достаточно давно и стабильно характеризуется рядом вполне характерных особенностей.

- Отказ от модернизационных инициатив.
- Инерционность внешней политики.
- Преимущественная ставка на взаимодействие с действующей властью — с одновременным игнорированием и недооценкой возможностей оппозиции в постсоветских странах, упрямое непонимание изменчивости взаимоотношений между обществом и властью.

Еще более значимой является недооценка трансформационного потенциала переходных и кризисных обществ на «постсоветском» пространстве. С последним недочетом тесно связана такая характерная

черта российской политики в отношении стран ближнего зарубежья, как недооценка возможностей изменения исходных параметров социально-политической ситуации — в результате чего радикализация (управляемая) в этих странах после резкой смены власти оказывается полным откровением для российских наблюдателей за разворачивающимися на их глазах процессами.

Какая же методология, на наш взгляд, наиболее способствует созданию комплексной картины изменений, происходящих во внешнеполитическом окружении России? Научная парадигма, отвечающая этим требованиям, сегодня определяется как системно-синерго-деятельностная [1, 54]. Она предполагает рассмотрение непосредственного внешнеполитического окружения как сложной системы, развивающейся в результате действий входящих в них акторов (глобальных, национальных, региональных, локальных), что предполагает многообразие траекторий развития исходя из спонтанной комбинации соответствующих факторов.

На взгляд автора, применение синергетического подхода для анализа и оценки внешнеполитических стратегий в отношении ближнего зарубежья, позволяет выявить ряд существенных закономерностей.

1. Большое количество ресурсов и многообразные связи, существующие в соседних с Россией странах, не являются гарантией сохранения и укрепления ее интересов без использования современных подходов и политических технологий системно-синергетического характера.

2. Необходимость консолидации инфраструктуры влияния — т.е. когда все ресурсы собраны воедино и работают на единую задачу (политическую, экономическую, культурную).

3. Необходимость разработки собственной версии так называемой «мягкой силы» — привлекательного образа страны (как прошлого, так и будущего), в адекватной форме доносимой до граждан соседних государств.

По мнению авторов, ключевыми условиями эффективности формирования и управления политической ситуацией в сопредельных постсоветских государствах соответственно являются:

1) своевременный и гибкий (адаптивный) характер взаимодействия с внешнеполитическим окружением;

2) эффективная, взвешенная и продуманная работа по продвижению образа страны в ближнем и дальнем зарубежье, принимающая во внимание специфику конкретных стран;

3) соотнесение стратегии в отношении стран ближнего зарубежья с их комплексной внутривнутриполитической динамикой, подразумевающей не только состояние стабильности, но и наличие внутренних проблем и кризисов;

4) учет ценностно-мировоззренческих особенностей народов стран из ближнего окружения, с которыми планируется выстраивать многостороннее взаимодействие;

5) более четкая формулировка позиции в отношении современных проблем и кризисных ситуаций, волнующих народы сопредельных государств, разработка и продвижение конструктивной альтернативы возможным и реализующимся деструктивным сценариям.

Синергетическое видение политической жизни — сложная и требующая глубокой политической рефлексии задача. Однако без формирования подобного взгляда практически любой стране достаточно сложно приспособиться к реалиям современного мира — равно как сложно сохранить себя в качестве страны, социума и цивилизации в условиях изменяющегося внешнего окружения.

Литература

1. Гомеров И. Н. Структура и свойства власти. Новосибирск: СибУПК, 2000.

Д. В. Гарбузов

*д. филос.н., доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Волжский филиал Волгоградского
государственного университета*

*Россия,
г. Волжский*

История современности: образы Апокалипсиса и «второй модерн»

Популярность образов Апокалипсиса, финальной катастрофы в современной культуре Запада (и элитарной, и массовой), возможно, объясняется не спецификой «общества риска», в котором всегда присутствует опасность катастрофы, а нарастающим ожиданием «второго модерна».

Инерционность модерна как культурного проекта. Феномены первого европейского модерна разворачивали импульсы, заданные исходной, материнской средневековой культурой. Когда эти импульсы рассеялись, модерн, не имеющий собственного энергийного основания, перешел в стадию постмодерна. Сеанс магии закончился, и началась стадия его разоблачения. На стадии материнской культуры создается весь объем энергии, которой она обладает, и в дальнейшем эта энергия

только расходуется. При этом различные культуры обладают разными способностями сохранения энергии. Символическая перезагрузка. Нечто подобное сегодня пытаются произвести Запад, обнуляя традиции и иницилируя антитрадиции.

Современный Запад «чреват» новым типом общества, который призван необратимым образом перевести в разряд архаических все остальные, как это произошло в конце XVIII—XIX вв. Это событие вновь делает Запад неоспоримым лидером и разверзнет непроходимую бездну, отделяющую его от остального мира. Изображая Апокалипсис, нарциссический Запад ожидает вовсе не плохое, а хорошее.

Современный западный социум совмещает два незыблемых элемента;

1) абсолютную неприкосновенность личного пространства человека и его официального публичного статуса и имиджа;

2) абсолютную отвязанность культурного пространства, десакрализацию всех его элементов. Эти элементы взаимодополняют друг друга. Только безусловная гарантия безопасности личного пространства поддерживает стабильность системы без сакральных центров. Соответственно, если такая гарантия не будет обеспечиваться, то данная система утратит равновесие. Патриархальные же общества (в том числе Россия и мусульманские страны), в которых личное пространство в значительной степени беззащитно, не способны существовать без сакральных центров.

Нужно отметить, что если «первый модерн» имел преимущественно экономическую форму, осуществляясь как индустриальная революция, создавшая новый экономический базис общества, то «второй модерн», скорее всего, изначально предполагается как преимущественно культурный проект. Его элементы уже видны — трансгендерность, толерантность, виртуальность, экологичность, медийность и пр. Это такой набор, который по разным причинам, окажется недоступным и неприемлемым для всех остальных социумов, кроме Запада, и поэтому они будут объявлены культурными аутсайдерами, отставшими от хода истории.

Очевидно, что в этой ситуации Россия должна не полагаться на конъюнктуру, а активно повышать свой уровень научно-технического развития и, одновременно, отстаивать свои традиционные ценности, мировоззрение и образ жизни [1, 11–22].

Литература

1. *Осинов Ю. М.* Россия на пути к России // *Философия хозяйства*. 2017. № 6. С. 11–22.

*С. А. Грушина
магистрант,
Ростовский государственный университет
путей сообщения
Россия, Ростов-на-Дону*

Цифровизация бизнеса при реализации геостратегической программы развития ОАО «Российские железные дороги»

Системная и последовательная трансформация в цифровой вид традиционных форм деловых и производственных отношений, форм взаимодействия экономических агентов рынка стала одним из основных трендов последних лет развития российской экономики в мировом контексте. Цифровизация экономики как новая парадигма ускоренного экономического развития мирового хозяйства перешла в активную фазу своего развития. Концепции «Третьей промышленной революции», «Индустрии 4.0» и другие разработки на государственном и корпоративном уровне за короткий срок прошли этап инкорпорирования в государственные программы и стратегии бизнеса [2, 5].

Экономика цифрового общества основывается на трансформации принципов производства и потребления, создании новых индустрий и рынков. С этих позиций промышленные корпорации с высокой долей капиталоемкости нуждаются в институционализации новой модели поведения, нацеленной на адаптацию собственных стратегий под современные вызовы цифровой экономики, вынуждены пересматривать структуру активов и реформатировать управление бизнесом на основе инновационных технологических решений.

Транспортная корпорация ОАО «Российские железные дороги» формирует новую стратегию развития на основе внедрения цифровых технологий. Благодаря цифровизации бизнес-процессов корпорация разрабатывает и внедряет новые сервисы, нацеленные на снижение затрат и повышение привлекательности для клиентов. С учетом цифровых технологий в ОАО «РЖД» актуализирована Комплексная программа инновационного развития на период до 2020 г. (КПИР), а также разработан план мероприятий инновационного развития компании на период 2018–2019 гг. В 2017 г. в рамках плана инновационного развития корпорации объем финансирования составил 942,5 млн руб. [1].

Информационно проект КПИР-2020 отражает результаты инновационного развития холдинга и приоритетные перспективные направления на долгосрочный период, в частности, по обеспечению повышения надежности ключевых технологических процессов, энергоэффективно-

сти и производительности труда, внедрения интеллектуальных систем управления процессом перевозок и информационных технологий по всем видам перевозочной деятельности, инновационных систем диагностики и геоинформационных технологий.

Интеграция холдинга ОАО «Российские железные дороги» в программу «Цифровая экономика Российской Федерации» реализуется через долгосрочную комплексную программу «Цифровая железная дорога», которая основывается на имитационном математическом моделировании и интегрировании интеллектуальных коммуникационных технологий между клиентом, транспортным средством и системой управления движением и инфраструктурой. Цифровизация бизнеса, создание новых сквозных технологий призваны обеспечить гибкую интеграцию российского транспортного холдинга в геоэкономическое пространство и создать электронную площадку для управления ключевыми и периферийными бизнес-процессами компании в области пассажирских, грузовых перевозок, подвижного состава и геостратегической инфраструктуры.

Для построения конкурентоспособной геостратегии корпорации предстоит еще сделать многое как на внутреннем рынке, так и на глобальном рынке транспортных и логистических услуг: провести формирование интегральных цифровых платформ в области пассажирских перевозок/сервисов и эксплуатации инфраструктуры, в том числе создать бесконтактные системы контроля проезда с использованием биометрии, использование возможностей ВІМ-технологий в целях проектирования и обслуживания инфраструктуры, обеспечение роботизированной автоматизации шаблонных процессов, использование систем спутниковой связи и бесконтактного контроля и осмотра состояния подвижного состава и путевых линий, систем мультимедиа и видеонаблюдения, интеллектуального климат-контроля и контроля освещения для поездов, систем контроля бдительности машиниста. Эти и другие задачи призвана решить долгосрочная комплексная программ «Цифровая железная дорога».

Литература

1. Годовой отчет 2017: Инновационное развитие [Электронный ресурс]. URL: <https://ar2017.rzd.ru/ru/results-review/innovations> (дата обращения: 30.10.2018).
2. Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <https://imi.hse.ru/data/2017/10/07/1159564192/> Цифровая%20экономика%20–%20глобальные%20тренды%20и%20практика%20российского%20бизнеса.pdf (дата обращения: 30.10.2018).

М. М. Гузев
д.э.н., профессор,
зам. директора по научной работе
Волжского филиала ФГАОУ ВО
«Волгоградский государственный университет»,
Россия, г. Волжский

Цугцванг в миттельшпиле как российское ноу-хау

Цугцванг как безвыходное положение в шахматной партии, когда любой следующий ход только ухудшает позицию, чаще всего случается в эндшпиле, но иногда, в редких случаях, такое может случиться и в миттельшпиле. Особенно если игрок не опытен, в шахматах не очень образован, придерживается догм, не обладает стратегическим мышлением и не способен предвидеть последующие ходы соперника. Представляется, современная российская экономическая политика — это и есть тот самый цугцванг, когда, что бы ни делала политическая элита со своим экономическим блоком в правительстве, будет только хуже. А поскольку это только середина партии, миттельшпиль, когда вроде бы есть еще масса возможностей изменить ситуацию в свою пользу, что успешно проделывают многие другие государства, бесперспективность в миттельшпиле — это и есть российское ноу-хау новейшего времени. Попробуем это проиллюстрировать на конкретных примерах современной российской действительности.

Так, нельзя увеличивать пенсионный возраст, поскольку это ухудшит и без того низкое материальное (и духовное) благополучие десятков миллионов граждан России, как пенсионеров, так и лиц предпенсионного возраста, и нельзя оставлять прежние 60 и 55 лет, поскольку «кормить» пенсионеров некому: промышленность разрушена, пенсионный фонд бесстыдно опустошен, молодые и работоспособные, самые квалифицированные, мигрируют из страны (их по сути выгоняют), до половины заработной платы — серая.

Денежно-кредитная политика Центрального банка известна: нельзя увеличивать денежную массу, поскольку, согласно установок Вашингтонского консенсуса, это приведет к инфляции. Но и не увеличивать нельзя, так как нет внутренних инвестиций, а возможности внешних заимствований резко сокращены в условиях санкций. О падении реальных доходов подавляющей части населения вообще речь не идет, значительно важнее, чтобы в отчетах Росстата они росли.

Пресловутый прогрессивный налог на доходы и налог на роскошь. Уйти от плоской шкалы и ввести прогрессивную шкалу, как во всех цивилизованных странах мира, нельзя, поскольку это снизит сверхдоходы российской олигархии, российской так называемой элиты, приближенных к ней бойцов идеологического фронта. Но и оставлять все как есть тоже нельзя, поскольку зреет социальное напряжение в обществе и рас-

тет негатив к лихим 90-м и ко всей сложившейся тогда и сохранившейся с косметическими изменениями по сей день социально-экономической и политической системе.

Разрыв в уровне доходов богатых и бедных — еще один цугцванг. По официальным данным этот разрыв составляет 1 к 14, а по данным независимых экспертов — 1 к 40. Это же относится и к разрыву в уровне доходов в Москве (к которой примыкают Санкт-Петербург и Ханты-Мансийск) и остальной России. Так в Дагестане ВВП на душу населения в 20 раз меньше, чем в Москве. В нищете и разрухе прозябают 2/3 российских регионов — нет инвестиций, коррупция, наркомания, отдаление власти от населения. Этот разрыв в уровне доходов необходимо как можно скорее сократить, пока народ сам не взялся его сокращать. Но и сокращать этот разрыв нельзя, поскольку, если перенаправить финансовый поток из Центра в регионы, а в Центр поступает более 50% всех доходов страны, тогда появляется реальный риск роста недовольства и полевения населения в Центре, со всеми вытекающими из этого последствиями для властвующей элиты.

Конституция России — тоже цугцванг. Согласно Конституции РФ (ст. 7) Российская Федерация является социальным государством. В реальности от социального государства Россия в XXI в. становится все дальше и дальше, если взять, например, образование и здравоохранение, которые более чем на 50% стали уже официально платными. Иначе говоря, социально-экономическая политика государства осуществляется вопреки требованиям Конституции, но изменить эту политику нельзя в рамках господствующей парадигмы развития общества. Но и Конституцию нельзя изменить, поскольку по многим причинам нельзя в нее записать, что Россия — это не социальное, а антинародное государство.

Таких цугцвангов в современной российской действительности накопилось много, и не только в социально-экономической сфере, но и в политике, других сферах жизнедеятельности российского государства. Кроме всех этих «можно» и «нельзя», есть еще и интересы России, которые всяк трактует по-своему: олигархи, чиновники, обыватели. Начинает говорить о своих интересах и сама Россия, правда, пока устами чиновников, что не одно и то же. Но они есть, эти интересы России, и раньше или позже народ о них заявит. Не может не заявить.

Но важно понять истоки происхождения аномалии. Если это случайность, стечение обстоятельств — одно лекарство для лечения болезни. Если закономерность — другое. По многим симптомам болезнь носит системный характер, поскольку цугцванг одновременно охватил все сферы существования российского общества. Как проявление системной болезни, которая может окончиться смертью пациента, — массовый отъезд детей «на учебу» и жен властвующей элиты, скупка ею недвижимости в благополучных странах Европы и мира.

Название этой болезни — рыночный фундаментализм и господство либеральной идеологии. Россия — капиталистическая страна, о чем, к со-

жалению, многие в стране даже не догадываются. И как всякая капиталистическая страна, она, естественно, живет по законам капитализма. Главный из них — это закон силы, по сути, закон из животного, волчьего мира. Только сила определяет, какая будет налоговая шкала, плоская или прогрессивная, будет у тебя работа или нет, будут бесплатное здравоохранение и образование или нет. Но именно этого — консолидации народа для решения назревших проблем — российская олигархия и не хочет, и боится. А потому всячески, в том числе с помощью мощного информационного ресурса, реализует древний колониальный принцип: «Разделяй и властвуй». Россия попыталась встроиться в мировую капиталистическую систему, когда мир уже поделен. Развиваться под оком МВФ и Вашингтонского консенсуса периферийная Россия не сможет, даже если захочет.

Поэтому выход из этого цугцванга по-русийски, в рамках созданной по лекалам неолиберальной утопии социально-экономической и политической системы с ее авторитарным режимом и гипертрофированной ролью бюрократии, невозможен. Нужны новые прорывные идеи. Необходимо понять, что неолиберализм — это анахронизм прошлого, а вырваться из этого торнадо, разрушающего страну, можно только на путях новой парадигмы развития общества. Она известна. Тем более в России. Это — социализм. Тот социализм, который вберет в себя опыт СССР, Скандинавии, Китая и будет основываться на национальной исторической почве. Иного просто не дано.

Н. А. Иванов

*к.т.н., начальник отдела
АО «НИЦПВ»
Россия, Москва*

А. А. Иванов

*старший преподаватель,
Ярославский государственный
медицинский университет
Россия, Ярославль*

Патриотизм и единство в современных политических условиях РФ¹

Одной из проблем для успешной реализации стратегии инклюзивного развития экономики России является отсутствию адекватной институциональной среды. И в первую очередь — это недостаточность единства

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Теоретико-методологические основы формирования стратегии инклюзивного развития экономики России» № 17-02-00040 «а».

в обществе. Дискуссии о необходимости выстраивания такой среды наталкиваются на наличие заколдованного круга — благоприятная институциональная среда обеспечивает единство, а единство обеспечивает благоприятную институциональную среду. Попытки моделирования ранее реализованного единства и в России, и в других странах оказываются несостоятельными из-за различий в специфике исторических и экономических условий сегодня в России и в рассматриваемые периоды общественного развития той либо другой страны. Тем не менее, опыт единения наций, их патриотического подъема — далеко не редкость в истории, да и в текущем времени. И как ни странно, институциональная среда в подобных условиях была далеко не идеальная. Ниже предпринята попытка выявления механизмов сплочения граждан в рамках общественных конгломератов на уровне наций, государств, региональных сообществ. Организатором такого единения всегда выступала потомственная элита в этих сообществах, а механизм его реализации осуществлялся через принуждение. Последнее достигалось как через прямое силовое воздействие, идеологическое манипулирование, материальное стимулирование, так нередко и через жесткий политический террор. Для реализации подобного механизма принуждения к единству элите было необходимо иметь:

- комплекс политических, экономических и силовых рычагов принуждения в виде властных полномочий;
- непререкаемую легализацию своего статуса потомственной элиты;
- правовую и историческую легализацию своей собственности;
- устоявшиеся сословные структуры в составе конкретного государства.

Политическая и экономическая либерализация, навязанная извне либо взращенная внутри страны, когда вышеперечисленные четыре условия ослабевали или вовсе переставали действовать в таком государстве, всегда приводила там к смене элит. После завершения такой смены и восстановления статуса перечисленных выше четырех условий — механизм единения способен был заработать вновь, но уже под новые цели и задачи и, как правило, под новыми политическими и экономическими лозунгами. При этом даже сильное имущественное неравенство такому единению не угрожало, что ставит под вопрос сегодняшние опасения о расколе в обществе при активной динамике текущего неравенства в мире [1].

Принудительный характер реализации единства и патриотизма неизбежно приводит к издержкам в самой такой практике. Но эти издержки порой несоизмеримы по масштабу с теми отрицательными последствиями, которые появляются уже после решения национальных задач, на которые единство в первую очередь было направлено. Так после окончания двух Чеченских войн в 90-х гг., во время которых чеченская нация показала то самое единение, сплотившись против России, та же Чечня оказалась самой отсталой по экономическому развитию в составе РФ.

Считается, что именно готовность японцев к коллективному труду, тесному социальному взаимодействию и стала причиной послевоенного

рывка, так называемого «японского чуда». Однако даже после схлопывания финансового пузыря в 1990 г. в Японии основу корпоративного управления в японской системе менеджмента составляют консервативная политика, которая ставит под вопрос макроэкономическую жизнеспособность для Японии в сложившихся условиях преодолеть инерцию традиционализма и ответить на вызовы глобализации образца XXI в. [2].

Социальные отношения в трудовых коллективах в Южной Корее, сложившиеся в период резкого подъема экономики страны в послевоенный период, на сегодняшний день проявляют свою негативную сторону. Трудолюбие, готовность работать сверхурочно и преданность работодателю — это те качества южнокорейцев, которые способствовали необычайному единству нации и, как следствие, экономическому прорыву Южной Кореи. Однако в итоге Южная Корея получила гендерную дискриминацию, в результате которой на сегодня только в трех странах уровень фертильности (из расчета по количеству детей на одну женщину) такой же низкий, как в Южной Корее, — в Сингапуре, Гонконге и Молдавии [3].

Литература

1. Сапожников О., Мануйлова А. Общественному договору угрожает неравенство // Коммерсантъ. 26.09.2018. № 175. С. 2.
2. Кузнецов А. В. Предпосылки и последствия создания гибридной модели хозяйствования в Японии // [Электронный ресурс]. URL: <http://philh.ru/index.php/arkhiv-materialov/teksty/291-a-v-kuznetsov-predposylki-i-posledstviya-sozdaniya-gibridnoj-modeli-khozyajstvovaniya-v-yaponii> (дата обращения: 21.09.2018).
3. Поколение сампо: почему женщины в Южной Корее не хотят детей и отношений: BBC News Русская служба // [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/society/34443468/?frommail=1> (дата обращения: 21.09.2018).

А. И. Иванус
д.э.н., профессор,
Финансовый университет при
Правительстве РФ
Россия, Москва

Две перспективы России в аспекте мировой «справедливости»

Современная Россия занимает уникальное положение среди других мировых держав: население России составляет 2% населения всей планеты, территория — 13%, а природных ресурсов на этой территории по разным ис-

точникам находится около 30%. Этот «перекосяк» с позиций англо-саксонской цивилизации представляется крайне несправедливым. С позиций их понятия справедливости России надо оставить 2% территории и 2% природных ресурсов. Вот тогда все встанет на свои места и все будет сбалансировано. Поэтому западный мир во главе с США делают все, чтобы отобрать у нас «лишнюю» территорию и «лишние» природные ресурсы. Логика последних событий, происходящих в мире, говорит, что этот процесс «восстановления справедливости» уже начался. Перед нами стоит чрезвычайно трудный, но неизбежный вопрос: сможем ли мы удержать территорию и природные ресурсы?

Но есть два фактора, которые сдерживают (пока!) «силы справедливости», — это непокорность русского народа и созданный им ракетно-ядерный щит.

Непокорность резко выделяет русский народ среди других народов Европы. Русские ни перед кем не стояли на коленях. Это такая русская ментальность. Это у русского народа просто в генах. С этим ничего нельзя поделать. Даже если приходилось временно отступить, то в итоге все равно Россия побеждала своих покорителей. Так было с татаро-монголами, поляками, шведами, литовцами, французами, немцами и т.д. Великая Отечественная война это особенно убедительно показала: Брестская крепость держалась до последнего русского солдата, русские не сдали голодающий Ленинград, отстояли Москву, Сталинград и в итоге победили! Потому что только у русских есть профессия «Родину защищать». Причем победили не гитлеровскую Германию, а всю гитлеровскую Европу. И только потому, что другие народы оказались по своей ментальности покорными. Гитлер их не столько завоевывал, сколько просто занимал с минимальными усилиями, и все они затем очень тихо и спокойно работали на Германию. А с нами так не получилось.

Но эта непокорность русских всегда вынуждала их содержать слишком затратные для экономики армию и флот. И эту цену платил именно русский народ, даже когда у нас были и социалистический лагерь, и Советский Союз. Один только русский народ взял на себя всю тяжесть создания вооружений в ущерб уровню жизни. Никто такую жертву не хотел приносить. Все хотели хорошо одеваться и вкусно есть. Вот почему очень легко и практически бескровно развалились социалистический лагерь и Советский Союз. Все страны мгновенно разбежались, кроме Белоруссии. Украина сначала робко, но потом все активнее тоже туда же. Никто из них не захотел защищать свою независимость в обмен на снижение уровня жизни. Социалистический лагерь распался, Советский Союз распался, а вот Россия не распалась и не распадется. Потому что основной костяк России составляет непокорный русский народ.

И сейчас свою независимость Россия вынуждена компенсировать непомерно дорогой платой — слишком низким уровнем жизни народа. К сожалению, эта плата приводит к огромным моральным, гуманитарным, экономическим, политическим и прочим потерям. Мозги и финансы по-

кидают Россию, а взамен Россия приобретает гастарбайтеров, наркотики, террористов. Такая «замена» явно не эквивалентна. Кроме того, власти как-то незаметно привыкли к терпимости русского народа и эксплуатируют эту терпимость, цинично рекомендуя ему питаться «макарошками».

И вот теперь настало время, когда нам необходимо противостоять «восстановлению справедливости». Но это будет еще тяжелее, чем прежде, так как теперь у нас уже не будет союзников в лице США и Великобритании, как в прошлой войне. Северных конвоев больше не будет. США и их союзники стали открытыми врагами и направляют против нас все свои средства «приобщения к демократии»: армию, флот, космос, финансы, провокации, обман, пропаганду, санкции, Интернет, подкуп, унижение русских в спорте, искусстве, науке и т.д. Особая роль здесь отводится пятой колонне, которая очень неплохо прижилась и достаточно комфортно себя чувствует внутри России, хорошо питаясь и одеваясь.

Отсюда следует единственный путь выживания — это при наличии огромных природных ресурсов решить две задачи:

1) обеспечить наконец-то, несмотря на затраты по содержанию армии и флота, высокий жизненный уровень русского народа,

2) всеми доступными способами обеспечить защиту народа, территории и природных ресурсов от желающих «справедливого» мирового распределения.

А для того, чтобы эти задачи решить, надо их сначала перед собой поставить и осознать, причем не просто как благое пожелание, а на уровне национальной идеи.

Эти задачи можно решить только при наличии соответствующего понимания и стремления у руководства. Если руководство России решит их — Россия выживет, а если нет, то...

В. А. Ионцев

*д.э.н., профессор, заведующий кафедрой демографии
ВШССН МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, Москва*

А. А. Субботин

*аспирант кафедры демографии
ВШССН МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, Москва*

Евразийский путь демографического развития — основа спасения «тонущей» России

Демографический фактор является определяющим при решении проблем различного рода, будь они социального, экономического, политического или любого другого характера. Любые изменения в государстве,

которые хотелось бы, чтобы произошли, зависят первоначально от решения именно демографических проблем. От того, как население будет развиваться демографически, качественно зависит и положительная реализация попыток изменить будущее государства к лучшему.

Нужно ли России копировать западную модель демографического развития, которая представляет собой путь демографического вымирания? В этом случае государство и его название, безусловно, останутся, вот только население страны станет совсем иным. Нет необходимости тратить баснословные средства на вооружение, можно просто «программировать» новые «умы», которые демографически сами себя истребят, каковой процесс уже происходит с помощью сети Интернет и других современных информационных технологий.

Одним из возможных сценариев спасения России представляется путь евразийского демографического развития [1]. Данный путь базируется на национальных традициях, историческом опыте, культурных и демографических ценностях (среди которых здоровые дети являются главнейшими) и многом другом, учитывая при этом уникальное географическое положение страны. Сама идея евразийства зародилась в 1920-е гг. и достаточно крепко укоренилась в стране. Россия по своему местоположению и по своему менталитету может считаться евразийским государством и соответственно быть неким Центром такого пространства. Россия способна не только сама встать на путь истинный, но и направить на него своих союзников.

Для реализации евразийской программы следует, помимо разработки планов в помощь деторождению и детовоспитанию (последнее не менее важно, так как отвечает за качество человеческого капитала), заниматься пропагандой исконных нравственных ценностей. Именно привлечение внимания к образу многодетной крепкой семьи поможет стране встать на евразийский путь, чему может способствовать, в частности, воздействие социальной рекламы о здоровых детях и родителях.

Обращение к ментальной стороне проблемы воспроизводства человеческого капитала важно еще и потому, что Россия, несмотря на некоторое улучшение в демографическом плане за последние годы, тем не менее, все более оказывается под воздействием демографического кризиса, который первоочередно обусловлен негативными качественными изменениями характера молодежи, легко «впитывающей» западные ценности.

Но Россия — не Запад: по крайней мере не только Европа, но и Азия. Это указание на особенность, на отличие, а синтез европейских и азиатских черт в русской цивилизации — знак уникальности нашей страны по сравнению с державами, не имеющими таких особенностей развития. Именно самобытность и исключительность страны и недопущение дальнейшего развития негативных текущих событий способны вывести Россию на путь ее благополучного развития.

Литература

1. *Ионцев В. А., Субботин А. А.* Современные сценарии демографического будущего мира (на примере России и Германии) // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 4–18.

В. Я. Иохин
д.э.н., профессор,
главный научный сотрудник,
Институт Европы РАН
Россия, Москва

Геополитические сдвиги и парадигма развития России

В условиях геополитических сдвигов, вызванных неустойчивостью сложившегося миропорядка, для страны, претендующей на великодержавность, требуется определить вектор внешнеполитического курса и выбрать социально-экономическую модель развития, которая обеспечила бы возможность его реализации. В России наблюдается раздвоенность внешнеполитического курса и внутренней социально-экономической политики правительства, что требует коренного ее изменения. Что касается современного мироустройства с его весьма подвижной конфигурацией, то оно будет определяться прежде всего соотношением сил между США и КНР. Второй важный момент в этом контексте связан с европейским геополитическим пространством. Многое зависит от того, останется ли Малая Европа тенью США в рамках НАТО, или она станет самостоятельным мировым центром силы.

Внешнеполитический курс России и его приоритеты во многом будут определяться геополитическими процессами в Европе. При упрочении позиций НАТО Россия будет вынуждена блокироваться с КНР. При образовании в Европе независимого центра силы Россия сохраняет шанс не вступать в геополитические альянсы. В перспективе это открывает и путь к формированию Большой Европы от Лиссабона до Владивостока (но не до Ванкувера), и к консолидации Евразийского геополитического пространства с невероятно масштабными проектами сотрудничества стран Евразии.

При любом раскладе геополитических сил внутренняя социально-экономическая политика РФ не может быть не направлена на достижение в максимально сжатые сроки экономического потенциала, в разы превышающего нынешний. Для достижения этой цели парадигма развития России должна базироваться на следующих основаниях.

1. На национальной, а не неолиберальной идеологии, ориентированной на «открытое общество» с его «гражданами мира» и установками на преодоление «национальных предрассудков, суверенитета». Речь идет

о конституционно закреплённой идеологии, не допускающей денационализацию мышления и сознания, направленной на защиту российской государственности и опирающейся на систему ценностей главного государствообразующего народа, секуляризированных в виде кодекса личного и общественного поведения.

2. На социальной политике, включающей в себя комплекс разнообразных мероприятий в финансовой, экономической, торговой, правоохранительной сферах, направленных на снижение уровня имущественного и социального расслоения и создание условий для восстановления справедливых пропорций в устройстве общества. Без консолидации интересов разных слоёв населения трудно рассчитывать на достижение масштабных успехов.

3. На развитии самодостаточной экономики, не имеющей ничего общего с автаркией и изоляционизмом, но опирающейся на полное задействование собственных источников и ресурсов экономического роста и на международное экономическое сотрудничество в той степени, в какой оно не несёт с собой угрозу экономической безопасности страны и в какой готовы к нему зарубежные партнёры.

4. На киберэкономической модели управления народным хозяйством, опирающейся на планирование, включающее в себя и директивные, и индикативные его формы, и сориентированное на постоянную пятилетнюю перспективу, что позволит своевременно вносить коррективы в процессы управления экономикой.

5. На обеспечении самостоятельности национальной валюты и осуществлении денежной эмиссии с целью повышения монетизации экономики до уровня передовых стран и обеспечения беспрепятственной доступности к кредитным ресурсам инвесторов. Введение жёсткого валютно-финансового контроля с функциями блокирования финансовых спекуляций, образования финансовых пузырей, попыток манипулирования финансовым рынком.

Ю. А. Кропин

д.э.н., профессор

Департамента финансовых рынков,

Финансовый университет при Правительстве РФ

Россия, Москва

Системный кризис банковской сферы как основополагающий фактор кризисного развития

Одной из фундаментальных причин кризисного состояния мирового хозяйства является противоречие между современной денежной системой и существующим устройством банковской системы. Современная денеж-

ная система коренным образом трансформировалась в 1976 г. решениями Ямайской конференции, а банковская система осталась такой же, какой была собственно с момента своего возникновения. Между тем банковская система есть производная от денежной системы. И если существенно изменилась последняя, то неизбежно должна была трансформироваться ее составная часть — банковская система. Если в рамках золотостандартной денежной системы банковская система представляла из себя совокупную монету — ЦБ, окруженную коммерческими банками, то в условиях рыночной денежной системы банковская система по сути являет собой уже просто функционирующий денежный знак, который как таковой не может иметь цели своего существования, состоящей в получении прибыли. Другими словами, в рамках современной денежной системы уже нет места коммерческим банкам, а Центральный Банк уже не должен позиционироваться как эмиссионный центр. Очевидно, что ни один владелец коммерческого банка никогда не откажется от своей собственности; и никогда Центральный Банк какой-либо страны не откажется от своего статуса как эмиссионного центра, как кредитора «последней инстанции». И так как этого никогда не произойдет добровольным образом, то государственный долг всех западных стран будет увеличиваться таким нарастающим итогом, который уже в обозримом будущем станет их непосильным бременем. Государства этих стран окажутся собственно банкротами, имущество которых по логике вещей должно будет подлежать распродаже в счет погашения кредиторской задолженности. Поскольку и такой вариант развития неприемлем для западных стран, постольку они оказываются, точнее, уже оказались в финансовом тупике. Возможным выходом из него может стать всеобъемлющее урезание расходов государства и всех бюджетополучателей, что равнозначно обвалу платежеспособности покупателей-потребителей. А такой резкий обвал автоматически приведет к обвалу в деле создания национального валового продукта, т.е. к мировому экономическому коллапсу, который затмит собой все ранее бывшие мировые кризисы вместе взятые. Одним же из способов отсрочки этого коллапса является сеяние политического хаоса в мире, который может перерасти в военное столкновение; а на войну можно будет все списать. Загвоздка заключается только в том, что нет никакой гарантии того, что какие-то локальные военные конфликты не перерастут в глобальное столкновение с катастрофическими последствиями. Один из представителей западной банковской элиты Дж. Рокфеллер писал про США в том смысле, что они скорее готовы погибнуть, чем проиграть мировую войну. Полагаем, что этот автор знал, что пишет, знал состояние финансовой и денежно-банковской системы страны, кроме того, он хорошо знал менталитет элиты американского общества. С большой долей вероятности можно утверждать, что, приведя свои страны в финансовый тупик и не имея возможности выйти из него прежними способами, она

вынашивает план победы в очередной мировой войне. А подготовка к ней идет путем развязывания различных региональных военных конфликтов, в которых Запад во главе с США противостоит нашей стране, где на ее необъятных просторах имеется около 28% всех мировых запасов природных ресурсов.

Очевидно, что Россия должна в такой обстановке вести себя осторожно, всегда быть готовой к отражению нападения и самое главное — развивать свою экономику. Проблема заключается только в том, что Банк России под видом политики таргетирования инфляции на самом деле торпедирует экономическую динамику страны. При этом во многих экономических изданиях, прежде всего, в учебной литературе совершенно спокойно преподаются различные западные теории, которые уже показали свою полную несостоятельность и в которых нет даже тени намека на необходимость постановки во главу угла национальных интересов нашей страны. И если существенным образом трансформировать национальную банковскую систему, приведя ее в соответствие с сутью современной денежной системы, и при этом изменить содержание многих учебных курсов по экономическим дисциплинам, то наша страна может совершенно спокойно и достойно противостоять всем надвигающимся вызовам.

О. В. Кудрявцева
д.э.н., доцент, профессор,
экономический факультет,
МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, Москва

Качество городской среды и устойчивое развитие общества¹

Проблемы городского развития и планирования приобретают все большее значение для общества, этой теме посвящено значительное количество научных и практических работ. В России, несмотря на постоянно возрастающий интерес к этой теме [1, с. 101], многие задачи требуют более глубоких исследований [3, с. 148].

В нашей стране в городах живет большая часть населения, на настоящий момент их 1112. При этом из них две трети постоянно теряют свое население, наблюдается сокращение малых городов, переток населения из них в крупные, а из крупных городов — отток населения за границу.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта 18-010-00974 А «Разработка модели управления ресурсным потенциалом территорий».

В этой связи проблема улучшения качества городской среды с учетом всех аспектов: экономических, экологических, социальных — будет требовать все более активных действий и новых решений, занимая особое место в комплексном планировании развития территорий.

В последние годы развитие городской среды рассматривается как национальный приоритет нашей страны. В качестве примера можно упомянуть указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204, согласно которому должны создаваться механизмы комплексного развития городов на основе специального индекса качества городской среды. Этот индекс был разработан КБ «Стрелка» и включает в себя 30 индикаторов (оценку шести типов городских пространств по пяти критериям). Все российские города были оценены согласно этой методике, выявлены проблемные зоны, предложены улучшения.

Известно, что традиционная экономическая теория не учитывает положительные и отрицательные внешние эффекты, которые имеют место по причине взаимодействия экономического, экологического и социального аспектов города. Положительные экстерналии возникают, когда наблюдается эффект масштаба: становятся более доступными социальные услуги (прежде всего образование, медицина), повышается вероятность занять достойное место на рынке труда. Отрицательные экологические экстерналии имеют место при укрупнении городов (это увеличение вредных выбросов, загруженность дорог, возникновение социальных конфликтов). Отсюда возникают флуктуации на рынке труда, наблюдаются банкротства, отток инвестиций.

В странах Западной Европы проблемы городского планирования начали исследоваться достаточно давно, за это время был накоплен полезный опыт, применимый в России. Все планировочные, экономические и социальные мероприятия пересекаются с экологическими мероприятиями в принятии решений, они одновременно подбираются и воплощаются. Сложности управления городскими территориями требуют адаптивных мер в условиях постоянно изменяющихся интересов, знаний и обстоятельств. При реализации проектов необходима оценка «ex ante» (до осуществления), принимающая во внимание экологические мероприятия и цели устойчивости. Также необходима оценка «ex post» (после осуществления): положительные и отрицательные эффекты мероприятий должны быть документированы и проанализированы. Необходимо адекватная система мониторинга, которая способствовала бы информированности лиц, принимающих решения, о текущей ситуации, обмену мнениями, чтобы устойчивое городское управление осталось долгосрочным и непрерывным процессом. Также необходимо постоянное вовлечение всех заинтересованных лиц в разработку и принятие решений.

В качестве примера можно привести ситуацию в г. Апелдорне (Нидерланды), когда организованной в группы местной общественности было предложено самостоятельно изобразить картографические планы, согласно которым должна проходить реконструкция района. Проект помог выявить точки соприкосновения, а также потенциальные конфликты между всеми заинтересованными лицами.

Итак, в настоящее время перед обществом стоит задача сделать российские города не просто пригодными для жизни, а особенными территориями, имеющими свою идентичность и которые не хотелось бы покидать, где людям было бы комфортно работать и жить. От этого во многом зависит наше будущее, то, насколько устойчивым и благополучным оно будет.

Литература

1. *Бобылев С. Н., Кудрявцева О. В., Соловьева С. В.* Индикаторы устойчивого развития для городов / Экономика региона. 2014. № 3. С. 101–109.
2. *Alekseeva I. S., Kudryavtseva O. V., Menshikh D. A.* Greening as an Element of Sustainable Urban Development: Valuation of Economic Feasibility, Policyassessment and Practical Examples // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Агрономия и животноводство, издательство РУДН (М.). № 4. 2016. С. 51–62.
3. *Bobylev S. N., Kudryavtseva O. V., Yakovleva Ye. Yu.* Regional Priorities of Green Economy // Экономика региона. 2015. № 2(42). С. 148–159.

В. Е. Мельченко
к. геогр. наук, доцент,
Московская государственная академия
водного транспорта
Россия, Москва

Трансформация сакральности труда: от русской культуры к советской и до корпоративной в условиях глобализации

В русской культуре отмечалась сакральность труда как одна из ключевых ценностей (у Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, философа Н. Ф. Федорова). Н. Ф. Федоровым отмечается значимость духовной, сакральной составляющей общественного труда в работе «Философия общего дела» [7]. В работах русских писателей, поэтов, художников воспевался общественный труд, как священный акт.

Значимость общественного труда в развитии цивилизации отражал в своих работах Д. И. Менделеев: «Не деньги, всем векам известные, а со-

зидающий и природу покоряющий усиленный и всеобщий труд составляет истинный девиз современного просвещенного мира» [6, 92].

О сакральном характере труда классически выразил Ф. М. Достоевский словами Шатова в «Бесах»: «Добудьте Бога трудом; вся суть в этом, или исчезнете, как подлая плеснь; трудом добудьте» [3, 256]. При этом формировались и новые формы сакральности — святости общественного труда и старые, корневые — отношение к Родине.

В советский период идеи энтузиазма, героизма (формы сакральности) общественного труда представляются ключевыми в идеологии государства. «Особенностью социалистического государства является героический труд рабочих, крестьян и советской интеллигенции» [2]. Значимость героического труда была особенно высокой в период Великой Отечественной войны.

В фазу технологического уклада оказалось, что технократический подход недостаточен. Хотя недостаточен и подход с позиции только энтузиазма. Период так называемых «Косыгинских реформ», вводящий (переходящий) на механизм материальной заинтересованности и получения прибыли, послужил одним из ключевых условий распада идеологической системы государства.

В современной социально-экономической ситуации произошла трансформация приоритетов: от приоритетов государственных к частным и корпоративным. В России произошла замена идеологии и культуры общественного производительного труда на идеологию потребительства. На уровне общности наблюдается замена традиционной культуры труда на корпоративную культуру труда с приоритетом корпоративных интересов, характерная для западной цивилизации. Появляются особые религии (секты) корпоративной идеологии [5], чуждые русской.

Сакральность труда трансформируется до техники управленческих манипуляций [8], форм псевдорелигиозных сект в виде сайентологии. Возникновение таких техник основывается и на потребностях в сакральности и общественном смысле труда, большем, чем просто получение прибыли. Только цели несколько иные — в интересах получения дополнительной финансовой прибыли и власти над людьми.

Как ни парадоксально, в современных условиях эффективно используется как механизм управления — мифологизация. Особенно эффективно такой механизм работает в современных условиях виртуализации и мифологизации мира [1].

Можно согласиться, как обозначено в технократической работе [4]: «Остро стоят задачи формирования новой шкалы престижности, психологии созидательства, атмосферы честной конкуренции умов, личностей, коллективов, воспитания “креативности”, “энтузиазма масс”».

Литература

1. Ален де Бенуа. Жан Бодрийяр. Взгляд справа. / пер. с фр. А. Игнатьев. Опубликовано в «Нувель эколь», 2008. [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 10.10.2015).
2. *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
3. *Достоевский Ф. М.* Бесы: СПб.: «ИД “Азбука-классика”», 2008. 704 с.
4. *Казеннов С. Ю., Кумачев В. Н.* Технологическая модернизация РФ: особенности «МОБСЦЕНАРИЯ» // [Электронный ресурс]. URL: http://vpk.name/news/124567_tehnologicheskaya_modernizaciya_rf_osobennosti_mobscenariya.html (дата обращения: 10.10.2016).
5. Кунде Йеспер. Корпоративная религия. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 272 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.management.com.ua/marketing/mark224.html>. (дата обращения: 20.10.2018).
6. *Менделеев Д. И.* Толковый тариф. Два письма Николаю II. [Электронный ресурс]. URL: https://bookol.ru/nauka_obrazovanie/ekonomika/205882/str92.htm#book (дата обращения: 20.10.2018).
7. *Федоров Н. Ф.* Собрание сочинений: в 4 тт. / Сост., подготовка текста и ком. А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновы. М.: ИГ «Прогресс», 1995. Т. I. 518 с.
8. *Шедровицкий Г. П.* Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. М.: Изд-во студии Артемия Лебедева, 2014. 480 с.

К. В. Молчанов

*д.ф. н, к.э.н., к. соц.н.,
старший научный сотрудник
МГУ им. М. В. Ломоносова,
Экономический факультет,
лаборатория философии хозяйства
Россия, Москва*

**О частных исследованиях по теме «Стоимость.
Экономика. Создание и развитие экономики России.
Развитие России и возможность ее перехода
в качественно новую цивилизационную фазу.
Особый социальный эон диалектики этого мира»**

Частные исследования проводятся не только в США, но и в современной России (речь идет не об исследованиях в частных университетах и корпорациях и не о стартапах, а о фундаментальных исследованиях

частных лиц). Такого рода исследования вызваны различными причинами, в том числе консерватизмом и недостаточной мобильностью государственных и корпоративных структур.

Одними из таких исследований являются наши частные исследования на основе диалектики, и одной из их тем является тема, указанная в названии этой статьи.

Они базируются на фундаментальных диалектических положениях, но которые по многим причинам не любя наукам, ибо оказываются чуждыми и не понятными им, причем в смысле как осязаемой эфемерности укоренившегося несостоятельного варианта перевернутой Марксом диалектики [3, т. 23, с. 21], так и используемой в науках логики, содержание которой было удостоено Гегелем презрения еще 200 лет назад [1, с. 30], а ведь от применяемой логики в любых рассуждениях зависит практически все. В частности, одним из важнейших положений является то, что в науках нет определения *суждения* [4], без которого невозможны *умозаключения* и *обоснованные выводы*, — появляются лишь противоречащие друг другу *мнения*. Да и сама диалектика понимается в науках по-разному: от диалога и некой формы мышления до теории познания... марксизма [2, с. 321] и некоего всеобщего учения. Более того, существенны устойчивые негативные стереотипы, например, так называемые «законы» диалектики, которые выдумал, но не обосновал Ф. Энгельс, поэтому-то и был вынужден указать, что эти «законы» якобы развиты Гегелем [3, т. 20, с. 384], но ссылок не привел, и никто еще не привел (этот порочный стереотип очень устойчив и пронизал российское мышление практически полностью).

Таким образом, первой из особенностей, определяющих основу наших исследований, является истинная диалектика — диалектика по Платону и Гегелю, а второй — развитая логика, отвергшая обыкновенную логику, применяемую в науках. Эти особенности отражают гносеологический и методологический аспекты наших исследований.

Другого вида особенности связаны с исследованием предметных вопросов.

Одним из основных из них является понимание существа товарного обмена (клеточки буржуазного общества, как написал В. И. Ленин [2, с. 318]) — товара, сутью которого является объективная возможность обмена, или стоимость. Однако стоимость даже концептуально не определена ни Марксом, ни в современной экономической науке, да и не может быть определена в них [5]. Отсюда — вытекающие, не менее важные проблемы с определением денег, цены и т.д., да и самого капитала, который считается самовозрастающей стоимостью. Однако еще более важным является отсутствие в современной экономической науке понимания *экономического* [8, с. 4] и определения экономики [7], что уже признается

отдельными учеными. А в современных диалектических исследованиях понимание экономики базируется на осмыслении диалектики духа на основе нашего развития труда Гегеля «Феноменология духа», в котором, в частности, были определены два новых (не указанных Гегелем) феноменологических образа духа, одним из которых является *то*, что во внешней его ипостаси обычно понимают в качестве экономики (см., напр., [6]). При этом понимание развития духа как национального (*здесь*: российского) духа в одном из его феноменологических образов (*здесь*: экономика) позволяет говорить о перспективах и возможностях развития страны, в том числе в рамках новых общественно-экономических форм, одной из которых является открытая нами, наиболее эффективная в настоящее время форма — индустриальное социальное общество (это наше открытие было в 2016 г. удостоено премии в конкурсе по Программе развития МГУ).

Понимание развития России приводит к осмыслению более общих вопросов цивилизационного развития.

Особенности третьего вида связаны с реальной российской бизнес-практикой, содержание которой вживую практически не знакомо ученым-экономистам, поэтому они не имеют очень важных сведений для понимания и исследования экономики России (эти вопросы ярко высветились в кратком диалоге Л. Ипсен (Microsoft) и В. Мау (РАНХиГС) на ПМЭФ в 2013 г.).

Есть и иные особенности, также группируемые по соответствующим признакам.

Наиболее важным положением наших исследований является осмысление развития России, неразрывно связанного с изучением вопросов развития цивилизации и исторических перспектив, причем в различных ракурсах: и в плане экономики, и в плане духовности, и в плане российского стратегического выбора, и в плане вообще развития и будущего цивилизации.

Таким образом, в обозначенном направлении наших частных исследований речь идет, используя слова из анонсирования международной научной конференции «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия» (МГУ), об *игре России с самой собою, о ее выборе, причем России как особенного мира, мало того — судьбоносного мира, именно для чего нужно оценить ходы России в незримых теснинах политического, экономического, технологического и геостратегического...*

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Соч. в 14 т. Т. 5. М.; Л., 1937.
2. Ленин В. И. ПСС. Т. 29. М., 1963.

3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955–1974..
4. *Молчанов К. В.* О некоторых из проблем научного понимания и определения суждения // *Философия хозяйства.* 2016. № 2 (104).
5. *Молчанов К. В.* О категориальной недоопределенности стоимости // *Философия хозяйства.* 2016. № 3 (105).
6. *Молчанов К. В.* Политико-экономические начала неэкономической идеи: диалектическое осмысление современной экономики как другой капиталистической экономики (некоторые положения, обусловленные продолжением труда Гегеля «Феноменология духа») // *Философия хозяйства.* 2017. № 1 (109).
7. *Молчанов К. В.* Проблема невозможности определения экономики в существующей экономической науке // *Философия хозяйства.* М., 2017. № 6 (114).
8. *Радаев В. В.* Еще раз о предмете экономической социологии // *Социологические исследования.* 2002. № 7.

А. А. Погребняк
к.э.н., доцент кафедры
проблем междисциплинарного синтеза
в области социальных и гуманитарных наук,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, Санкт-Петербурге

Русская идея, распределенное знание и категории новой политической этики

В философском контексте размышления о сегодняшнем положении России в мировом раскладе сил очевидным образом возвращают нас к проблематике «русской идеи». Идея — это смысловая рамка, трансцендентальное условие понимания того, что фактически происходит. Обычно мы пытаемся связать идею с тем или иным конкретным содержанием, в той или иной мере очевидным для размышляющего субъекта. Но гораздо важнее понять идею как определенную форму распределения знания между множеством потенциальных субъектов — форму, которая сама в свою очередь способна становиться содержанием нашей рефлексии.

Дело в том, что существует традиционное представление об идее как о форме иерархического распределения знания, где главным оператором является принцип трансцендентности, связанный с введением кода доступа к наиболее важной, «сущностной» информации (например, непознаваемый характер Единого у платоников, исключительность

которого задает всю иерархию сущих). Но, как показали Жиль Делез и Феликс Гваттари, в современном капиталистическом мире трансцендентные коды взламываются и затем заменяются имманентной (денежной, экономической) «аксиоматикой»; при этом, однако, трансцендентная инстанция реактивируется и создает своеобразную форму видимости, фабрикуя фиктивного субъекта [2, с. 351–413]. Это заключение как нельзя более точно описывает положение дел в современной России — как сказал Митчелл Дин в интервью Александру Бикбову, «если мы обращаем внимание только на “традиционные” этатистские и связанные с суверенностью элементы, как, например, в случае с Россией, то упускаем то, в какой степени здесь практикуются те же неолиберальные реформы и технологии в социальной и культурной политике, здравоохранении, социальной защите и образовании» [3, с. 577].

По этой причине можно предположить, что сегодня «русскую идею» следует связать с иной формой распределения знания, а именно с той, которая способна адекватно выразить принцип имманентности, направленный против союза неолиберальной «аксиоматики» и деспотического (этатистского, традиционного) «кодирования». В докладе будет сделана попытка показать, как именно функционирует подобная форма и какие конкретно категории политической этики из нее следуют. В отечественной интеллектуальной традиции концептуальным персонажем, в котором было впервые воплощено и предвосхищено такое понимание идеи — это, возможно, Акакий Акакиевич Башмачкин из повести Гоголя «Шинель» (который в чем-то подобен, а в чем-то нет своему заокеанскому «брату» Бартлби из повести Германа Мелвилла «Писец Бартлби», который часто рассматривается как выразитель «американской идеи» [см. напр., 1, с. 96–124]).

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-511-00018 Бел_а.)

Литература

1. Делез Ж. Критика и клиника. СПб.: Machina, 2002. 240 с.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
3. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016. 592 с.

Т. И. Пороховская
канд. филос. наук, доцент,
доцент кафедры этики
философского факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова
Россия, Москва

Образ глобальной этики как образ будущего мира

В основе любого общественного порядка лежит представление о желаемом социальном устройстве, определенная модель справедливости. В общих чертах она складывается в нравственном сознании в ответ на моральное неприятие, ощущение несправедливости существующего общественного устройства, а затем прорабатывается и обосновывается в философии, после чего конкретизируется в политологии и праве. Проект «всемирного гражданского состояния» как прообраз справедливого международного порядка без войн был создан И. Кантом в его трактате «К вечному миру» [1]. С тех пор ни одна философская дискуссия об образе будущего мирового устройства не обходится без обращения к этой работе. Глобальная этика — это образ желаемого будущего мирового устройства, система моральных, идеологических ценностей глобализирующегося мира и их философское обоснование.

После превращения США в единственную доминирующую мировую державу стратегами США был создан проект нового мирового порядка под эгидой *Pax Americana* как безальтернативного. В соответствии с ним развитый Запад с его высокими стандартами жизни и передовыми достижениями в науке должен выполнять просвещенческую и модернизаторскую миссию в отношении менее развитых стран, быть эталоном для населения этих стран. Однако на деле глобализация привела не столько к выравниванию экономик и социокультурного поля стран с разным уровнем развития, сколько к подтягиванию уровня притязаний населения слаборазвитых стран к стандартам жизни высокоразвитых. Оказалось, что «авангард» не столько приобщает, сколько соблазняет и развращает, насаждая у своих адептов иллюзорное, утопическое сознание, основанное на нереалистических ожиданиях» [2, с. 197]. Глобализация обострила конкуренцию, которая имеет не только положительные, но и негативные последствия (утрата контроля над политикой, регресс права и демократии, войны, безработица, миграция, вред окружающей среде и др.). Такой образ будущего мира устраивает далеко не всех, поэтому на той же неолиберальной основе были предложены и другие проекты глобализации.

О. Хэффе предлагает выстраивать отношения между государствами по модели демократического государства, как «всемирную демократию, базирующуюся на принципах прав человека и на разделении властей»

[4, с. 460]. Политика глобализации, по его мнению, вместо того чтобы подчинять себя рыночным силам, должна поставить задачу подчинить эти силы социальным, нравственным, единым экологическим критериям. Идея всемирной демократии, или всемирной республики, направлена как против претензий могущественных держав на особые гегемониальные права, так и против вытеснения политики рыночными отношениями. Глобальный рынок, по Хеффе, следует выстраивать аналогично тому, как строятся рыночные отношения в современном государстве. ООН в настоящее время выполнить эту задачу не может, поэтому, считает О. Хеффе, необходимо создать новую организационную структуру, которая должна строиться снизу вверх, по демократическим правилам — от граждан и отдельных национальных государств к континентальным и другим обширным региональным образованиям (типа Европейского союза), а далее — к всемирной федеративной республике.

Ю. Хабермас считает ошибочной и утопичной модель демократического союзного государства в формате мировой республики (см. [3, с. 123]). Он возвращается к идее И. Канта о всемирном гражданском состоянии. Кант предлагает превратить международное право во всемирно-гражданское право индивидов, которое должно быть конституционализировано в форме конституции всемирной республики. Ю. Хабермас воспринимает кантовскую идею децентрализованного мирового сообщества, но представляет его как «многоуровневую систему, которая *в целом* лишена государственного характера» [3, с. 125]. В отличие от Хеффе, он считает возможным использовать ООН как механизм координации межгосударственных интересов, но в реформированном виде, поскольку произвол сверхдержавы маргинализировал ООН. На супранациональном уровне ООН могла бы выполнять функции по обеспечению мира и осуществлению прав человека. На среднем, транснациональном уровне крупные политические игроки могли бы разрабатывать сложные проблемы мировой внутренней политики, мирового хозяйства и экологии. И «тылом» процессов, происходящих на двух высших уровнях, являются практики демократического волеизъявления и свободного обмена мнениями, которые могут быть реализованы во всей полноте только в конституционных государствах [3, с. 131].

Литература

1. *Кант И.* К вечному миру. Философский проект // *Кант И.* Собр. соч. в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 5–56.
2. *Панарин А. С.* Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 416 с.
3. *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008. 192 с.
4. *Хеффе О.* Видение: всемирная федеративная республика // *Политическая философия в Германии: Сб. ст. Изензее Й. и др.* Современные тетради, 2005. С. 457–470.

С. П. Рамазанов

*д.ист.н., ведущий научный сотрудник,
Волжский филиал Волгоградского
государственного университета
Россия, г. Волжский*

Российская геополитика: пока на часах не упадет флажок

Исторические и политические аналогии несут в себе известную опасность прямолинейных выводов. Но при всем том сравнение геополитической тактики и стратегии с характером шахматной игры, несомненно, способствует осмыслению направлений и результатов геополитики.

После энергичного — хотя и не без просчетов — дебюта 2014 г., связанного с духовным подъемом народа, с преодолением большевистской практики раздачи национальных территорий, Россия вступила в стадию, обозначаемую в шахматах как миттельшпиль.

Для успешного завершения партии в ее середине решаются задачи, во-первых, захвата центра, во-вторых — завоевания открытых линий. Захват открытых линий при поддержке центра обеспечивает успешность борьбы. А владение центром позволяет организовывать оборону при вынужденных отступлениях.

Со второй задачей, в определенной мере, России удавалось справляться: в обеспечении жизнедеятельности и взаимосвязи с Крымом, в демонстрации подъема вооруженных сил, в отношениях с рядом стран Востока. Однако задача захвата центра игры, состоящая в подъеме экономического развития страны, прорыве в этом развитии, Россией пока не решена. Декларируемый «прорыв» в развитии выразился в рывке цен на горюче-смазочные материалы и повышении налога на добавленную стоимость, которые ослабляют стимулы к развитию производства. Вместе с тем ряд открытых линий, например, информационная, во многом остается за Западом.

Российские игроки долго размышляют над своими ходами. И если сравнивать современную политическую, военную, экономическую, идеологическую игру с серединой шахматной партии, которая ведется с часами, с равным временем для каждого партнера, то длительное размышление может не привести к выигрышу или даже ничьей, поскольку просто упадет флажок на часах.

Л. И. Ростовцева

д. социол.н., доцент, профессор,

Тульский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова

Россия, Тула

Проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» и книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...»: геостратегический аспект

Сегодня, в условиях растущей международной конфронтации, имеющей не только военное, но и экономическое, информационное, политическое, социологическое измерения, против России используются различные методы — вводятся экономические санкции, СМИ манипулируют общественным сознанием, представляя ложную информацию и замалчивая реальные факты, через социальные сети ведутся кибервойны — блокируются интернет-источники, атакуются стратегически важные системы контроля и управления военными и гражданскими объектами. Изменяется тактика классических боевых действий — они переносятся на территории других государств, где создаются и поддерживаются экстремистские вооруженные формирования.

В соответствии с западной геополитикой, отождествляющей Запад с цивилизацией Моря, Россия принадлежит цивилизации Суши; более того — ей отводится ведущая стратегическая роль в мире. По словам классика геополитики Дж. Маккиндера, Россия — это Heartland («Центральная земля»), от которой зависят безопасность и суверенность всего континента, а ее бескрайние просторы — «Географическая ось истории». Главная же задача англосаксонской геополитики — не допустить образования стратегического континентального союза вокруг этой оси, оторвать от нее максимальное количество береговых пространств и поставить под влияние «островной цивилизации» [1, с. 13–15; 2]. Этот вывод, прозвучавший еще в 1904 г., объясняет и распад СССР, и события после 2014 г., когда Крым был присоединен к России, и усиление противостояния, нападки, которые не укладываются в голове русского человека, знающего свою историю.

Как известно, математическая «формула» геополитики несложна: «геополитика = политика + история + география». Лучшему ее сущностному усвоению, пониманию явных и скрытых методов ведения смешанной войны способствует проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», реализуемый с 2009 г. Тульским филиалом РЭУ им. Г. В. Плеханова, Центром общественных наук МГУ имени М. В. Ломоносова и межрегиональной общественной организацией «Историко-просветительский центр “Преемственность”» при поддержке правительства Тульской области. В рамках проекта издана серия книг воспоминаний и размышлений по-

колений «Мы помним...» о военном и послевоенном (до 1953 г.) времени [3]. Готовится пятая книга «Мы помним ту страну, в которой жили» о советском прошлом до распада СССР. В четырех книгах (шести томах) опубликованы эссе, очерки, материалы из семейных архивов более 800 авторов от 8 до 99 лет из России и девяти стран мира, в основном наших соотечественников. История страны показывается через судьбы людей, историю их семьи и рода. О работе над созданием народной истории с ее светлыми и темными сторонами мы писали неоднократно. Сегодня эта идея получила широкое распространение в России — ее востребованность в обществе, подтверждается проектом «Бессмертный полк», издаваемой с 2016 г. Институтом экономических стратегий РАН серией книг «История, рассказанная народом», многочисленными региональными и местными изданиями.

В наших книгах можно найти факты, важные с геостратегической точки зрения, — для научного анализа ценностного кода людей разных времен и поколений, их поведения и мотивации героических поступков в различных ситуациях и военных действиях. Информация о пространстве Родины, ее святынях, культуре, науке, экономике имеет важное образовательное и воспитательное значение. Образец для подражания — люди, создающие оружие, выдающиеся конструкторы, ученые, полководцы, известные не только в России, но и в мире. Главное в книгах — это правда «из первых уст» о несгибаемом духе и воле к победе *самих* героев или их *потомков*, которая укрепляет внутренний стержень каждого из нас. Это прививка от всякого рода фальсификаций.

Внутренние угрозы несет с собой общество массового потребления. Но прозрение наступает — появляются разочарование в гедонистических ценностях и новый взгляд на аскетичность культуры как вектор развития. Дуншифтинг, цифровая экономика сигнализируют об этом. А в книгах поколений «Мы помним...» много достойных примеров аскетичного поведения героев и подвижников, дающих пищу для размышлений о будущем.

Литература

1. *Стариков Н.* Геополитика: как это делается. СПб.: Питер, 2015. 388 с.
2. *Дугин А.* Основы геополитики. М.: Арктогея, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://textarchive.ru/c-2543593-pall.html> (дата обращения: 28.10.2018).
3. Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений /под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула, 2010, 2012, 2015, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.preemstvennost.net/kniga-my-pomnim> (дата обращения: 08.10.2018).

С. С. Слепаков
*д.э.н., профессор,
кафедра экономики, менеджмента и
государственного управления
Института сервиса,
туризма и дизайна (филиал),
Северо-Кавказский федеральный университет
Россия, Пятигорск*

Стагнирующее хозяйство и отсутствие стратегии опережающего развития в современной России

Нарастающее отставание России от передовых стран в инновационном развитии в условиях существенных геополитических и технологических перемен в глобальной хозяйственной системе обусловлено неэффективностью политики правительства РФ по исправлению ситуации («догоняющая» политика не догоняет, а социально-экономическая система хронически отстает). Критический подход к «либеральной» стратегии научно-технологического развития России исходным моментом имеет указание на приоритетную необходимость обеспечения соответствия стратегии научно-технологического развития России ее национальной стратегии социально-экономической системы.

Исходным и приоритетным подходом к определению стратегии в современной России служит ориентация на прогнозы развития мировых трендов. Данный «модернизационный» подход теоретически и методологически не обоснован, поскольку характеризуется оторванностью стратегии от российских социально-экономических реалий.

Определяющая роль экзогенных, внесистемных факторов — гарантия не только низкого качества национального стратегирования, но и отсутствия самой возможности его успешной реализации. В подобной методологии видится несоответствие современной российской практики системным требованиям стратегического планирования и управления. Просматривается не только не институциональная ловушка, но, возможно, и намеренно внедренный в национальную экономику институт деструкции.

В качестве опорных моментов формирования социально-экономической стратегии следует принять отрасли и кластеры российской промышленности, обладающие качествами научно-технологического превосходства, продуцирующие прорывные технологии и производства, интегрированные во все подсистемы экономики и общества.

Причины несоответствия национальных стратегий реалиям национально-хозяйственного развития состоят в отрыве процесса их целеполагания от потенциала и взаимообусловленности элементов структуры

экономики и общества. Выбор приоритетов в научно-технологических стратегиях РФ должен происходить на основе адекватных представлений об инструментах становления конкурентоспособной наукоемкой технологичной экономики.

Изначально, в качестве приоритетно-значимого направления научно-технологического развития межотраслевого (междисциплинарного) комплекса было принято обеспечение безопасности, экономического роста, конкурентоспособности национальной, макроэкономической системы за счет развития технологической базы экономики и наукоемких производств. Однако, в дальнейшем произошло «переключение» понятия о стратегических приоритетах на развитие «сквозных технологий», способствующих созданию новых рынков и охватывающих сразу несколько приоритетных сфер науки и техники, придание приоритетам прикладного характера, нацеленности на решение комплексных научно-технических и технологических проблем и ориентированности на конечный результат, способный стать инновационным продуктом для новых рынков.

И далее, в Стратегии до 2035 г., приоритеты уже были всецело сориентированы на мировые тренды. Стратегические решения, находящиеся в жестких рамках неоклассической теории, не соответствуют ни современной международной практике выхода стран из кризиса, ни целям перехода к прогрессивному развитию стагнирующей макрохозяйственной системы.

Выбранные в Стратегии 2035 приоритеты расходятся с реальными проблемами российской экономики, ориентированы главным образом на интересы западных и восточноазиатских партнеров, определены без учета внутренних угроз и проблем, с высокой вероятностью применения неполной и недостоверной информации, с неопределенностью субъектов научно-технологического развития, роли государства в поддержке НТП, его функций, задач, ответственности.

Особого внимания заслуживает позиция недопустимости применения механизмов либеральной политики развития науки и образования на основе рыночных отношений. Специфика данных отраслей характеризуется производством общественных полезных благ. Приоритетное регулирование образования и науки на основе конкурентно-рыночных подходов и методологии ведет отрасли к деградации.

В качестве теоретического базиса построения стратегии научно-технологического развития продуктивно применение положения системно-интеграционной парадигмы экономики и концепции системного стратегического планирования в рамках системной теории экономики, развиваемой В. Н. Лившицем и членом-корр. РАН Г. Б. Клейнером. Речь идет о первостепенной значимости учета в процессе стратегического планирования сущностных черт национального хозяйства, истории страны, а также факторов ее ментальности и культуры.

С системных позиций критерием выбора направлений стратегического развития должны быть национальные интересы и стратегическая значимость планируемых изменений для благополучия общества, устойчивости и сбалансированности экономики.

И. Ю. Фомичев

д. социол.н., профессор,

Тюменский индустриальный университет

Россия, Тюмень

Этнокультурные аспекты арктического освоения

Весьма существенными в процессе арктического освоения представляются этнокультурные аспекты, которые отражают особенности становления и функционирования наличных нравственных отношений в культуре аборигенного населения, в том числе представителей коренных малых народностей севера. Всемирной истории известны примеры нового освоения, когда в результате этого процесса коренное население практически полностью истреблялось. Так происходило в Африке, Северной, Центральной и Южной Америке и прилегающих островах. В России традиционно доминировала другая ценностная парадигма нового освоения, когда коренное население не истреблялось более развитыми в промышленном и военном отношении первопроходцами, но постепенно приобщалось к иноверческой религии и культуре.

Моральные представления людей не универсальны, как, в частности, выяснилось (или подтвердилось) в процессе освоения новых земель, а зависят в том числе от региона проживания людей. Сущность человека дуалистична: как моральный субъект (в отличие от других существ) он автономен, свободен от внешней среды, но как природное существо он неизменно воспроизводит свою жизнь в соответствии с тем, насколько он смог адаптироваться в ней. Природная доминанта растворяет моральность во всем сущем, в какой-то степени детерминирует ее. Может быть, именно это отражается в общеизвестной фразе, приписываемой Б. Паскалю, что «вопрос нравов — это вопрос географической широты».

Предварительные итоги промышленного освоения арктических территорий в России показывают, что государственные и корпоративные пришлые промышленные структуры в соответствии с законодательством поддерживают и даже в определенном смысле повышают уровень жизни аборигенного населения. Рост жизненных потребностей автохтонов в настоящее время уже не может быть удовлетворен традиционными способами производства и воспроизводства жизни. Поэтому работающими в регионе индустриальными организациями строится жилье для

представителей северных народностей, налажено снабжение рыбаков, охотников и оленеводов продовольственными и другими товарами, соответствующей техникой и горючим, выплачиваются определенные законом компенсации.

При этом неизбежно меняется этнокультурный контекст жизни коренных арктических народов, где можно обнаружить отдельные характерные черты, которые обнажают проблему естественных прав народов как нечто актуальное, но неопределенное и экзистенциальное. Промышленное освоение арктического пространства неизбежно и разрушающе модифицирует традиционную окружающую среду, нарушает экологические стандарты рыболовецких территорий и нерестилищ, деформирует веками отлаженную жизнь охотничьих угодий, пересекает «нахоженные» и по-своему обустроенные маршруты кочевания и оленеводческие пастбища, затрудняя или уничтожая условия традиционного жизнеустройства. Космос, в который самотрансцендируется автохтон, репрезентируется для него «небом», «тундрой», «рекой», «тайгой», ценностями патриархальной космологической морали. Онтология пришлого населения так или иначе, в той или иной степени сводится к «недрам».

Таким образом возникает и укрепляется в дискурсе коренного населения противопоставление «своих», т.е. тех, кто традиционно ведет патриархальный образ жизни, и «чужих», представителей индустриальной цивилизации, обозначающих своей жизнедеятельностью предел антропологического существования арктического аборигена, за которым он превращается в функционера общественного хозяйства, ориентированного не на символы патриархального культа, а на ценности доминирующего социума. Весь реальный этнографический антураж: быт и бытовые принадлежности, различная своеобразная техника и орудия труда, традиции и обычаи, фольклор и т.п. — постепенно перемещается в этнографические заповедники и музеи.

Такова обычная практика нового освоения арктических территорий, где можно выделить, с одной стороны, серьезные затруднения, которые испытывает местное население в адаптации к вновь возникшим на их территории условиям и обстоятельствам, а с другой стороны, с течением времени все более очевидный отход от собственной традиционной культуры, в которую был укоренен быт его предков. Как свидетельствуют многочисленные социологические исследования, проведенные среди жителей арктических регионов Тюменской области, сегодняшнее молодое поколение национальных меньшинств гораздо менее приобщено к ценностям родной культуры, чем их родители. В то же время органично интегрироваться в индустриальную среду аборигенам не позволяют недостаточный (как правило) образовательный уровень, профессиональная

квалификация и даже особенности менталитета. То есть представители коренного населения, в большинстве своем, оказываются не востребованы в качестве полноценных субъектов промышленной цивилизации. В культурно-этническом аспекте новое освоение представляет собой неорганичное взаимодействие противоречивых культурных парадигм, в результате которого происходит неизбежная трансформация одной идентичности под приоритеты другой, более мощной и агрессивной.

Современная ситуация освоения Арктики в чем-то напоминает ситуацию эпохи великих географических открытий, когда выявилось разнообразие и ценностная подвижность моральных отношений в различных (в том числе вновь открытых в то время) географических регионах нашей планеты. В связи с этим в науке (в антропологических и социальных исследованиях) актуализировались задачи теоретического описания образа жизни северных народов, их культуры и обычаев, практики складывающегося взаимодействия аборигенного и пришлого населения, а главное — перспектив дальнейшего развития этого взаимодействия. Какими будут последствия нового освоения Арктики, станет ли она жертвой индустриально-технологической интервенции или через разумное хозяйствование достигнет благополучия и процветания, определяется в наши дни и нашими современниками.

О. В. Хмыз

к.э.н., доцент,

доцент кафедры международных финансов,

Московский государственный институт

международных отношений

Россия, Москва

Стратегические направления институционализации финансового сектора российской экономики

К настоящему времени российская экономика и финансовая система уже прошли процесс становления, однако говорить о достаточной степени их развитости пока не приходится. Более того, геэкономические вызовы сдерживают поступательный ход развития и, во избежание откатов, заставляют искать новые пути преодоления проблем, в том числе с помощью внутренних ресурсов. Опыт развивающихся и даже развитых стран показывает, что таковыми нередко становятся финансовые ресурсы институциональных инвесторов, прежде всего инвестиционных и пенсионных фондов. Постепенно они же становятся стратегическими направлениями институционализации финансового сектора и российской экономики.

Состояние российской пенсионной системы в настоящее время, действительно, можно определить именно как миттельшпиль — основополагающие положения отхода от патерналистской системы сформированы (еще в 1990-е гг.), необходимая правовая база подведена в начале 2000-х гг., сейчас начался новый — корректирующий этап. Внесенные в 2018 г. изменения, по-разному оцениваемые экспертами, должны привести к снижению нагрузки на государственный бюджет и повышению пенсионной обеспеченности граждан, поскольку удлинение рабочего периода означает автоматическое увеличение отчислений в соответствующие фонды. Как известно, в рыночной экономике пенсионные фонды, располагая значительными и «длинными» финансовыми ресурсами, способны оказывать стимулирующее воздействие не только на финансовый сектор, но и на реальный.

Традиционным источником финансовых средств является банковская система. Однако и у нее множество проблем — начиная от санкционных (выливающих в том числе в сдерживание активности иностранных банков) и заканчивая внутренними проблемами, в том числе недостаточной эффективности, приводящими к регулярному уменьшению количества банковских учреждений в стране. Следовательно, в российской банковской системе также отмечается миттельшпиль — этап становления пройден, началась борьба за качество. Теперь к кредитным организациям предъявляются повышенные требования — и к размеру собственного капитала, и к гарантированности операций, и к защите прав вкладчиков. Понижение рискованности банковской деятельности в целом должно привести к наращиванию устойчивости всего финансового сектора.

Альтернативой банковским финансовым ресурсам (что также не противоречит мировым тенденциям дезинтермедиации) становятся инвестиционные фонды. Наиболее развиты в РФ паевые инвестиционные фонды, характеризующиеся доступностью для рядовых граждан (прежде всего в силу финансовых требований к инвестициям) и сравнительной распространенностью. Их значение важно, поскольку способствует не только привлечению дополнительных ресурсов на финансовый рынок, но и повышению финансовой грамотности населения ввиду упрощенных способов работы с ними.

В целом, усиление роли на финансовом рынке и повышение значимости институциональных инвесторов для российской экономики, впрочем, не слишком отличающиеся от общемировых тенденций, несомненно, будут способствовать их развитию, невзирая на перипетии геоэкономической и геофинансовой ситуации.

И. Ю. Ховавко
д.э.н., доцент,
ведущий научный сотрудник,
экономический факультет
МГУ им. М. В. Ломоносова
Россия, Москва

Конфликтогенный потенциал Байкала¹

Включение озера Байкал в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в 1999 г. создало новые вызовы для системы регионального хозяйственного управления. Международный статус озера предполагает разработку для него единой системы управления и единого юридического поля. В соответствии с этим в 1999 г. был принят Федеральный закон № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал». На Байкальской природной территории были выделены 3 экологические зоны: 1) центральная экологическая зона (ЦЭЗ), 2) буферная экологическая зона и 3) экологическая зона атмосферного влияния. Наибольшие ограничения коснулись первой зоны (самого озера Байкал, его водоохранной зоны, а также прилегающих к озеру особо охраняемых природных территорий). Исходя из природоохранных соображений, местному населению запретили вести в ЦЭЗ некоторые виды хозяйственной деятельности и нацелили регион на развитие туризма.

Перечислим главные сюжетные линии экологической политики РФ на БПТ.

1. Ограничения на хозяйственную деятельность в ЦЭЗ (Постановление Правительства РФ № 643 «Перечень видов деятельности, запрещенных в Центральной экологической зоне Байкальской природной территории»).
2. Создание особых экономических зон туристско-рекреационного типа (ОЭЗ ТРТ) (решение о развитии на Байкале двух ОЭЗ ТРТ «Байкальской гавани» в Бурятии и «Ворот Байкала» в Иркутской области).
3. Водоохранное зонирование (Распоряжение правительства от 05.03.2015 № 368-р об увеличении водоохранной зоны Байкала до 80 км и Постановление правительства от 26.03.2018 по сокращению водоохранной зоны).
4. Введение рыбоохранной зоны, к которой относятся территории, прилегающие к акватории водных объектов рыбохозяй-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта 17-29-05078 «Влияние социально-экономических процессов на экосистемы и эколого-экономическую ценность Байкальской природной территории».

ственного значения (введение на запрет лова байкальского омуля с 01.10.2017).

5. Ограничения в соответствии с правилами функционирования особо охраняемых природных территорий, к которым относится 43% территории ЦЭЗ.

Совокупность данных решений привела к запрету для населения свыше 40 видов деятельности режимом ЦЭЗ, 8 видов деятельности режимом водоохранной зоны, 5 видов деятельности нормами лесного кодекса для лесов, расположенных в водоохраных зонах [2, с. 1059]. На низкую эффективность запретного механизма сохранения природной среды в противопоставлении местному населению указал академик К. А. Тулохонов [1, с. 67].

Ориентация развития региона на туризм привела к тому, что современный турпоток на Байкал превысил допустимые рекреационные нагрузки. Массовый туризм стал самым мощным негативным фактором, влияющим на озеро Байкал и его прибрежную зону. Это связано с отсутствием соответствующей инфраструктуры: 1) очистных систем в населенных пунктах и на турбазах; 2) системы сбора и очистки отходов байкальского флота; 3) системы обращения с отходами на берегах Байкала. Отдельно следует подчеркнуть, что туризм с китайским лицом в Иркутской области и монгольским лицом в Бурятии организован таким образом, что прибыль от него практически не достается российской стороне.

Таким образом, природные ресурсы БПТ оказались в сфере конфликта интересов международного сообщества (охрана природы), местного населения, негативно относящегося к введенным природоохранным ограничениям, и туристического бизнеса, воздействие которого на природу стало главным фактором экологической деградации прибрежной части Байкала. Решения государства противопоставляют задачи охраны природы интересам местного населения и стимулируют массовый туризм в самых антиэкологических формах. Все это приводит к антиустойчивому развитию БПТ, основной причиной которого стало низкое качество государственного управления.

Литература

1. *Тулохонов К. А.* Мое дело сказать правду. Улан-Удэ: ИД ЭКОС, 2018.
2. *Яковлева И. А., Булатова В. Б., Куклина С. К.* Роль экологического туризма в развитии особо охраняемых природных территорий и экономики региона // *Экономические науки.* 2015. № 11.

Е. В. Шелкоплас

к. мед.н.,

*директор Института развития,
изучения здоровья и адаптации человека
Россия, г. Иваново*

От греха уныния к деятельному идеализму

Суть сегодняшнего дня легче формулируется апофатически — ее нельзя выразить словами песни, времен расцвета вдохновлявшей общество идеологии: «Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых!» (1940 г.). Оптимизм тех времен многим кажется странным. Идеология запрещена Конституцией РФ, но жить без высокой идеи, обеспечивая лишь влечения тела, явно не смысл бытия. Нам предлагают забыть «устаревшие» представления Гераклита: «Если бы счастье заключалось в телесных удовольствиях, то мы должны были бы называть счастливыми быков, когда те находят горох для еды...» [2]. «Хозяева жизни», похоже, нашли гороховое поле и не обращают внимания на побочные эффекты такого качества своего бытия.

Многие аналитики в растерянности воспринимают происходящее как хаос, считая будущее непредсказуемым. Но «хаос» — лишь иллюзия неподготовленного рассудка, «разруха» — в головах. Толчея на привокзальной площади — не хаос, все подчинено расписанию движения транспорта и личным мотивам присутствующих. Понимание сложных процессов требует системного анализа изучаемой сущности [6]. «Кризисы обновления» отражают конфликт старых законов и новых, порой не объявленных, и даже неосознанных, принципов. Теория оптимума развития (ТОР) [9] отмечает, что кризисы показывают: а) достижение нового уровня познания, сулящее новые выгоды и удобства обществу; б) неизбежное дряхление элит, их идеологий. Контрэлиты стремятся быть во главе обновления общества. Перемены обусловлены не только меркантильными и властными интересами отдельных людей, но и идеями общего блага. В ожидании позитивных перемен массы переходят на социально активные позиции. Будущее определяется не эгоистичными инициаторами реформ, революций и войн, претендующих на роль хозяев общества; они — малые и наивные фигурки исторического процесса. Хозяином Мира и Истории является Абсолют. Для него нет хаоса и непредсказуемости. Есть Замысел, Божественная Премудрость и непреложные Всеобщие Законы Бытия. Человеку позволено участвовать в творении Будущего, устанавливая временные социальные законы, при условии, что они гармоничны высшим законам. Тогда возникает состояние динамичного, скользящего, созвучного гармонии небес соответствия бытия человека — Замыслу.

Изгнанный из рая человек создает обновляющуюся культуру, «искусственную, вторую природу». Процесс приобрел стремительный характер. Чем порождается техносфера? От Бога она или от дьявола? Дискуссии имеют давнюю традицию. В. Белинский писал: «Великое дело — железная дорога: широкий путь для цивилизации, просвещения и образованности» [1]; Ф. Достоевский: «Наконец-то и у нас будет хоть одна железная дорога» [4, 48]; известны слова «Попутной песни» М. Глинки: «...Православный веселится наш народ! И быстрее, шибче воли поезд мчится в чисто поле» [3]. Н. Некрасов, отмечал высокую цену прогресса: «А по бокам-то все косточки русские...» Став привычным явлением, новация перестала волновать обывателя — появляется «Жалобная книга» А. Чехова. Сегодняшний обыватель таков же. Думая о себе, о сиюминутных «приятностях», он не может быть ориентиром в оценках масштабных перемен, надеясь на элиту общества, которая «должна (!) о нем позаботиться». Ему не сообщали взглядов Аристотеля, говорившего, что под именем демократии (требующей просвещенного и ответственного народа) обычно кроется примитивная охлократия. Дальновидные мыслители России понимали опасность прогресса, не ограниченного нравственными и духовными принципами. Архиепископ Никанор (Бровкович) известен благодаря статье К. Леонтьева «Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни». Леонтьев писал: «Это луч божественного света в сатанинском хаосе индустриального космополитизма и современного вавилонского всесмешения» [5]. В увлечении научным прогрессом человек «разрушает нравственный и социальный строй», отвлекаясь от совершенствования своего духовного мира, что ведет его к деградации и саморазрушению [7].

Конформистское духовенство не видит проблемы в пользовании достижениями технического прогресса — автомобилем, самолетом, смартфоном, банковской картой. Но у него нет ответа на вопрос о последствиях появления виртуального исповедника, в качестве которого будет выступать рождающийся «искусственный интеллект». Как тогда будет трактоваться Божественный Замысел? Станет ли искусственный интеллект воспринимать себя как внука Бога, призванного заменить и похоронить своего отца, человека? Неготовность к новизне означает риск гибели рода человеческого в результате развития военной и невоенной техники. Русские религиозные философы стремились «найти ключ к верному соотношению между светской философией и богословием» в решении самых сложных проблем, стоящих перед человеком и обществом [8]. Степень прозрения сути будущего зависит от детализации модели. В нашей культуре существует максимально далекий прогноз русских космистов, с его идеей развития ноосферы. Однако для уверенного движения в будущее необходимы также средне- и краткосрочные модели развития. Сове-

менная философия хозяйства [6] и ТОР [9] содержат такие конкретные предложения. Они позволяют обществу найти принципы гармоничной реализации кратко-, средне- и долгосрочных смыслов бытия в развитии человека и общества, создают условия для широкой конструктивной дискуссии.

Литература

1. *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 7: Статьи, рецензии и заметки: (декабрь 1843—август 1845).
2. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в русс. / пер.: крат. изд. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.
3. *Глинка М.* Романсы и песни для голоса в сопровождении фортепиано. Вып. 1 и 2. М.: Музыка, 1986.
4. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010.
5. *Леонтьев К. Н.* Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни // Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 2007. Т. 8. Кн. 1. С. 150.
6. *Осинов Ю. М.* Белые скрижали. Сумма иного знания. М.: ТЕИС, 2016.
7. *Соловьев А. П.* Архиепископ Никанор (Бровкович) о вреде идеи прогресса и вероятной пользе железных дорог // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия, 2014. Вып. 4 (54). С. 29–45.
8. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009.
9. *Шелкопляс Е. В.* Введение в теорию оптимума развития: принципы, анализ социальных процессов, образ будущего: монография: в 2 кн. / Е. В. Шелкопляс. Иваново, 2018.

В. Н. Шляпин
*к.т.н., профессор,
Независимый эксперт
Россия, Москва*

Геостратегия России по теории прогресса

Науки об обществе напоминают порой притчу о слепых, рассказывающих об облике слона. Фрагментарный анализ социальной динамики не дает уверенную основу создания стратегий развития. Авторская теория развития систем социальной природы (теория прогресса) основана на прорывной методологии, в которой привычные приемы исследования сплавлены с синтезом глобального, сущностного и системного подходов.

Глобальный подход позволяет по критериальному признаку разделить виды природы: элементарных частиц, вещественную, биологическую и социальную, что помогает далее реализовать идею основателя социологии О. Конта об «энциклопедической лестнице наук» и иерархии законов естествознания. Применение сущностного подхода позволяет, исходя из критериального признака природы, выделить имманентные свойства, эндогенные и экзогенные параметры объекта изучения, что создает фундамент объяснения законов его изменений. Кроме того, по условию имманентности можно установить приоритетность действий и уровень мотивации. Системный (целостный) подход в объектах социальной природы обеспечивает взаимосвязь процессов в экономике, сфере интересов и власти, сформулировать целевую функцию развития [1].

Почти все процессы в мироздании не ламинарны, и цикличность их объясняется несовпадением темпов образования и расходования ресурсов. Показано, что цикличность создает также гистерезисное поле развития. Выделение ресурсов в экономике, интересах и организации управления позволяет установить тенденции и закономерности процессов в социально-экономических объектах. Описание параметров в понятиях теории множеств благоприятствует применению языков имитационного моделирования в модели развития [2] и эвристических алгоритмов поиска оптимума.

Особенностью крупных (корпоративных) объектов социальной природы является организационная составляющая и осознанная мотивационная доминанта. Целостное системное отображение таких объектов включает взаимозависимое соединение трех сфер: экономика — умозаключения — организация управления. Системный подход, обеспечивая форму адекватного отображения целого объекта и условия сохранения целостности в динамике, позволил создать более полные модели социальных образований, от простейшего «домашнего хозяйства» до мировой экономики.

Тенденции изменения характера и потенциала экономических ресурсов, заряда интересов и потенциала управленческих воздействий становятся определяющими трендами развития человечества, неустойчивости полюсов организации и управления современным миром [3]. В целом разгорается постоянный конфликт между стяжательством и альтруизмом. Резкий и усиливающийся диспаритет социального развития в соответствии с некоторыми имманентными свойствами ведет к пещерному национализму и силовому режиму власти. Иллюзия легких путей экзогенного развития побуждает глубинные правительства стимулировать неустойчивость периферийных стран, дабы применять современные изощренные методы выкачивания ресурсов и трудовой стоимости.

Россия находится в неблагоприятных климатических условиях, но богата энергетическими и природными ресурсами. Хотя это приводит к за-

предельным энергетическим затратам на жизнедеятельность и агрессивным аппетитам «партнеров», но и воспитало своеобразный русский менталитет, ориентированный на эндогенное развитие и общинность взаимодействий. Геостратегия России, используя заряд исторического опыта традиционной общинности и толерантности, современного научного обоснования социально-экономического прогресса, должна явить миру концепцию целостного и мирного развития мирового сообщества и пример целостного взаимодействия на пути создания общества социальной справедливости.

Литература

1. *Шляпин В. Н.* Иерархия закономерностей и целевая функция социально-экономического развития. «Футурологический конгресс: будущее России и мира». ЦУП-ИНИОН РАН, Научный эксперт. М., 2010. С. 836–857.
2. *Шляпин В. Н.* Модель управления развитием // Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития. М.: ИНИОН РАН, 2011. Ч. 1. С. 184–195.
3. *Шляпин В. Н.* Сущность человечества в общей динамике мироздания // Глобальные тенденции развития мира. М.: ИНИОН РАН; ЦУП, 2013. С. 1327–1351.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю. М. Осипов</i> Вступительное слово	3
<i>Ю. М. Осипов</i> Российский миттельшпиль: большая игра, историческая партия, острое положение.....	4
Раздел I РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ	
<i>У. Ж. Алиев</i> Российский миттельшпиль с сомнительным дебютом и ...обнадеживающим эндшпилем	7
<i>О. В. Андреева</i> Адаптивность российской экономики в мировом контексте: источники и исходы.....	9
<i>Д. Ю. Афанасьев</i> Финансовый капитал в глобальной экономике: перспективы институциональной трансформации	11
<i>Т. Б. Бердникова</i> Новые смыслы эмерджентных мезоэкономических эффектов фондового рынка	13
<i>Е. Н. Братищева</i> Вероятностные подходы к оптимизации в экономике: текущие проблемы.....	15
<i>И. Р. Бугаян</i> Три условия успеха российского миттельшпиля	17

<i>Е. Н. Грибина</i> Интеграция российской национальной инновационной системы в мировую экономику	18
<i>Е. В. Зайцева, П. С. Толкачев</i> Смысл и цели российской цивилизации	20
<i>С. Н. Ивашковский</i> Российская экономика в контексте культуры	22
<i>С. В. Кайманаков</i> Открытость экономики и национальная экономическая безопасность России.....	25
<i>В. В. Кашицын</i> Россия в эпицентре современной мирохозяйственной бифуркационной камеры и инварианты ее преодоления в поиске экзистенциального выхода	26
<i>А. Д. Киселева</i> Анализ инновационного потенциала макрэкономического объекта (на примере России).....	28
<i>М. Е. Косов</i> Проблема бегства капитала и пути ее решения	30
<i>А. В. Кузнецов</i> Россия на мировой «шахматной доске»	32
<i>В. М. Кульков</i> России нужна стратегия прорыва.....	34
<i>О. И. Маликова</i> Изменение конкурентных позиций России на мировом рынке сырьевых материалов: возможности и риски для российской экономики	36
<i>Е. М. Найденова</i> Креативное государство — условие выживания России в «осыпающемся мире».....	38
<i>С. С. Носова, А. Н. Норкина</i> Цифровая инфраструктура в цифровизации экономики России	40

<i>М. Ю. Печалова</i> Монетарная политика банка России в глобальном контексте.....	42
<i>А. А. Прудникова</i> Проблемы привлечения иностранных инвестиций в Россию в условиях санкционных ограничений	44
<i>А. Е. Рассадина</i> Планирование как инструмент индустриально-технологической трансформации. Опыт Республики Корея.....	46
<i>Г. А. Родина</i> Вверх по лестнице, ведущей вниз, или вниз по лестнице, ведущей вверх?	48
<i>Г. Н. Рязанова</i> Проблемы и перспективы аграрного сектора России	50
<i>Е. А. Сенаторова</i> Актуальные проблемы развития российской системы нефинансовой отчетности в международном контексте.....	52
<i>А. В. Сметанко, В. А. Горбачев</i> Информационно-финансовый контроллинг институциональных условий развития российских торговых компаний	54
<i>Н. Э. Соколинская</i> Создание классификатора и его использование при кредитовании под залог прав интеллектуальной собственности.....	56
<i>Р. Е. Соколов</i> Диакония и социальная политика: опыт взаимного влияния и проникновения	58
<i>И. В. Трегуб</i> Финансовый суверенитет России. Модель Башелье	60
<i>А. М. Цикин</i> О выборе механизма формирования самодостаточной национальной экономики	61
<i>Л. А. Чалдаева</i> Современная экономика в условиях цифровой экономики	63

Л. Г. Чередниченко

Методологические подходы к анализу конкурентоспособности национальной экономики65

Я. С. Ядгаров

Академик Л. И. Абалкин о путях выхода российской экономики из современного экономического кризиса в мировом контексте67

Т. Ю. Яковец,

О долгосрочной стратегии развития социодемографического комплекса России69

Раздел II

ТЕХНОГЕНЕЗ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА ИЛИ ПЕРЕВОРОТ В БЫТИИ?

М. А. Алленых

Цифровизация банковской системы: зло или благо для клиента71

А. В. Андреева

Техногенез и современные российские банки72

Т. А. Андреева

Новые социально-экономические реалии и трансформации в общественном сознании75

Н. В. Апатова

Интернет в формировании интеллектуального капитала77

И. З. Гелисханов

Дата-платформенная революция в контексте информационно-цифровой экономики79

В. Н. Иванова

Согласование размерностей социальных и экономических факторов в модели инновационной деятельности81

Т. И. Коптелова

«Природоподобные» технологии экономики будущего с позиции технетики и органической философии83

В. К. Королев

Модернизация: обновление экономики или (и) метаморфоз бытия?85

<i>С. С. Мерзляков,</i> Ревизия институтов: от ограничений к их снятию	87
<i>Н. К. Муратова,</i> Цифровая экономика и безопасность хозяйствующих субъектов	89
<i>Н. П. Недзвецкая</i> Цифровая стадия мирового научно-технического прогресса и сопутствующие ей риски	91
<i>С. М. Никоноров</i> Эколого-экономические подходы к оценке устойчивого развития регионов и провинций Арктической зоны (Скандинавские страны и Россия)	93
<i>С. С. Нина</i> Устойчивое лесопользование: технологические возможности и риски	95
<i>А. В. Пиковер</i> Новая реальность в условиях наступления киберпространства, или Человек сетевой как новый социальный субъект	97
<i>Е. А. Починкова</i> Развитие техники и технологий как фактор эволюции человека	99
<i>И. И. Рудяк</i> От эстетической гармонизации пейзажа в живописи к эколого-экономической гармонизации сельскохозяйственного угодья в реальности	101
<i>О. Е. Рязанова</i> Нужна ли национальная криптовизация экономики	103
<i>А. В. Сигарев</i> Рынок С2С в условиях развития цифровых технологий	105
<i>Д. П. Соколов</i> Отчуждение человека в «цифровой» экономике	106
<i>С. В. Соловьева</i> К вопросу об инновационной трансформации в целях устойчивого развития	108

<i>А. И. Субетто,</i> Ноосферная Россия — императив эпохи великого эволюционного перелома	110
<i>Т. С. Сухина</i> Перспективы российской деревни: экологические аспекты	111
<i>Н. И. Усик</i> Трансформация хозяйства как воспроизводственная солидарность	113
<i>Г. В. Фадейчева</i> Горизонты трансформации: цифровой тоталитаризм или общество развития?.....	114
<i>Т. Н. Юдина</i> Информационно-цифровая экономика в контексте аналоговой.....	117
Раздел III	
ГЕОСТРАТЕГИЯ: ХОДЫ И ВЫХОДЫ	
<i>А. Л. Андреев</i> Русский мир в динамике: социальные представления и образы истории в сознании протоэлитных групп молодежи России и Белоруссии	119
<i>Л. Ю. Андреева</i> Финансовая модель реализации геостратегических инфраструктурных проектов	120
<i>А. Ю. Архипов</i> Необходимость и пути развития евразийской интеграции в современных геостратегических реалиях	122
<i>С. В. Бирюков</i> Про-активная политическая стратегия для российской геополитики.....	124
<i>Д. В. Гарбузов</i> История современности: образы Апокалипсиса и «второй модерн»	126
<i>С. А. Грушина</i> Цифровизация бизнеса при реализации геостратегической программы развития ОАО «Российские железные дороги».....	128

<i>М. М. Гузев</i> Цугцванг в миттельшпиле как российское ноу-хау	130
<i>Н. А. Иванов, А. А. Иванов</i> Патриотизм и единство в современных политических условиях РФ	132
<i>А. И. Иванус</i> Две перспективы России в аспекте мировой «справедливости»	134
<i>В. А. Ионцев</i> <i>А. А. Субботин</i> Евразийский путь демографического развития — основа спасения «тонущей» России	136
<i>В. Я. Иохин</i> Геополитические сдвиги и парадигма развития России	138
<i>Ю. А. Кропин</i> Системный кризис банковской сферы как основополагающий фактор кризисного развития	139
<i>О. В. Кудрявцева</i> Качество городской среды и устойчивое развитие общества	141
<i>В. Е. Мельченко</i> Трансформация сакральности труда: от русской культуры к советской и до корпоративной в условиях глобализации	143
<i>К. В. Молчанов</i> О частных исследованиях по теме «Стоимость. Экономика. Создание и развитие экономики России. Развитие России и возможность ее перехода в качественно новую цивилизационную фазу. Особый социальный эон диалектики этого мира»	145
<i>А. А. Погребняк</i> Русская идея, распределенное знание и категории новой политической этики	148
<i>Т. И. Пороховская</i> Образ глобальной этики как образ будущего мира	150

<i>С. П. Рамазанов</i>	
Российская геополитика: пока на часах не упадет флажок.....	152
<i>Л. И. Ростовцева</i>	
Проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» и книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...»: геостратегический аспект.....	153
<i>С. С. Слепаков</i>	
Стагнирующее хозяйство и отсутствие стратегии опережающего развития в современной России	155
<i>И. Ю. Фомичев</i>	
Этнокультурные аспекты арктического освоения.....	157
<i>О. В. Хмыз</i>	
Стратегические направления институционализации финансового сектора российской экономики.....	159
<i>И. Ю. Ховавко</i>	
Конфликтогенный потенциал Байкала	161
<i>Е. В. Шелкопляс</i>	
От греха уныния к деятельному идеализму.....	163
<i>В. Н. Шляпин</i>	
Геостратегия России по теории прогресса.....	165

**Международная научная конференция
РОССИЙСКИЙ МИТТЕЛЬШПИЛЬ:
ЭКОНОМИКА, ТЕХНОГЕНЕЗ, ГЕОСТРАТЕГИЯ**

Сборник тезисов

Под редакцией

Ю. М. Осипова, С. С. Нина, Т. С. Сухиной

ISBN 978-5-906932-08-2

9 785906 932082